

41

# СОВРЕМЕННОСТЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ  
И КНЯЗЬ П. А. ВИЗЕНСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ  
СЪ 1838 П. А. ПЛАТОНОВЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1846.

# КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ \*.

## ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Приступая къ описанію Кіева за сто-восемьдесятъ лѣтъ назадъ, я готовъ воскликнуть вмѣстѣ съ Дантомъ: «О память моя, теперь-то наступило время показать твое достоинство!» Но къ несчастью, память моя такъ слаба, что не хранитъ всего, что случалось мнѣ читать и слышать о старинномъ Кіевѣ. Сколько ни восклицай къ ней, она представитъ на-лицо не болѣе того, что какъ бы случайно осталось въ ней отъ изученія лѣтописей, нѣмыхъ памятниковъ старины и народныхъ преданій. Притомъ же мѣсто главнаго дѣйствія моей драмы не въ Кіевѣ, и потому я не обязанъ говорить вамъ объ этомъ городѣ больше того, сколько могло захватить вниманіе полковника Шрамка, у котораго въ головѣ сидѣлъ не Кіевъ, а Самко и обѣ стороны Днѣпра подъ властью одной булавы.

\* Предлагаемая статья заимствована изъ романа *Черная Рада*, котораго пять главъ помѣщены въ XXXVII и XXXVIII т. Современника. Впрочемъ она представляеть какъ бы отдѣльное сочиненіе. Авторъ смотритъ на дѣло романиста серьезно, и для своихъ разсказовъ изучаетъ историческіе источники и памятники такъ же прилежно, какъ бы и для самой Исторіи Украины. По-этому изображенная здѣсь картина хотя представлена и въ драматической формѣ, но основана на строгомъ изученіи старины Украинской. Редакти.

Первый предметъ, обратившій здѣсь на себя его вниманіе, была сторожевая башня съ воротами и рогатками. Тутъ подошелъ къ своимъ путникамъ *вартовый* \* и, взявши съ нихъ по грошу *обвѣстки* на воеводу, отворилъ предъ ними ворота.

Всѣ почти поселенія Кіевскія помѣщались тогда на одномъ Подолѣ и простирались не далѣе канавы, за которою лежали открытою равниной зеленые луга, бывшіе столько разъ мѣстомъ кровавыхъ битвъ съ непріятелями \*\*. Бѣдственные обстоятельства сжали въ такой малый объемъ этотъ нѣкогда обширный и многолюдный городъ. Послѣ нашествія Батыева, Кіевъ превратился почти въ пустыню, такъ—что хотя и имѣлъ иногда своихъ князей, но путешественники XIII вѣка видѣли въ немъ только развалины и во всемъ княжествѣ Кіевскомъ очень мало жителей. Кромѣ Татарскаго разоренія, эту несчастную страну опустошали Литовцы безпрестанными своими набѣгами. Князья Галицкіе также вмѣшивались въ дѣла этаго княжества и присвоили себѣ титулъ великихъ князей Кіевскихъ, не заботясь впрочемъ о обновленіи этой столицы: почему паденіе Украины подъ власть Гедымина было благотѣльно для города Кіева, ибо князья Литовскіе съ тѣхъ поръ защищали уже его и отъ Татаръ и отъ другихъ князей, спорившихъ о на-

• Часовой.

\*\* Нужно впрочемъ замѣтить, что Днѣпръ тогда шелъ отъ города гораздо далѣе и давалъ мѣсто постройкамъ. По ту сторону Днѣпра, рукавъ его, называемый *Старикомъ*, показываетъ прежній его жолобъ.

слѣдствѣ Кіевскаго престола. Но баскаки Татарскіе десять лѣтъ еше усливались удержатъ здѣсь власть свою, и потомъ уже отошли къ южнымъ провинціямъ.

Не долго однако жъ Кіевляне наслаждались спокойствіемъ: въ 1399 году, Монголо-Татарскій великій князь Тимуръ-Кутлукъ; озлобясь на Витовта, великаго князя Литовскаго, напалъ съ юга на его области, побѣдилъ его за рѣкою Ворсклою и, подступивъ къ Кіеву, взялъ съ него три тысячи серебряныхъ рублей окупы. Не прошло семнадцати лѣтъ, какъ предъ Кіевомъ явился Черноморскій ханъ Эдигей, и хотя не могъ взять укрѣпленнаго Кіевскаго замка, но ограбилъ посады, сжегъ ихъ со всѣми церквами, а нѣсколько тысячъ людей увелъ въ плѣнъ. Съ тѣхъ поръ Кіевъ опять совершенно опустѣлъ и медленно населялся.

Въ теченіе шестидесяти шести лѣтъ опъ снова поднялся—было изъ своего упадка, какъ въ одно утро, въ Сентябрѣ 1482 года, Кіевляне увидѣли свои прекрасныя Діѣпровскіе луга покрытыми Татарами такъ густо, какъ травою. Татары окружили Кіевъ, взяли безъ сраженія Литовскаго воеводу Ивана Ходкевича, забрали множество плѣнныхъ и отходя зажгли весь городъ съ посадами, съ Печерскимъ монастыремъ и всѣми ближними селами. Съ той поры Татары безпрестанно набѣгали на Кіевскую область, какъ бы по проложенной уже дорогѣ, и до начала XVI вѣка владѣли Кіевомъ \*.

• Кромеръ

Въ это время на пограничьи Русской земли, подвластной Полякамъ, образовалось козацкое войско и заслонило собою Кіевъ и всю южную Русь отъ Татарскихъ набѣговъ. Кіевъ тогда опять сталъ выходить изъ своего затруденія. Но къ-несчастью, возникшая въ Польскомъ королевствѣ унія останавливала его на пути къ благосостоянію. Уніаты и католики набѣжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли оттуда православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовныя школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ такихъ распряхъ — и Кіевскія святыни не только не возобновлялись, а приходили еще въ большій упадокъ. Монахъ Кіевопечерскаго монастыря Аѳанасій Кальнофойскій, описывая въ своей *Тературимъ* \* тогдашній Кіевъ и упоминая о многихъ древнихъ церквахъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что отъ такой-то церкви «остались едва стѣны, а развалины покрыты землею», въ другомъ — что церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся «погребенными на-вѣки», наконецъ, дошедши до конца Старокіевской возвышенности, бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподоль, называя его «жалостнымъ», и говоритъ, что онъ едва ли достоинъ имени Кіева, «въ которомъ, по словамъ его, нѣкогда было церквей болѣе 300 каменныхъ, 100 деревян-

\* Напечатанной въ 1638 году въ Кіевопечерской типографіи.  
Современникъ. Т. ХLI.

ныхъ, а нынѣ всѣхъ едва ли 13». Лѣтопись Украинская, также въ немногихъ словахъ, но живо изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіевскихъ церквей около половины XVII вѣка. «Приде же, говоритъ она, Хмѣльницкій въ Кіевъ, благодареніе Богу воздавая, давшему ему побѣду, и, видѣвши красоту церквей Божіихъ опустошенну и на землю поверженну, плакася».

Еще предстояло Кіеву одно бѣдствіе. Послѣ несчастной Берестечской битвы, Радзивилъ пришелъ съ своими Литвинами въ Кіевъ, и тутъ излилъ всю свою месть надъ народомъ: городъ былъ разграбленъ и выжженъ до основанія, а жители, спасшіеся отъ меча и пламени, сѣли на лодки и ушли по Днѣпру къ Переяславу.

Съ того несчастнаго года прошло только двадцать лѣтъ до описываемаго мною времени, и слѣды пажара еще не исчезли. Въ строеніяхъ весьма часто чернѣли обгорѣлыя бревна между свѣжими брусьями. Мѣстами видны были обожженные сады и пустыри съ развалинами домовъ, съ торчащими безобразною грудю печами и воротами; заборы, ворота и другія строенія были почти вездѣ новые. Картина эта была бы довольно жестка, если бъ не смягчалъ ея Украинскій вкусъ къ выбѣленнымъ хаткамъ, къ окнамъ, обведеннымъ вокругъ красною краской, къ низелькимъ плетнямъ, по которымъ вьется хмѣль вмѣстѣ съ широкими листьями тыквъ, къ огородамъ, наполненнымъ макомъ и подсолнечниками.

Кіевъ тогда немногимъ отличался отъ деревни— отличался только своими церквами и монастырями, деревяннымъ замкомъ на горѣ Киселевкѣ \* и деревянными стѣнами вокругъ города, съ башнями и бойницами. Что же касается до устройства улицъ, то онѣ напоминали своимъ расположеніемъ теченіе рѣки, которая не пролагаетъ себѣ дороги въ прямомъ направленіи, а только наклоняется туда и сюда отъ встрѣчаемыхъ на пути преградъ. Линіи ихъ образовались случайно, а не по предначертанному плану. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были очень тѣсны, въ другихъ разширялись такъ далеко, что только сильная рука могла бы перебросить черезъ нихъ камень.

Путники наши, сдѣлавши нѣсколько извиливъ, выѣхали на одинъ изъ такихъ пустырей, называвшихся *майданами* и, къ удивленію своему, увидѣли, что онъ, не смотря на свою ширину, загроможденъ повозками. Подѣхавши ближе, можно было замѣтить, что повозки сбились здѣсь не случайно, а были поставлены въ два ряда, такъ-что никто не могъ проѣхать. Шрамко послалъ сына впередъ очистить дорогу; но не такъ-то легко было это сдѣлать: за повозками у дверей одной хаты сидѣла толпа народу вокругъ большого ковра, уставлен-

\* Замокъ этотъ, за сто лѣтъ до описываемой мною эпохи, имѣлъ 13 рубленныхъ башенъ, изъ которыхъ 14 было шестигольныхъ, а одна низшая четырехъугольная. Въ немъ было три Русскихъ и одна Латвиская церковь (Подробное описаніе этого замка см. въ *Zródła do Dziejów Polskich*, II, 123—140). Незавѣстно, до какой степени измѣнился онъ въ теченіе ста лѣтъ.

наго бутылками, кружками, чарками и разнаго рода посудю. Шрамченко тотчасъ догадался, что хозяинъ этой хаты даетъ открытый пиръ по какому-нибудь торжественному случаю; ибо въ то время существовалъ еще патриархальный обычай, по которому отецъ семейства, для изъявленія своей радости о рожденіи сына или дочери, о богатомъ урожаѣ и счастливомъ окончаніи уборки хлѣба, или по какому-нибудь подобному случаю, разстилалъ у порога своей хаты скатерть или коверъ, становилъ на него разныя кушанья и напитки, и приглашалъ выпить и закусить всякаго, кто проходилъ или проѣзжалъ мимо.

Веселая компанія, заграждавшая дорогу нашимъ богомольцамъ, состояла изъ однихъ мѣщанъ, что можно было видѣть во-первыхъ потому, что, кромѣ ножей у полса, у нихъ не было никакого оружія: одни козаки и паны имѣли право ходить всегда при саблѣ — мѣщанамъ же позволялось носить оружіе только въ дорогѣ; во-вторыхъ потому, что пояса ихъ подвязаны были по жупану, а кунтуши надѣты на-распашку: въ то время одни паны и козаки опоясывались поясомъ по кунтушу — мѣщанинъ же, опоясавшись такъ, могъ бы показать передъ знатными людьми неприличное высокомеріе; а въ-третьихъ потому, что въ костюмахъ ихъ не было краснаго цвѣта, составлявшаго принадлежность высшаго сословія: мѣщане носили тогда платья синихъ, зеленыхъ и коричневыхъ цвѣтовъ; а бѣд-



нѣйшіе изъ нихъ носили лычаковые \* желтогорячаго цвѣту кунтуши и жунаны, почему козаки и паны называли мѣщанъ *лычаками*, а тѣ называли ихъ *кармазинами* \*\*.

Шрамченко сдѣлалъ пирующимъ громкое привѣтствіе, чтобы покрыть своимъ голосомъ ихъ шумный говоръ; и когда нѣсколько головъ оборотилось въ ту сторону, чтобъ видѣть новаго гостя, онъ адресовался къ нимъ съ такою рѣчью: «Пане хозяине, и вы, шановная громада! просить полковникъ Шрамко пропуска черезъ вашъ таборъ.»

При имени Шрамка, извѣстномъ каждому не только въ Кіевѣ, но и во всей Украинѣ, нѣсколько человекъ поднялось съ любопытствомъ на ноги, и хозяинъ, котораго можно было узнать потому, что онъ вмѣсто жупана и кунтуша былъ только въ синихъ *китаевыхъ* шароварахъ и въ бѣлой сорочкѣ, съ красною лентою у воротника, сказалъ: «Гдѣ жъ тотъ Шрамко? Мы видимъ передъ собою только развѣ десятую долю Шрамка.»

— Какую десятую! подхватили гости, сотую!

— И сотой нѣтъ! и сотой нѣтъ! кричали многіе голоса. Хоть тысячу такихъ красныхъ жупановъ сложи вмѣстѣ, все-таки не будетъ Шрамко.

Всѣ были довольны такою выходкою, что видно было по смѣху, пробѣжавшему въ толпѣ; но Шрамченко ни мало не сконфузился: онъ понималъ,

\* Матерія лычакъ дѣлалась изъ пеньки и похожа была нѣсколько на атласъ.

\*\* *Кармазинъ* — тонкое яркочерсваго цвѣту сукно.

что этимъ выражалось высокое мнѣніе ихъ объ его отдѣ.

Въ это время подѣхалъ и самъ старшій Шрамко. Гости, едва завидѣли сѣдую его бороду, тотчасъ раздвинули повозки и вышли къ нему навстрѣчу подъ предводительствомъ своего хозяина, вооруженнаго большою сулеею и глинянымъ кувалдомъ.

— Вотъ нашъ старшій Шрамъ! кричало нѣскольکو голосовъ, вотъ нашъ батько!

— И батько и панотець! кричали другіе. Батько потому, что полковникъ и лютой ворогъ Ляхамъ, а панотець потому, что священникъ, іерей!

— Ге, Тарась! сказалъ Шрамко, узнавши въ хозяинѣ стараго трубача охочекомонныхъ козаковъ своихъ, Тараса Тютюна или Сурмача \*, какъ звали его въ Кіевѣ. Противъ кого это ты заложилъ таборъ? Кажется жъ, тихо на Украинѣ?

— Гдѣ тебѣ тихо, пане полковнику! отвѣчалъ Тарась Тютюнъ. Сегодня родился у меня такой рыцарь, що вся земля затряслась \*\*. Далъ миѣ Богъ сына, такого жъ якъ и я Тараса. Коли мышъ головы не откусить, то и онъ будетъ по-батьковски трубить козакамъ на приступы, да и теперь уже трубить на всю хату!

\* *Сурмачъ* — трубачъ, отъ слова *сурма* — труба.

\*\* Народъ вѣрить, что рожденіе великихъ людей знаменуется всегда какииъ-нибудь необыкновеннымъ событіемъ. Въ Куменкахъ одинъ старикъ, рассказывая миѣ о подвигахъ новѣйшаго козацкаго героя Гладкаго, обличенныхъ уже въ баснословную форму, говорилъ: «Тогда (въ Польскую войну 1793 года) незнаю чого народъ натрусился. Було кажить: Се видно дещъ великій дитячаръ уродився, шо вся земля загрусилась. Ажъ отогдѣ саме, якъ скопнявся отта заверху, той Гладкий-то народився».

— Нехай великъ росте, да счастливъ буде! сказалъ Шрамко.

— Чимъ же тебе шановать, пане полковнику: «Ой чи медомъ, ой чи пивомъ, ой чи горѣлкою?»

— Ничѣмъ ненадо меня потчевать, Тарасе.

— Якъ то ничѣмъ? сказалъ съ удивленїемъ старый Сурмачъ, помнившїй, что Шрамко въ старые годы пивалъ не проливая. Якъ то ничѣмъ, пане полковнику? Хиба зарокъ положижъ?

— Не зарокъ, Тарасе, а то, что, вступивши въ Кїевъ, всякому Христїанину должно сперва поклониться церквамъ Божиимъ.

— Добродїю мой любезный! говорилъ старый Сурмачъ, не отставя отъ него. Если бъ я зналъ, что такая миѣ будетъ на-старость честь отъ полковника Шрамка — врагъ меня побери, когда бъ я затрубилъ вамъ хоть на одинъ приступъ! Хиба жъ ты не радъ моему Тарасу, що не хочешь покронить его сповивача? Тебѣ, видио, все равно. вырастетъ ли изъ него добрый козакъ, или захорявѣтъ якъ жиловча!

— Радъ я ему отъ всей души; пошли ему Богъ счастье и долю; но не такая пора теперь, чтобъ пить.

— Для добраго дѣла всегда пора. Смотри. сколько возовъ стоитъ вокругъ моей хаты. Никто не отцурался моего хлѣба и соли. Иной на ярмарокъ ѣхалъ, иной въ лѣсъ за лозою на огорожу; но когда пужно привитать новаго челоувѣка, то пусть ярмаркуеть-себѣ кто хочеть, пусть свиньи лазать въ

огородъ, а жинка рветъ на себѣ волосы — пхе! тутъ нужнѣйшее дѣло зашло: треба стараться, щобъ новому челоувѣку не гирко було на свѣтѣ жить. А то на кого жъ нарекать будетъ? на батька! — Отъ, скаже, у мене батько сякій-такій бувъ! поскупився справить мпѣ, якъ слѣдъ, родини, а теперъ и ѣжъ хлѣбъ пополамъ со слезами!

— Образумься, ради Бога, Тарасе! сказалъ Шрамко, начинавшій терять терпѣніе. Пристало ли челоувѣку, ѣдучи для поклоненія святымъ угодникамъ...

— Да що ты, куме, возлѣ него панькаешь \*? сказалъ Тарасу чей-то грубой голосъ. Хиба ты не знаешь, что все это значить? Это значить: знай нашихъ! Это значить *кармазины!* отъ що! Это значить, нашъ братъ имъ не компанія! отъ що!

— Чортъ возьми! вскричало еще нѣсколько голосовъ, ибо пьяная чернь подобна горючему веществу, которое можно воспламенить одною искрою — такъ мы только тогда компанія кармазинамъ, когда нужно выручать изъ-подъ кормыги Лядской \*\*?

— Пхе! сказалъ хозяиць. Если такъ, такъ чего жъ намъ возлѣ нихъ панькать?

— Къ чорту всѣхъ кармазиновъ! раздались въ толпѣ буйные голоса. Они только умѣютъ побрякивать саблями. А гдѣ они тогда были, эти брякуны, якъ проклятый Радзивилъ застучалъ изъ пущекъ въ городскія ворота? Мы должны были отдуваться сами!

\* Отъ слова говорятъ: *пане, пане.*

\*\* *Кормыга Лядская* — иго Польское.

— А вы жъ, проклятые салогубы, гдѣ были въ то время, когда Ляхи обгорнули насъ подѣ Берестечкомъ, якъ баба жаромъ горшокъ, да припекли такъ, що третья часть войска выкипѣла? Гдѣ вы тогда были? вскричалъ Шрамко, весь вспыхнувши отъ такого приѣма пьяныхъ горожанъ. Вы тогда звенѣли талярами да дукатами, что набрали отъ козаковъ за гнилыя подошвы да дыравыя сукна! А Радзивилъ пришелъ—такъ вы, окаянныя, не осмѣлились сдѣлать противъ него ни одного выстрѣла! Подлые трусы! вы добровольно отдали Радзивилу оружіе, и какъ безсильныя женщины просили пощады у Литвиновъ. А когда Кіевъ запылалъ, и Литвины принялись душить васъ какъ волки овецъ, въ то время кто подоспѣлъ къ вамъ на помощь, если не козаки? Бѣдный Джеджелѣй съ горстью своихъ сѣромахъ влетѣлъ въ Кіевъ, какъ голубка въ свое гнѣздо въ-слѣдъ за коршуномъ. А вы поддержали его, подлые зайцы! Джеджелѣй только упоилъ саблю въ Литовской крови — и долженъ былъ уйти изъ Кіева ни съ чѣмъ! Дурень покойникъ! если бъ я былъ тогда, я не Литвиновъ бы рубилъ, а васъ, бѣсовы дѣти! Я научилъ бы васъ защищать то, что отвоевано вамъ козаками.

— Какой дьяволъ отвоевывалъ намъ наше доброе, кромѣ насъ самихъ? кричали мѣщане. Отвоевано козаками! Да кто жъ были тѣ козаки, если не мы сами? Это теперь, по милости вашей, мы не посимъ ни сабель, ни кармазину. Козачество вы для себя припрятали, а мы изволь строить своимъ

коштомъ стѣны, полисады, башни, платитъ чиншъ и чортъ знаетъ еще что! А почему жъ бы намъ такъ же, какъ и козакамъ, не привязать къ боку сабли и не сидѣть сложа руки?

— Козаки сидятъ сложа руки? возразилъ Шрамко. *Що бь вы такъ по правдѣ дышали!* Если бъ не они, то давно бъ васъ чортъ побралъ, давно бъ

васъ Ляхи съ недоляшками задушили \*, або Тата-

\* Мѣшане много терпѣли отъ католиковъ и униатовъ. Въ *актъ*, или *записи* конфедерации Виленской 1399 года, заключенномъ диссидентами для оппозиціи католикамъ и униатамъ, сказано, что католики, «не доходя до гоненіемъ, воздвигаемымъ на мѣста и лица, посвященные бою служенію, обратились на свѣтскія лица, особенно на *мѣщанство*, за различіе въ исповѣданіи, за которое уже надъ нѣкоторыми въ городахъ республики, по образу иностранному, производятся инквизиціи, удаляютъ ихъ отъ цеховъ, художествъ, промысловъ купечества и даже отъ житія въ городѣ; не признаютъ ихъ равенства состоянія, почитаютъ недостойными доверія въ свидѣтельствахъ, приписываютъ имъ даже незаконное рожденіе, особливо, если бракъ благословенъ нашимъ духовенствомъ; время отъ времени чаще огничаютъ у родителей власть вылавать собственныхъ дочерей въ замужество, а замужнихъ женъ злоумышленно на заключеніе осуждаютъ къ Римскому духовенству, и ему же отдають власть произволить судъ о гражданскихъ записяхъ, производимыхъ со стороны супружества,» и проч. (*Приб. къ описан. Кіевософ. Соб. 74*). Замѣчательно, что этотъ актъ, въ которомъ дворянство торжественно присягнуло всѣмъ мѣбрамъ защищать какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго порознь изъ угнѣбляемыхъ католиками, подписанъ былъ князьями: Острожскимъ, Савушкою, Вишневецкимъ, Корецкимъ, Рожнискимъ, Горскимъ, Соширецкимъ, Пувиною, Радзивилами, Сокольскимъ, Друцкимъ-Борскимъ, Жижнскимъ, швешествомъ воеводъ, каштеляновъ и другихъ вельможныхъ пановъ и знатныхъ рыцарей, которые черезъ полѣтка всѣ окатоличились, и козаковъ, такъ сказать исполнившихъ ихъ предпріятіе, считали злѣйшими своими врагами. Унія была пагубна какъ для Польши, такъ и для Украины. Поляки потерпѣли со стороны матеріальной, разстроивъ свои силы, а мы съ нравственной, потерявши свое славное древнее дворянство. Въ Украинѣ, послѣ войны Хмѣльницкаго, осталась почти одна чернь, научившаяся владѣть мечемъ, который употребляла верѣдко себѣ во вредъ, но далекая отъ того, чтобы поддержать достоинство своей націи.

ре перехватили. Неблагодарныя твари! да только козацкою храбростю и держится Украинскорускій народъ и православная вѣра; а безъ нихъ тутъ бы сидѣлъ Ляхъ на Ляху! Изволь имъ всѣмъ дать права козацкія! Сказали бѣ вы это батьку Хмѣльницкому! Онъ бы потрацилъ на вашихъ безмозглыхъ головахъ булаву свою \*. Глѣ это видано, чтобъ весь народъ имѣлъ одинакія права? Всякому свое. Козакамъ сабля и конь, вамъ счеты и вѣсы, а посполству плугъ да борода.

— Если всякому свое, пане Шрамко, сказалъ Тарасъ Сурмачъ, размахивая сулеею такъ, что обливалъ самъ себя вишневою, если всякому свое, то почему жъ намъ саблю и козацкую вольность не считать своими? У козаковъ не было войска — мы сѣли на коней и стали подъ ихъ корогами; у козаковъ не было денегъ и оружія—мы доставили имъ и деньги и оружіе: вмѣстѣ воевали на Поляковъ, вмѣстѣ терпѣли всякія пригоды. А когда пришлось до расчету, то козаки остались козаками, а насъ въ

\* Дѣйствительно, иногда Хмѣльницкій долженъ былъ прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ. Когда въ 1661 году онъ трактовалъ въ Бѣлой Церкви съ Польскими депутатами о мирѣ, червь взбунтовалась противъ него и хотѣла побить депутатовъ. «Татъ-то ты, пане Хмѣльницкій гетмане», кричали со всѣхъ сторонъ голоса, „тракуешъ съ Ляхами, а насъ хочешъ выдать Ляхамъ въ неволю! Но пока до этого доидеть, самъ сперва поляжешъ гололою, и ни одинъ Ляхъ изъ этого замку не выйдетъ“ (Рамієтнікі о wojн. koz. za Chm. Наши лѣтописцы приводятъ тѣ же самыя угрозы). Хмѣльницкій, истощивъ свои убѣжденія, и видя, что слово на этихъ людей не дѣйствуетъ, принялся убѣждать ихъ другимъ способомъ: убилъ нѣсколько человѣкъ гегманскою булавою — и только этимъ спасъ пословъ отъ смерти.

поспольштво повернули! Що жъ мы такое? пхе! хиба мы не тѣ жъ козаки?

— Хиба мы не тѣ жъ козаки? подхватили гости, заложивши гордо руки за пояса. Кто жилъ съ нами прежде за-папибрата, тотъ теперь гордуе нашею компанією!

Шрамко нѣсколько разъ начиналъ говорить, но потокъ пароднаго негодованія былъ такъ быстръ, что уносилъ его слова недоконченными.

— Пстойте, пстойте, паны кармазины, заревѣлъ, какъ бы въ заключеніе этаго нестройнаго концерта, грубый голосъ одного толстаго мѣщанина: мы вамъ поуменьшимъ немного пыхи. Недолго вамъ орудовать нами: *добрые молодцы* не дадутъ намъ загинуть. Будеть у насъ *Черная рада*: тогда посмотримъ, кто какія права будетъ имѣть.

— Черная рада? повторилъ Шрамко. Что это за Черная рада?

— Пусть тебѣ вотъ тотъ молодець скажетъ, что за Черная рада, коли не знаешь! отвѣчали съ торжествующимъ видомъ мѣщане, указывая, на одного изъ гостей Сурмача.

Шрамко взглянулъ черезъ головы своихъ противниковъ и увидѣлъ возлѣ хаты чубатаго Запорожца, который сидѣлъ, куря коротенькую люльку, и, по видимому, не обращалъ никакого вниманія на споръ своихъ собесѣдниковъ.

— Эге-ге! такъ вотъ откуда этотъ вѣтеръ вѣетъ? сказалъ Шрамко, и душа его наполнилась самыми горькими предчувствіями. Запальчивость его въ одно



мгновеніе исчезла и уступила мѣсто горячему чувству любви къ родинѣ, которой угрожалъ раздоръ народныхъ сословій, раздуваемый, какъ онъ увидѣлъ, Запорожцами.—Шановная громада! сказалъ онъ ласково. Не думалъ я, чтобъ Кіевъ въ такое короткое время такъ сильно переимѣнился! Давно ли мы въѣзжали сюда съ батькомъ Хмѣльницкимъ—и тогда встрѣчали насъ со слезами радости и съ благословеніями, а теперь Шрамка, который былъ рукою козацкаго батька, вы ни во что уже ставите?

— Батько ты нашъ коханий! отвѣчалъ ему старый Сурмачъ, который живѣе всѣхъ былъ тронуть такимъ оборотомъ рѣчи, кто жъ тебя ни во что ставить? Да ты не уважай на ихъ крикъ: *мало чого не буває, що п'яний сп'ває.* Сказано: *що въ тверезого на умъ, то въ п'яного на лзыць.* Ъдь-себѣ съ Богомъ, поклонись церквамъ Божиимъ, а тогда, можетъ быть, и къ намъ завернешь.

— Тогда иншая рѣчь, отвѣчалъ Шрамко.

— Такъ прошу жъ твоей милости, пане полковнику, заверни до моего двора: а у меня и конямъ конюшня есть, и новая свѣтлица для тебя и для твоихъ домашнихъ.

Въ это время Череванъ, соскучившись долго ждать развязки возникнувшаго спора, подѣхалъ къ Шрамку и окружавшимъ его мѣщанамъ и сказалъ: Братцы! когда вы такъ сердитесь за то, что мы не пьемъ теперь за здоровье крестника; то обождите только, пока мы сѣздимъ до церквей Божиихъ: а

потомъ я готовъ съ вами сѣсть оттутъ, и не знаю, кто въ Кіевѣ перепьетъ меня!

Тогда общее вниманіе обратилось на эту осанистую особу, извѣстную въ Кіевѣ добродушіемъ и гостепріимствомъ; посыпались поклоны и привѣтствія, на которыя Череванъ, смѣясь отъ души, снималъ шапку и кланялся.

— Вотъ панъ, такъ панъ! кричали гости. Дай Богъ и повѣкъ видѣть такихъ пановъ! Нѣтъ въ немъ ни капли гордости!

— За то жъ ему Богъ далъ и такую золотую пани, говорили нѣкоторые, какъ бы стараясь замазать этимъ прежнія свои грубыя выходки противъ *кармазиновъ*.

— За то жъ ему Богъ далъ и такую дочку, что краше маку въ огородѣ! прибавляли другіе.

— Ну, пропустите жъ насъ, когда такъ, сказалъ Шрамко.

— Пропустите, пропустите ясныхъ пановъ. А заѣдете жъ ко мнѣ до господы? говорилъ Тарасъ Сурмачъ.

Шрамко еще разъ обѣщалъ заѣхать, и тогда данъ ему и его спутникамъ безпрепятственный пропускъ.

Пробравшись сквозь шумную толпу, Шрамко долго ѣхалъ потупивши голову. Неожиданная эта сцена сильно его опечалила. Спутники его не прерывали его задумчивости, одни потому, что раздѣляли его чувства, а другіе потому, что занялись разсматриваніемъ города и его жителей, которые,

встрѣчая такой богатый поѣздъ, почтительно кланялись и разминувшись еще останавливались и долго слѣдили за нимъ глазами. Наконецъ онъ облегчилъ глубокимъ вздохомъ свою грудь и сказалъ въ полголоса: *Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущасши мя? уповай на Господа...* Потомъ вздохнулъ еще разъ и прибавилъ: *Господи Боже силъ, блаженъ человекъ уповай на Тя!.. Богъ намъ прибежище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зло. Сего ради не ублжся, вегда смущается земля и прелгаются горы въ сердца морская.*

Череванъ, ѣдучи подлѣ Шрамка, прислушался къ этимъ словамъ и, заключивши по нимъ, что душа его пріятеля сильно возмущена, ибо только въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ энергическимъ стихамъ Царя Пророка, столь согласнымъ съ пылкою и глубокою душою Украинца, заключивъ поэтому, что душа Шрамка сильно возмущена, добродушный Череванъ почелъ за благо прибавить отъ себя нѣсколько утѣшительныхъ словъ: *Бгате Иване!* сказалъ онъ, совѣтовалъ бы я тебѣ *ударить лихомъ объ землю.* Чего тебѣ печалиться?...

— Какъ чего? прервалъ его Шрамко. Развѣ ты не слышишь, что на умѣ у этой сволочи? Затѣвають *Черную раду*, Иродовы души!

— Да врагъ ихъ возьми, бгате, съ ихъ *Черною радюю!* нехай себѣ-затѣвають.

— Какъ нехай затѣвають? Да развѣ ты не знаешь, что все это значить? Вѣдь это все пружины проклятаго Мартынца! Что жъ? мы должны сидѣть

сложь руки, когда оговъ уже подложенъ, и пожаръ скоро вспыхнетъ на горе Украинѣ?

— А що намъ, бгате, до Украинны? Хиба намъ нечего ѣсть, нечего пить, не въ чемъ ходить? Слава Богу, будетъ съ насъ, пока нашего вѣку. Я, будучи тобою, сидѣлъ бы лучше спокойно дома, да попивалъ наливки съ пріятелями, нежели биться по далекимъ дорогамъ, да ссориться съ пьяными кривунами.

— Врагъ возьми мою душу, вскричалъ съ гнѣвомъ Шрамко, если я ожидалъ отъ тебя такихъ рѣчей въ эту минуту! Ты настоящій Барабашъ!

— Я Барабашъ? сказалъ Череванъ, обиженный этимъ именемъ, обратившимся тогда въ бранное слово. Я Барабашъ?

— Да, тотъ самый Барабашъ, который говорилъ Хмѣльницкому:

Мы дачи не даемъ,  
Въ вѣско Польское нейдѣмъ:  
Не лучше бъ намъ зъ Лихами,  
Мощивыми панами,  
Мирно проживати,  
А вижъ пойти лугивъ потирати,  
Своимъ тѣломъ комаривъ годовати? — —

Твои слова значатъ то же самое: пусть погибаетъ отчизна, лишь бы намъ хорошо было! Съ этаго времени я не иначе буду называть тебя какъ Барабашемъ, и на той сторонѣ Днѣпра всѣмъ сотникамъ и полковникамъ скажу, что Череванъ теперь добраго слова не стѣитъ.

— Бгатъ Шрамко! сказаль Череванъ съ несвойственнымъ ему выраженіемъ внутренняго волненія; если бъ это было сказано лѣтъ десять назадъ, то я зналъ бы, какъ отвѣчать тебѣ на эти слова: насъ разсудила бъ пуля передъ козацкою громадою; теперь я уже не тотъ — но врагъ меня возьми, если хочю остаться при такомъ паскудномъ прозвищѣ! и отъ кого жъ? отъ Шрамка! Я докажу тебѣ, що я не Барабашъ: ѣду съ тобою за Днѣпръ такъ, якъ есть, съ женою, дочкою и Василемъ Невольникомъ, и буду дѣлать все, что ты сдѣлаешь, хоть бы ты, для блага отчизны, бросился съ мосту въ воду!

— Вотъ это по-козацки! вотъ это по-рыцарски! воскликнулъ Шрамко, восхищенный живою рѣчью Черевана такъ, что даже забылъ на-время свое горе. Дай же руку, пріятелю, и обѣщай, что не отстаешь отъ меня ни въ какомъ случаѣ.

— Даю, бгате, и обѣщаю! могъ только промолвить Череванъ, смѣясь отъ довольства самимъ собою. Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ: такъ прежіи козацкіи духъ, вспыхнувшій въ немъ на-минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

— Пасилу заговорилъ по-людски, сказала его жена, которой желаніе съѣздить за Днѣпръ наконецъ исполнялось, въ чемъ она начала-было сомнѣваться, ибо добрый Череванъ уступалъ своей женѣ только въ такихъ случаяхъ, когда она бралась дѣйствовать за него; если жъ она хотѣла заставить его самаго дѣйствовать, то всегда встрѣчала такое со-

противленіе, какое противопоставляетъ работникамъ тяжелый камень, не подаваясь ни назадъ, ни впередъ, а предоставляя имъ свободу показать надъ нимъ силу.

— Вотъ же и церковь Божія, сказалъ Шрамко, остановившись подлѣ Братскаго монастыря. Войдемъ и помолимся усердно за успѣхъ нашего предпріятія.

И потомъ прибавилъ въ полголоса стихъ изъ любимой своей книги, которая всегда была наставницею и утѣшительницею Украинца: *Азъ же милостію Твоею вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему въ страхъ Твоемъ.*

Привязавъ коней къ кольцамъ, которыхъ много было прибито для этаго къ монастырскому забору, богомольцы вступили сквозь широкую арку деревянной колокольни въ монастырь, который тогда не имѣлъ еще ни одного зданія каменнаго. Внутренность монастыря представляла густой садъ, подаренный Кіевскому Братству основательницею его, Анною Гугулевичевою. За старыми, разросшимся грушами и яблонями невидать было деревянныхъ хоромищъ, въ которыхъ помѣщались студенты духовной академіи, называвшейся тогда *коллегією*, и учителя ихъ монахи; только церковь выглядывала изъ-за деревъ тремя расписанными своими башенками. Къ церкви вела отъ колокольни довольно широкая дорога, надъ которою разросшіяся древесныя вѣтви образовали родъ крытой аллеи. Монахи такъ щадили старыя груши и яблони, приносившія ихъ Братству двойную выгоду, что не вырубили ихъ да-

же вокругъ самой церкви. Вѣтви въ иныхъ мѣстахъ лѣзли въ самыя окна и лежали на нижнихъ кровляхъ, проросшихъ уже мхомъ и травою. Но церковь отъ того нисколько не теряла красоты своей. Напротивъ, возносящіяся надъ темною зеленью, ярко расписанныя ея башенки и украшенныя золотыми звѣздами куполы казались стройнѣе и живописнѣе при этѣхъ неправильныхъ массахъ вершинъ древесныхъ, а изображенія иноковъ и архіереевъ, покрывавшія весь передній фасадъ, сквозь вѣтви казались оживленными, какъ бы прохаживающимися въ этомъ тихомъ пристанищѣ, и наполняли все пространство сада какою-то святостью.

Монастырь Братскій въ то время былъ несравненно бѣднѣе постройками, нежели теперь; но въ цѣломъ своемъ онъ имѣлъ что-то невыразимо-привлекательное. Въ этой простотѣ построекъ, въ этой простодушной вычурности украшеній, въ этомъ глухомъ затишьи, столь приличномъ мѣсту молитвы, было пѣчто такое, что дѣлаетъ вполне понятнымъ восклицаніе Пророка: *Господи, возлюбихъ благолюбнѣ дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея!* Можетъ быть, не одному миѣ случалось встрѣчать гдѣ-нибудь въ бѣдной деревенькѣ, посреди купы липъ, ветхую, съ почернѣвшею колокольнею, церковь, при видѣ которой такъ и приходитъ на умъ какая-нибудь молитва. Отъ чего это происходитъ? Отъ чего, глядя на величественныя городскія храмы, гдѣ архитектура истощила все свое искусство, не чувствуешь въ душѣ этаго кроткаго молитвеннаго дви-

женія? Не отъ того ли, что здѣсь холодная наука, а тамъ теплая набожность обдумывала идею дома Божія? Не отъ того ли, что здѣсь гордый зодчій думалъ о золотѣ и земной славѣ, а тамъ благоговѣйный строитель искалъ за свои труды благъ вѣчныхъ и славы небесной? Какъ бы то ни было, только набожный мой патріотъ Шрамко почувствовалъ именно то, что я говорю, и отъ всей души произнесъ восклицаніе любимѣйшаго имъ изъ Пророковъ.

Спутники раздѣляли его чувства, и даже кипящая любовью, досадою и ревностью душа Шрамченка здѣсь нѣсколько успокоилась. Вмѣстѣ съ древесною прохладою на него низошелъ какой-то духъ кротости и разума. Ибо бываютъ минуты, когда, посреди самыхъ мучительныхъ волненій любви, на знойную душу юноши вдругъ повѣетъ животворная прохлада божественнаго утѣшенія. Къ-несчастью, это продолжается весьма недолго. Можно сказать, что ангелъ мира противъ воли улетаетъ отъ него съ обожженными крыльями и предоставляетъ его въ жертву собственному пламени.

Въ тѣ времена люди чаще, нежели нынѣ, обращались съ молитвами къ Богу. Ложный стыдъ не налагалъ молчанія на уста, если имъ нужно было говорить отъ избытка сердца. И-потому наши богомольцы приносили въ-слухъ свои молитвы, какъ бы находясь въ присутствіи небеснаго Отца своего. Но громче всѣхъ раздавался, подъ звучными сводами церкви, голосъ стараго Шрамка: *Боже, услы-*



*ши молитву мою, и вопль мой къ тебѣ да прїидеть. Не отвори лица Твоего отъ мене, въ онъ же аще день скорблю, преклони ко мнѣ ухо Твое, въ онъ же аще день призову Тя, скоро услыши мя!*

Слушая эти сердечныя воззванія и зная ихъ цѣль, Шрамченко почувствовалъ всю ничтожность чувства, занявшаго его душу, чувства, относящагося только къ нему одному, тогда—какъ онъ видитъ передъ собою человѣка, все свое благо и счастье полагающаго въ благоденствн отечества. И онъ сынъ этаго человѣка! И давно ли еще онъ стремился за его полетомъ, какъ молодой орелъ, а теперь, вмѣсто блага многихъ тысячъ людей, онъ привязалъ всѣ свои упованія и цѣли къ женщинѣ, которая почти не замѣчаетъ его жертвы?... Нѣтъ, думалъ онъ, оставляю ее, забуду! Есть въ мїрѣ счастье, гораздо выше и святѣе того, какое можно найти въ любви самой лучшей женщины!

Богомольцы наши пожертвовали на Братство нѣсколько червонцевъ, и, прежде—нежели вышли изъ церкви, еще разъ осмотрѣли живопись, которою она была украшена. Боковыя стѣны заняты были изображеніями святыхъ, а задняя портретами древнихъ Кіевскихъ князей и козацкихъ гетмановъ. Самыя видныя фигуры между гетманами были Петра Сагайдачнаго съ длинною сѣдою бородою и Богдана Хмѣльницкаго. Сагайдачный держалъ въ одной рукѣ свѣтильникъ, а въ другой обнаженную саблю; а Хмѣльницкій въ одной саблю, а въ другой крестъ.

— Вотъ два человѣка, сказалъ Шрамко, кото-

рые всегда будутъ составлять славу и честь нашей родины! Это были люди, «умомъ возвышенные и любовью къ отчизнѣ вельми зѣло изукрашенные!» Къ-несчастью, изъ того, что построилъ здѣсь Сагайдачный, уцѣлѣла одна только эта церковь, хранимая отъ пожара густымъ садомъ, а больше, видно, милостью Божіею \*. Но и этотъ храмъ потерпѣлъ не-

\* Братство Богоявленской церкви, не называвшееся еще монастыремъ, и заведенная имъ школа извѣстны по бумагамъ съ 1594 года. Скоро по заведеніи своемъ оно подверглось гоненіямъ униі, а, въ довершеніе претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, въ 1614 году пожаръ уничтожилъ Богоявленскую церковь и Братскую школу. Тогда-то (въ 1615) жена Мозырскаго маршалка Анна Гугулевичевна пожертвовала для помѣщенія школы вѣскольکو зданій и дворъ свой на Подолѣ, съ условіемъ, чтобы при школахъ заведенъ былъ и монастырь. Противъ Богоявленской школы возстають со всіми своими козиами іезуиты, заводять свою школу для противодѣйствія Богоявленской, вооружаютъ правительство противъ нашего духовенства и народа. Поляки производятъ сграшныя грабежи въ церквахъ и монастыряхъ, и совершенно разоряютъ Братское училище вмѣстѣ съ гостинницею и школою. Но этому свѣтлыику Украины и всей Россіи несуждено было погаснуть. Возстановителемъ училища является лице, первое и самое почтенное во всей Украинѣ—гетманъ Петро Кошаевичъ Сагайдачный. Долго (съ 1607 года) защищалъ онъ православію вѣру и отечество грознымъ своимъ оружіемъ; неразъ своими личными достоинствами и услугами Польшѣ заставлялъ своеправный сеймъ улучшать жребій козаковъ и Украинскаго духовенства; наконецъ (въ 1621) оставляетъ земное величіе и славу, удаляется въ тихую монастырскую обитель, жертвуетъ для Богоявленскаго Братства съ училищемъ и гостинницею своимъ имуществомъ, и въ стѣнахъ уединенной кельи пишетъ въ защиту святой вѣры сочиненіе, которое сами противники православія называли *предрагоценнымъ* (*Ист. Вѣстникъ о возникшей въ Польшѣ униі. 77.*). Онъ-то построилъ вновь церковь и всѣ монастырскія строенія. Послѣ него другіе гетманы старались о поддержаніи Братскаго монастыря и его училища (названнаго при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ *коллегією*, а при царѣ Петрѣ I *академією*) до самаго Мазены, который въ 1693 году построилъ каменную церковь на мѣстѣ обветшавшей деревянной и одно изъ каменныхъ зданій для коллегіи. Теперь отъ даровъ гетмана Сагайдачнаго уцѣлѣлъ въ Братскомъ монастырѣ только большой серебряный крестъ, съ слѣдую-

мало разоренїя отъ нападенїи уніатовъ—и не одинъ разъ надъ ними исполнялись слова пророческія: *Яко въ дубравѣхъ дрѣвїянь съкирами разсъкоша двери его вкупль: съчивомъ и оскордомъ разрушиша и. Возжгоша огнемъ святило Твое: на земли оскверниша жилище имени Твоего.* Да, продолжалъ подумавши почтенный старецъ, соединявшїи въ своемъ лицѣ оба элемента тогдашняго козачества—религіозность и воинственность; за грѣхи, видно, наши *предалъ—было насъ Господь въ руки враговъ беззаконныхъ, мерзкихъ отступниковъ, въ руки царя неправеднаго и лукавншаго паче всяе земли!*

— Дай же, Боже, сказалъ провожавшіи ихъ монахъ, чтобъ эти отступники опять не завладѣли нами!

— А этаго можно опасаться при такомъ согласїи козаковъ, какъ теперь, отвѣчалъ ему Шрамко. Козаки давно уже преступили завѣщанїе великаго своего вождя, *щобъ всѣмъ у одно стояти.*

— Да, доходятъ и до насъ вѣсти, что гетманъ Тетера горнеться къ нечестивымъ: Но пока живъ полковникъ Шрамко, онъ не осмѣлится ввести въ Украину отступническую унію.

— Полковникъ Шрамко, отвѣчалъ мой герой, не обнаруживал, что это былъ онъ самъ — полковникъ Шрамко силепъ только помощью Божїею и заступленїемъ святыхъ; онъ безпрестанно молится о щю поднисью: «року 1622 подалъ сей врьстѣ рабъ Божїи Петръ Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска Е. К. Милости Запорозкого, до церкви сятаго Богоявленїя Господня, въ домъ Братскїи на отпушенїе грѣховъ своихъ».

соединеніи Украины въ одну братскую семью. Молитесь и вы объ этомъ, отцы преподобные!

Разговаривая такимъ образомъ, они обошли весь монастырь, въ которомъ мало было замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что вся ограда, не только снару- жи, но и внутри монастыря, была украшена разнаго рода изображеніями изъ священной исторіи, кото- рыхъ разсматриваніе доставляло богомольцамъ во вре- мя отдыха приличное занятіе, хотя нерѣдко пода- вало поводъ къ самымъ фантастическимъ толкова- ніямъ. Между изображеніями святыхъ нерѣдко мож- но было видѣть фигуры чисто козацкія; ибо тогдаш- ніе живописцы Украинскіе воображали древнихъ воиновъ не иначе, какъ козаками, противъ чего ни- кто изъ зрителей и не возражалъ. Въ уборахъ му- ченицъ также встрѣчались корсеты, косы съ лента- ми и кораблики Украинскіе; а иногда, особенно въ мѣстахъ менѣ видныхъ, живописцы изображали такія сцены, на которыхъ, вмѣсто набожныхъ над- писей, прямо было надписано: *Лыцарь славного вой- ска козацкого Запорозкого Иванъ Морозенко*, а далѣе: *А се проклятыи Ляхи* \*. Морозенко, или подобный ему герой, изображался обыкновенно избивающимъ, при заревѣ пожара, Поляковъ, которыхъ художникъ характеризовалъ самыми безобразными рожами и огромными брюхами. Земля подъ такъ щедро была накрашена, что въ самомъ дѣлѣ оправдывала стихъ народной пѣсни:

\* Въ одномъ домѣ я видѣлъ два портрета, изъ которыхъ на од- номъ было надписано: *Гетманъ Мазепа*, а на другомъ: *А се его жена*.

Де проѣде Морозенко — кровавая рѣчка.

Въ эпоху войнъ Хмѣльницкаго все дышало козачествомъ и ненавистью къ утѣснителямъ нашей вѣры и свободы, а потому монахи, натерпѣвшіеся вдоволь отъ католиковъ и униатовъ, позволяли маларамъ изображать на монастырскихъ оградахъ подобныя сцены, какъ для удовлетворенія чувству собственной мести, такъ и для поддержанія въ народѣ духа ненависти къ гонителямъ.

Обошедши церковѣ вокругъ и подходя къ воротамъ, богомольцы наши слышали на улицѣ глухой шумъ, сквозь который пробивалась музыка.

— Это добрые молодцы Запорожцы гуляютъ, сказалъ монахъ. Прощайте, грядите съ миромъ. Миѣ неприлично глядѣть на суету мірскую.

Тутъ онъ ихъ оставилъ въ сопровожденіи пономаря, веселаго старичка въ высокой черной шапкѣ, изъ-подъ которой густые сѣдые волосы развѣвались кудрями, не падая на плеча, и дѣлали его наружность оригинальною. Онъ менѣе своего начальника былъ щекотливъ насчетъ суеты мірской и охотно вышелъ за ворота взглянуть на танцы добрыхъ молодцовъ Запорожцевъ. Подъ колокольнею собралось множество рослыхъ бурсаковъ или *спудеевъ*, для которыхъ, видно, козацкая жизнь была гораздо привлекательнѣе семинарской, а кармазинныя жупалы казались гораздо красивѣе ихъ пестрядевыхъ балахоновъ.

Съ возвышеннаго помосту, сдѣланнаго передъ колокольнею, былъ едва ли не лучшій видъ въ городѣ.

Прямо представлялась базарная площадь, обставленная по бокамъ лавками. Справа, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь толкучій рынокъ, стоялъ магистратъ, каменное зданіе въ Нѣмецкомъ вкусѣ, съ высокою башнею, украшенною часами. Прямо на горѣ Киселевкѣ возвышались замковыя башни. Вся гора, какъ и теперь, покрыта была зеленью; только вмѣсто церквей, которыя теперь, столъ внизу, рисуются своими куполами на этомъ темнозеленомъ фонѣ, тогда возвышались вычурныя башенки городской пивоварни; а влѣво надъ домами и церквами виденъ былъ Старый городъ, справедливо называвшійся *верхнимъ*.

Съ этой-то стороны неслась музыка и крикъ гуляющихъ, но еще никого не было видно. Вдругъ изъ одной улицы, какъ изъ рукава, высыпались Запорожцы, и по всей базарной площади раздался радостный крикъ: «Запорожцы, Запорожцы со свѣтомъ прощаются!»

Добрые молодцы, какъ ихъ называли, раздѣлялись на двѣ части. Одна шла, или лучше сказать танцевала, впереди, окруженная съ двухъ сторонъ народомъ и бандуристами, не жалѣвшими струнгъ; а другая, какъ бы прикрывая ихъ шествіе, ѣхала медленно за ними на коняхъ. Всѣхъ ихъ было около сотни. Все это былъ народъ рослый, дюжій, съ длинными усами и съ развѣвающимися по вѣтру чубами. По богатымъ и яркимъ ихъ одеждамъ видно было, что они пріѣхали въ Кіевъ именно съ тѣмъ, чтобъ погулять: ибо лишь въ такихъ случа-

яхъ они одѣвались съ пышностью, какая только возможна была для козака въ тѣ времена; обыкновенно жъ носили платье грубое и запачканное, для показанія презрѣнїя своего къ тому, что другими такъ высоко цѣнится. Проѣзжая мимо монастыря, они снимали шапки и набожно крестились: кто былъ на ногахъ, тѣ даже клали поклоны противъ монастырскихъ воротъ, но тотчасъ же вскакивали и продолжали свой танецъ, выбивая гопака, пускаясь въ присядку, катаясь колесомъ и перекидываясь черезъ голову.

Бурсаки, глядя на нихъ, еще больше чувствовали бѣдное свое житье и неволю, въ какой держали ихъ отцы наставники. Нѣкоторые даже не могли удержаться отъ слезъ, сравнивъ свое состоянїе съ жизнью этихъ, по ихъ мнѣнїю, блаженствующихъ на землѣ людей. — Не плачьте, дурни, говорили имъ, проѣзжая мимо, Запорожцы: Днѣпръ течетъ прямо до Сѣчи! и рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

— Намъ бѣда съ этими Запорожцами, сказалъ пономарь Черевану, къ которому онъ питалъ особенное уваженїе, замѣтивши, какъ щедро этотъ добрякъ пожертвовалъ на церковь. Отецъ ректоръ часто на нихъ гнѣвается. Приѣдутъ, покрасуются, примѣрно сказать, передъ нашими хлопцами — смотри, на другое лѣто половина бурсы и очутилась въ Сѣчи.

— Э, богатъ! отвѣчалъ ему Череванъ. Що жъ

туть нехорошаго! Если бъ я не былъ женатъ, то врагъ меня возьми, если бъ не пошелъ самъ въ Запорожцы! только тамъ люди и знаютъ, какъ прожить на свѣтѣ!

— Богъ знаетъ, что плетешь ты, свате! сказалъ Шрамко: Теперь доброму человѣку стыдно мѣшаться съ этою сволочью. Перевернулись теперь, чортъ знаетъ во что, Запорожцы. Пока Дяхи да паны душили Украину, туда собирався самый лучший народъ; а теперь на Запорожье уходитъ самая дрянъ: или голышъ, прокравшійся гдѣ-нибудь, или лѣнтяй, который не хочетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ. Сидятъ тамъ окайнные въ Сѣчи, да только пьянствуютъ, а очортѣе горьлку пить, такъ и ѣдетъ на Гетманщину, да туть и величается якъ порося на орчику\*.

— Э, нѣтъ, панотче! не во гнѣвъ вамъ сказать, возразилъ Шрамку старый пошомарь. Добрые молодцы, примѣрно сказать, не совсѣмъ попусту приѣхали въ святой городъ Кіевъ.

— А зачѣмъ же? развѣ для того, чтобъ подъ пьяный часъ надувать ваши головы чортъ-знаетъ какими бреднями?

— О, да, се жъ и панотець завзятый! сказалъ онъ въ полголоса. Зачѣмъ? а вотъ я тебѣ, панотче, скажу, зачѣмъ. Видишь ли, у нихъ, примѣрно сказать, есть такое заведеніе, що коли который Запорожець состарѣется такъ, якъ отъ я, або хоть и ты, панотче, нехай Богъ шанје тебе и твою честь,

\* На пристяжкѣ.



то уже думаетъ о томъ, какъ бы, примѣрно сказать, спасти свою душу; бо сказано: *И во грѣсѣхъ роди мя мати моя.* Ну, вотъ собираетъ десятковъ пять-шесть пріятелей, наряжается, примѣрно сказать, какъ можно лучше, и пріятели также будутъ все народъ *одягннй*, да такъ собравшись, на добрыхъ коняхъ прибываютъ въ Кіевъ, *прощаться съ свѣтомъ*, то есть, примѣрно сказать, погулять добре.

— Такъ, щобъ ажъ ворогамъ було тяжко! прибавилъ Череванъ, которому этотъ рассказъ очень нравился, хотъ онъ давно зналъ о Запорожскомъ прощаннн со свѣтомъ.

— Да, да, вельможннй пане, добре говорите, такъ, примѣрно сказать, щобъ ажъ ворогамъ було тяжко. А погулявши — идутъ уже въ свой Сѣчевый Межигорскій монастырь; до самага жъ монастыря танцуютъ, примѣрно сказать, и гуляютъ, а больше всѣхъ гуляетъ тотъ, что *со свѣтомъ прощается*. Да уже когда придутъ, примѣрно сказать, подъ самую браму, вотъ и стучитъ Запорожець. «Кто тамъ?» — «Запорожець» — «Чесо ради?» — «Спасаться». Отворятся ему, примѣрно сказать, ворота. Запорожець поклонится на всѣ четыре стороны честной громадѣ, а самъ въ монастырь — да и давай спасаться. А всѣ пріятели и вся суета мірская съ музыкою и танцами и сладкими, примѣрно сказать, напитками останутся за воротами.

Между-тѣмъ, какъ онъ это говорилъ, Запорожцы разлились по площади, и въ слѣдъ за ними на-

хлынула толпа любопытныхъ зрителей. Площадь уподобилась волнующемуся и шумящему морю; изъ суматохи говора, топота и музыки вырывались только восклицанія добрыхъ молодцовъ: «Гуляй, козацкая душа! Горѣлки добрымъ людямъ!» И Запорожскіе виночерпїи, ходившіе за ними съ деревянными ковшиками, повѣшенными на шнуркѣ черезъ плечо, и съ баклагами въ рукахъ, поили, на счетъ прощающагося со свѣтомъ, всякаго, кто только хотѣлъ пить — въ охотникахъ же не было недостатка. Танцую по всей площади подъ звуки бандурь, Запорожцы иногда, будто бы не замѣчая того, вскакивали цѣлою толпою на горшки, стоящіе для продажи, и, выбивая гопака съ самымъ серьезнымъ видомъ, превращали ихъ въ мелкіе черепья, при хохотѣ народа и вопляхъ торговокъ, которыя хотя увѣрены были, что Запорожцы заплатятъ за все вдвое, однако жъ не могли безъ ужаса видѣть такого безжалостнаго истребленія своего товара. Если на пути попадались Запорожцамъ бублики, булки, овощи, или чумацкая мажа съ рыбою, все это въ одну минуту было схвачено и разбросано по всей площади. Усачи, танцую, восклицали только: «Ѣйте, люде добры! гуляй козацкая душа!» Наконецъ, въ заключеніе спектакля, было выкачено нѣсколько бочекъ дегтю и разлито по всей площади. Не обращая на это, повидимому, никакого вниманія, Запорожцы продолжали танцовать въ дегтѣ въ своихъ дорогихъ платьяхъ, забрызгивая одинъ другаго и заставляя всѣхъ далеко посторониться.

Шрамко, при всей своей досадѣ на Запорожцевъ, вмѣшавшихся въ самое дорогое для него дѣло, не могъ быть равнодушнымъ къ ихъ музыкѣ, къ ихъ танцамъ, къ ихъ особенному, веселому и вмѣстѣ меланхолическому взгляду на прелести міра сего. Запорожцы, не смотря на всѣ свои пороки и злодѣйства, внушали всегда къ себѣ чудную симпатію Украинцу. Не разъ случалось мнѣ встрѣтить сѣдаго дѣда, который, рассказывая о ихъ наглостяхъ, потчевалъ ихъ выразительнымъ именемъ *проклятый народъ!* и потомъ самъ, не зная почему, начиналъ говорить о ихъ съ восторгомъ. Не потому ли, что въ быту Запорожца, въ его отчужденіи отъ семейныхъ радостей, въ его презрѣніи къ богатству и роскоши, такъ много поэтического? или, можетъ быть, потому, что Запорожье было сердцемъ Украины, что въ Запорожьи національная жизнь кипѣла всегда цѣльнымъ и живымъ ключемъ, что когда враждебныя стихіи вытѣсняли, или по крайней мѣрѣ замораживали ее въ Украинѣ, вся теплота ея сосредоточивалась въ ея источникѣ, въ Запорожьи: тамъ тѣсныя узы братства, неизмѣнное храненіе древнихъ обычаевъ и любовь къ родной поэзіи не давали погаснуть этой живой искрѣ, безъ которой народъ не былъ бы *народомъ*, ибо какъ тѣло, лишenne души, разлагается въ другія вещества,

\* Юрій Хмѣльницькій, убѣждая войско Запорожское принять участіе въ судьбѣ Украины, въ письмѣ своемъ къ кошевому атаману Сѣрку, 1677 года, говоритъ: „Ибо отъ источника струи истекають, яко отъ Вашихъ Милостей Низоваго Войска Запорожскаго, съ котораго основаніе исходитъ.“ (И. М. IV. 111.)

такъ и народъ, лишенный національности, исчезаетъ и теряется въ другихъ народахъ.

— Цуръ имъ! сказалъ наконецъ Шрамко. Стоить ли глядѣть на такія дурачества, когда у насъ на умѣ гораздо лучшее дѣло? Поѣдемъ еще въ *верхній* городъ.

— Правда, бгаты, правда, сказалъ Черевачъ: мнѣ уже давно ѣсть хочется, и я надѣюсь, что въ дому Матери Божіей святыя отцы предложатъ намъ хорошую трапезу.

Старый Кіевъ соединялся съ Подоломъ посредствомъ того взвоза, который нынѣ называется *Андреевскимъ*; только этотъ взвозъ, расширенный недавно, былъ тогда такъ узокъ, что двѣ повозки съ трудомъ могли разминуться\*. Проѣхавъ сквозь *врата Подольскія*, сдѣланныя въ валу подлѣ нынѣшней Андреевской церкви, наши богомольцы очутились въ томъ славномъ городѣ, который Олегъ называлъ *матерью городовъ Русскихъ*, изъ котораго, первообразъ козацкаго рыцарства, Святославъ вылеталъ, какъ соколъ изъ гнѣзда своего, искать «славы и чти» имени Русскому, и въ которомъ Князь Владиміръ блисталъ какъ солнце своею роскошью. Но, оглядѣвшись во кругъ себя, козаки могли бы назвать этотъ городъ скорѣе кладбищемъ древней своей жизни, нежели

\* Онъ спускался тогда не прямо на Подоль, какъ нынѣ, а по за горою Киселевкою. Узенькая дорожка, поворачивающая налѣво (если ѣхать внизъ), въ живописное межигорье, означаетъ слѣдъ стариннаго взвоза. Нынѣшній же прокопанъ въ горѣ *Вздыгають* Графомъ Минихомъ.

«славною столицею козацкою» \*. На каждомъ шагу видны были слѣды пожаровъ и разрушенїя. Между немногими домами, построенными въ видѣ отдѣльныхъ поселенїй, лежали обширные пустыри съ возвышенїями, устѣянными кирпичемъ и покрытыми бурьяномъ, заглохшіе сады съ обвалившимися плетнями, церковныя стѣны безъ сводовъ, закуренныя дымомъ, полуобрушенныя на зеленый погостъ.

Во время Польскаго владычества, Старый Кїевъ, называвшїйся *Бискупскимъ* \*\* городомъ, былъ въ лучшемъ состоянїи, ибо въ немъ жили аристократы Польскїе \*\*\*; но когда Поляки были изгнаны, а мѣщане сосредоточили свою промышленность въ одномъ Подолѣ или *нижнемъ городѣ*, онъ былъ почти совсѣмъ оставленъ. Послѣднее разоренїе Кїева Литвинами довершило его упадокъ. Старый Кїевъ лежалъ теперь обширнымъ гробовищемъ, на которомъ обломки плитъ съ древнихъ теремовъ княжескихъ перемѣшаны были съ костями ихъ православнаго

\* Такъ названъ Кїевъ въ универсалѣ гетмана Бруховецкаго къ Запорожскимъ жителямъ, 1663 года. «И отступивъ (сказано тамъ) отъ славныхъ Запорожскїхъ столицъ козацкїхъ, откуда славные предки, отцы и дѣды ваши, моремъ и полемъ славы у всего свѣта добыли, прилѣпилися есте и присовокупилися до яновѣрцевъ» и пр. (И. М. IV. 45. См. также 11-ю статью Бѣлоцерковскаго договора, И. М. III, 63.)

\*\* Епископскимъ. А Подоль назывался Мѣщанскимъ городомъ. (*Опис. Украины*, Боплана, 3.)

\*\*\* Также и мѣщане, называвшіеся *бискупскими*, *монастырскими*, *Софїйскими* и *господскими*. Эти мѣщане равно какъ и замковыя были, видно, родъ подданныхъ, ибо въ *Рескритіи замка Кїевскаго*, откуда я заимствовала эти названїя (*Zrzdóła do Dziejów Polaków*, II, 123—140), упоминаются еще *мѣщане*, *живущіе на городскомъ правѣ въ собственныхъ домахъ*, и 310-го, видно, были собственно мѣщане.

народа, погибавшаго здѣсь отъ руки Татарина, Литвина и Поляка въ теченіи четырехъ столѣтій, и на этомъ печальномъ гробовищѣ выше всѣхъ подымались два огромные памятника древней Русской жизни, Софійскій и Михайловскій храмы.

Чтобы проѣхать къ *Святой Софіи*, нужно было ѣхать сквозь каменные *Кіевскія* или *Батыевы* ворота, сдѣланныя въ валу, окружавшемъ первоначальный городъ Кіевъ. Изъ воротъ перекинуть былъ мостъ черезъ оврагъ, который пролегалъ параллельно нынѣшней Житомирской улицѣ, насупротивъ дома Анненкова. Все это существовало еще въ концѣ XVIII столѣтія, указывая предѣлъ, до котораго простирался древній Владиміровъ Кіевъ; ибо Софійское отдѣленіе Старога Кіева появилось только послѣ того, какъ Ярославъ, разбивши за городомъ Печенѣговъ, построилъ на полѣ битвы церковь св. Софіи и вокругъ нея «заложи градъ великій, у него же суть Золотыя врата».

— Вотъ мы и у святой Софіи, сказалъ Шрамко. Да благословить же Господь вхожденіе наше. Я святую Софію люблю больше всѣхъ храмовъ Кіевскихъ: тутъ я усердиѣе, нежели гдѣ-либо, вспоминаю святое изреченіе царя Давида: *Едино просихъ отъ Господа: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, грѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святыи Его*. О Боже! если бъ только однѣ такія думы наполняли душу человѣческую!

Набожныя мысли его были однако жъ скоро развлечены. Вошедши съ своими спутниками

въ церковную ограду, онъ увидѣлъ двухъ осѣдланыхъ коней, пасущихся на травѣ, и не могъ скрыть своего негодованія.

— Що за вража мати! воскликнулъ онъ: не уже ли не прошли еще времена уніатства, когда храмы Божїи служили жилищемъ человѣку и коню? Какъ это святые отцы позволяютъ козакамъ такое безчинство?

Видя, что никто не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, Василь Невольникъ сказалъ: — Э, пане полковнику! хиба жъ ты не знаешь, що святые отцы добрымъ молодцамъ ни въ чемъ не поперечать? Добрые молодцы щедрые вкладчики: всѣ свои деньги тратятъ на подаванія святымъ церквамъ и Божьимъ служителямъ, або прогуливаютъ съ веселымъ товариствомъ: ни дворовъ, ни полей, ни хуторовъ Запорожець не заводить. Онъ каждую минуту готовъ оставить сеі суетный свѣтъ, и заботится только о томъ, чтобъ напередъ усердными припошеніями дому Божію проложить своей душѣ дорогу къ раю \*.

\* Только въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожцы стали заводитъ себѣ хутора и дѣлать поселенія на такихъ правахъ, что поселеніе считалось подданными войска; въ старину Запорожець обязанъ былъ не имѣть никакой собственности, кромѣ коня, одежды и оружія. Вѣруя, что можно искупить всѣ грѣхи молитвами священниковъ и монаховъ, они изъ каждой добычи, полученной на войнѣ, отдѣляли значительную часть для церквей и монастырей. Такъ, напримѣръ, когда гетманъ Самійло Кишка овладѣлъ Турецкимъ кораблемъ, то Запорожцы —

«Срибло-злато на три части наѣзали:

Первую часть брали,

На церкви накладали:

На святого Межигорського Спаса,

На Трахтомировській монастырь.

— Да развѣ жъ это Запорожскіе кони?

— Охъ, Боже правый! чи вже жъ я такъ змещѣвъ, що не познавъ бы уже и коня Запорожскаго? По скоку, по статьямъ, по ржанью, по тысячѣ примѣтъ я различу коня Низоваго отъ Украинскаго и отъ Татарскаго. Таки жъ недаромъ я прожилъ десятка три годовъ на Запорожьи. Охъ, Боже правый! довелось всего испытать на-вѣку: и гульни козацкой рыцарской, и проклятой каторги Турецкой...

— А хибѣ жъ гетманецъ не можетъ добыть себѣ коня изъ Низу? сказалъ Череванъ. А ну, бгать Василь, що ты на это скажешь?

— Почему жъ не можетъ? лишь бы деньги да охота; но только это кони добрыхъ молодцовъ. Смотрите, какіе на нихъ чепраки? кабардинскіе! А кабарда \* гдѣ водится больше, какъ не въ лугахъ Днѣпровскихъ?

— И чепракъ такой можетъ достать себѣ добрый козакъ, помѣнявшись конемъ съ Запорожцемъ.

— Ну, если такъ, пане мой коханий, то вотъ же вамъ самая важная примѣта. Видите ли возлѣ

На святую Сѣчовую Покрову давали,  
Котори давнишъ козацькимъ скорбомъ будовали,  
Щобъ за нихъ встаючи й лягаючи милосердного Бога благали;  
А другуу часть помижъ собою наѣвали, —  
А третью часть брали,  
Очертами сѣдами,  
Цили да гуляли».

Слава объ ихъ щедрой набожности распространялась такъ далеко, что ежегодно приходили въ Сѣчь за милостынею монахи не только изъ Киева, но съ Аѳонской горы, изъ Константинополя, Арменіи и Иерусалима.

\* Такъ Запорожцы называли выдру.



коней два ратища \* воткнуты? Запорожцы такъ причають своихъ коней, что воткветъ на степи ратище, пустить коня, и хоть бы цѣлую недѣлю туда не возвращался, конь будетъ пастись вокругъ ратища. Иногда погонится за нимъ Татаринъ, онъ уйдетъ отъ Татарина, но опять воротится на прежнее мѣсто, и будетъ ожидать хозяина. Охъ, Боже правый, Боже правый! чи разъ же то случится козаку забиться въ такую глушь, що только небо да земля! Ёдешь, бывало, часомъ день и ночь, сонъ тебе знемогае; воткнулъ ратище, разнуздавъ коня, а самъ отошолъ въ сторону, щобъ проклятый Татарюга на соннаго не наѣхалъ, повалился въ траву да ѣ спи, якъ дитя на рукахъ у матери. А не такъ якъ дурные Ногайцы: що самъ спить, а коня держитъ въ поводу. Разъ я... Охъ, Боже правый! Богъ знаетъ, какая старина припомнилась: разъ я одного Татарюгу хотѣлъ проучить, якъ спать на степи; подѣхалъ да ратищемъ въ бокъ. Такъ що жъ? проклятый невѣра надѣлъ таку сорочку, що мое ратище такъ и загнулось якъ кочерга. Схватился поганный, да ко мнѣ! но я ему заразъ доказалъ, що козакъ не даромъ носитъ шаблюку: не защитила его ни подбитая желѣзомъ шапка, ни стальная сорочка. Охъ, Боже правый, Боже правый! чего-то не придется на-вѣку попробовать?

— Такъ говоря, прошли они по зеленой равнинѣ погоста, усяянной остатками кирпичныхъ зданій,

\* Ратище — копые.

едва вырѣзывавшимися изъ-подъ травы, и приблизились къ церкви.

Это почтенное зданіе уже и тогда не имѣло своего первоначальнаго вида. Митрополитъ Петръ Могила, отнявши его у униатовъ въ 1633 году, нашелъ его запущеннымъ, покрытымъ трещинами и, чтобъ предохранить отъ паденія, укрѣпилъ толстыми контрфорсами и придѣлами, а стараясь облечь его въ лѣпоту, подѣлалъ надъ стѣнами въ видѣ гребней фронтиспицы; отъ этаго почти весь фасадъ Ярославскаго храма исчезъ подъ грубою архитектуру XVIII вѣка.

Шрамко и его спутники далеки впрочемъ были отъ того, чтобы подобно намъ, предпочитать иногда старинныя развалины новымъ постройкамъ; они не обратили никакого вниманія даже на двѣ мраморныя колонны при западномъ входѣ, уцѣлѣвшія отъ временъ Ярослава. Однако жъ темная внутренность храма, толстые столбы съ массивными арками, расписанные еще Византійскими художниками, церковныя своды, покрытые полуобвалившеюся мозаикою, и древность, невольна говорящая о себѣ въ этѣхъ мрачныхъ стѣнахъ, сложенныхъ изъ толстыхъ и тонкихъ плитъ, въ этѣхъ грубыхъ колоннахъ, лишенныхъ мрамора, который покрывалъ ихъ шереховатыя грани, въ этѣхъ тяжелыхъ перилахъ, слабо виднѣющихся вверху надъ низкими арками, все это вмѣстѣ возбуждало въ нашихъ богомольцахъ какое-то непонятное для нихъ чувство. Такаго чувства нельзя произвести никакимъ великолѣпіемъ и изяществомъ новѣйшей

архитектуры. Имъ казалось, будто этѣ стѣны говорятъ что-то многими голосами, какъ-будто всякая душа, здѣсь молившаяся, страдавшая и вопіявшая къ Богу, оставила эхо своихъ вздоховъ и своего вопля въ этомъ мрачномъ, какъ глубина души человѣческой, храмѣ, между его темными галереями, между широкими его столбами и гранитными перилами.

Когда богомольцы наши помолились и приложились къ мощамъ, то услышали еще чьи-то тихіе голоса, которые они прежде считали своими отголосками. Прислушавшись внимательнѣе, они увѣрились, что эти голоса раздаются на хорахъ. Они не похожи были на обыкновенныя молитвы: одинъ слабый и дрожащій голосъ что-то читалъ съ разстановками, два другіе повторяли тихо, но такъ, что можно было разслушать слова: *объщаюсь и клянусь*.

— Чтобъ это такое было? сказалъ Шрамко. Вѣчанье — не вѣчанье, присяга — не присяга?

— Знаю, знаю, что это, говорилъ, какъ бы самъ къ себѣ, Василь Невольникъ. Это добрые молодцы берутъ *шлюбъ побратимства*. Охъ, Боже правый! не совѣмъ же, значить, зледицѣло славное Запорожье, когда въ немъ есть еще побратимы!

Не мѣсто было спрашивать въ церкви о Запорожскихъ обычаяхъ, тѣмъ болѣе, что Василь Невольникъ не могъ ничего рассказать наскоро, въ нѣсколькихъ словахъ, безъ вздоховъ, безъ постороннихъ восклицаній и чувствительныхъ промежутковъ

молчанія и киванія головою; и—такъ всѣ отправились на хоры по узкой лѣстницѣ, вьющейся между стѣнами, расписанными историческими, аллегорическими и эмблематическими картинами, равно какъ и всѣ хоры.

Тамъ увидѣли они двухъ козаковъ въ богатыхъ и яркихъ нарядахъ, на колѣнахъ передъ сѣдымъ монахомъ, который, давши имъ благословеніе, окончилъ таинственный обрядъ краткимъ наставленіемъ: —Помните жъ, дѣти мои, въ какомъ святомъ мѣстѣ произнесли вы свой обѣтъ; бойтесь измѣнить одинъ другому посреди превратной жизни; страшитесь участи Аванія. Взгляните еще разъ на сей лучезарный образъ Пречистой, воздѣвающей къ небу руки о православномъ мірѣ Русскомъ. Какъ эта стѣна Ярославова осталась *нерушимою* посреди «раздѣленія царствъ и домовъ паденія», такъ и святое православіе ничѣмъ непоколебимо. Будьте жъ и вы достойными его чадами; очистивъ послушаніемъ свои души, другъ друга любите усердно, ибо вы рождены словомъ Бога живаго и пребывающаго вѣки. Аминь. Грядите съ миромъ.

Козаки встали, обнялись и поцѣловались, потомъ поклонились низко монаху, и одинъ изъ нихъ сказалъ: —Прими жъ, святыи отче, усердные дары наши, приобрѣтенные не отъ презрѣннаго барышничества, но отъ меча, обращеннаго всегда на защиту Христіанства. Гнались мы разъ съ побратимомъ за Татаринимъ, а Татаринъ не одинъ ѣхалъ, везъ

за сѣдломъ бранку \*. Видитъ окаянный, что конь его двоихъ не выносить, ударилъ бранку кивжаломъ и бросилъ намъ подъ ноги, а самъ полетѣлъ, какъ птица. Бранка была Христіанка: на шеѣ нашли мы у нея этотъ золотой крестъ и низку дукатовъ. Помолись же, святой отче, за упокой ея души, а за наше здоровье.

Между-тѣмъ Шрамко и его спутники разсматривали новыхъ побратимовъ. Одного взгляда было довольно, чтобъ узнать въ нихъ Запорожцевъ, ибо Украинскіе, или *горьдовые*, козаки подстригали волосы въ кружокъ, а Запорожцы брили всю голову, оставляя только длинныя чубы.

Вы скажете, что это было безобразно. Согласенъ, и не думаю, чтобъ и сами Запорожцы находили въ бритой головѣ красоту. Эти суровые рыцари презирали, можно сказать, всѣ прелести міра сего. Жили въ бѣдныхъ куреняхъ или подъ открытымъ небомъ, питались грубою пищею, чуждались семейныхъ радостей; и если наряжались иногда въ богатое платье, если любили набивать талерами и дукатами пояса и кишени \*\*, то только для того, чтобъ доказать на дѣлѣ, какъ они ни во что вмѣняють эти суетныя блага жизни: въ нѣсколько дней бѣшенago пира Запорожець преврщалъ свои пышныя кармазины въ испачканныя дегтемъ тряпки и разсыпалъ свои деньги на всѣ стороны безъ всякаго счету.

\* Плѣвицу.

\*\* Кишеня — кармазъ.

Физиономіи этихъ двухъ молодцовъ были такъ выразительны, что съ нихъ легко бы всякому живописцу написать портреты. Старшій изъ нихъ, лѣтъ, повидимому, тридцати, былъ весьма плотенъ, можно бы сказать даже тученъ, если бъ стройная талія и мускулы, рѣзко вырисованные на вискахъ, на шеѣ и огромныхъ рукахъ, не были яснымъ доказательствомъ, что дородность его происходитъ отъ природнаго атлетическаго сложенія, а не отъ тучности. Онъ былъ безобразенъ и вмѣстѣ красивъ. Вообразите себѣ крѣпкую, опаленную солнцемъ морду съ широкими, какъ будто вылитыми изъ бронзы щеками, съ длиннымъ чубомъ, сперва приподнявшимся немного вверхъ и потомъ пышно унавшимъ на одну сторону головы, какъ конская грива на каскѣ; огромные черные усища, въ которыхъ Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, и широкія, чрезвычайно длинныя брови, разошедшіяся наискось по крѣпкому его лбу, казавшемуся мѣднымъ. Вотъ каковъ былъ этотъ *братчикъ* \*. Дѣвушка назвала бъ его страшнымъ, а художникъ воспользовался бъ первымъ случаемъ набросать съ него хоть эскизъ въ своемъ альбомѣ. Чтобъ докончить портретъ, скажу еще, что этотъ молодецъ былъ настоящій типъ Запорожца: черты суровыя, глаза лукавыя и пронизательныя, видъ степенный, но оживленный явною расположенностью къ насмѣшкѣ.

\* Такъ Запорожцы называли себя взаимно въ дѣлахъ своего братства. Напримеръ, когда атаманъ совѣтовался съ товариствомъ, то говорилъ: «А що, братчики, будемъ робити?»

Его товарищъ былъ нѣсколькими годами моложе, но такъ смуглъ, что тотчасъ видно было его неукраинское происхожденіе. Его худощавое, но мускулистое сложеніе, лобъ съ глубокою впадиною, брови, всегда какъ бы нахмуренныя, и изъ-подъ нихъ блестящіе черные глаза обнаруживали въ немъ характеръ угрюмый, горячій и предприимчивый.

Взглянувши быстро на нашихъ богомольцевъ, онъ не обратилъ на нихъ больше никакого вниманія. Старый Запорожецъ также бѣгло и съ какимъ-то насмѣшливымъ видомъ оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы; но когда увидѣлъ Лесю, красота ея видимо его поразила: глаза его оживились, и онъ вперилъ въ нее такой острый и жадный взглядъ, какой бросаетъ изъ-за куста волкъ на овечку. Это однако жъ продолжалось неболѣе нѣсколькихъ мгновеній. Запорожецъ умѣлъ тотчасъ преодолѣть предосудительное для него чувство и, закинувши по-молодецки на спину вылеты, прошелъ мимо нашей компаніи, въ сопровожденіи своего товарища, и спустился внизъ.

Они вышли изъ церкви и намѣрены были ѣхать; но долгоусый медленно поправлялъ подпругу у своего копя и издавалъ такія восклицанія, что младшій Запорожецъ спросилъ его, мѣшая въ свою рѣчь Сербскія частицы и слова: Море, побро! Чего ты кречешь, якъ будто выпивъ натошакъ перчакивки?

— Черчаківка, брате, не диво, отвічаль долгоусый, а диво такая дѣвчина, какъ это!

— Тю! чи не скрутився ты, побро, сегодня? Що оце ты городишь?

— Може и такъ, що скрутився. Ажежъ, кажутъ, що всякому челоуѣку нужно здурѣть хоть разъ на вѣку.

— Поганую жъ ты годину выбравъ для дури.

— Уже чи погану, чи хорошу, а пойду ще разъ погляжу на чорнобровую.

— Отъ справди збожеволѣвъ козакъ! отъ, доиграется чортъ знаетъ за што до кіевъ \*! говорилъ Запорожець, удивленный такимъ нечаяннымъ припадкомъ волокитства, грѣха, преслѣдуемаго самымъ

\* У Запорожець за нѣкоторые преступления наказывали кіями, т. е. дубинами. Однѣмъ изъ такихъ преступленій было предлюбовдѣвіе. Этотъ порокъ преслѣдовался ими не только въ самой Сѣчѣ, но и внѣ оной, какъ это доказываетъ слѣдующее преданіе, записанное мною въ Кумейкахъ изъ устъ одного старика: «...А вже въ Сѣчѣ баба не ходи; хочъ бы сестра, хочъ бы мати ридна — не пусять. Такъ, чортъ знае по якому жили тын Запорозци: сами по собѣ, якъ бурлаки. Бувъ одинъ Запорожець Нагаецъ да и внадивсь до попади. Коло Сѣчи десь тамъ у селцѣ пипъ живъ; такъ вниъ до попади и внадися. А Запорозци пронюхали да ии пошли до кошового: *Такий намъ стыдъ робить Нагаецъ, пане батьку: унадивсь, кажутъ, до попади якъ той собака.* — *Постойте жъ, каже, паны молодци; я козака надежного пошлю; нехай присочить ёго; тодѣ вже буде ёму судъ и розправа.* Отъ, Нагаецъ поѣхавъ изъ Сѣчи, а козакъ собѣ. Пріѣхавъ до попади: *Очкии! Не очиняе. Вниъ якъ суне въ двери погою, двери такъ и вывалились. У хату, вже вниъ, той Нагаецъ, тамъ за запонокю. А що ты тутъ робишь, слкій такой сыну!* Якъ узявъ бить ёго нагаемъ! А той проситьса: *Брате мій ридный! уже хочъ бій, тилько панови батьку не лси.* А тамъ уже также чортове заведеіе, що симъ разъ якъ ударить кіемъ, то вже дѣла не їстимешъ. Такъ що жъ? у такого одмолисси? И нагаемъ выбивъ, и кошовому зъясовавъ. Ну, звѣсно вже: заразъ до стовба да кіями. Запедужавъ сердечный Нагаецъ одъ такои бани да и вмеръ незабаромъ».



строгимъ образомъ на Запорожьи. — Послухай, Кирило! послухай, драгїй побратиме! кричалъ онъ, видя, что тотъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ къ церкви. Чи ты смѣешься, чи дороги пытаешь?

— Тутъ дорога не далекая, брате! отвѣчалъ тотъ необорачиваясь, небойсь, не собьюсь.

— Да, море! я бачу, што не далекая. Кто лѣзетъ прямо въ пекло, тотъ никогда не собьется съ дороги. Ахъ, Господи! што это съ юнакомъ сдѣлалось! Когда это бывало, чтобъ онъ взглянулъ больше одного разу на дѣйвоку! И кто жъ? Кирило Туръ, юнакъ межъ юнаками, отаманъ межъ отаманами! Вотъ тебѣ и побратимство! Теперь придется мнѣ, вмѣсто коня и сѣдла, возиться возлѣ этой погани, которой доброму молодцу и вспоминать не годится, возлѣ женщины! тьфу! Однако жъ, море! такъ, чи сякъ, а я докажу тебѣ, што я настоящій побратимъ—услужу тебѣ не только для столба съ кіями, но и для шибеницы \*. Пойдемъ и мы за этимъ сумасшедшимъ.

Между-тѣмъ богомольцы продолжали ходить по галереямъ и разсматривать то мозаическія алтарныя картины, которыя оттуда были виднѣе, нежели снизу, то гранитныя перила и аллегорическія изображенія. Ихъ занимали эти кони съ подрѣзанными хвостами, посреди дикихъ звѣрей, похожихъ на тигровъ и львовъ, войны въ странныхъ одеждахъ, защищающіе ихъ копьями, обнаженные люди, котрымъ змѣи обвивались вокругъ тѣла и свели голову

\* Шибеница — висѣлица.

съ ногами, чудовища, перепутанныя съ цвѣтами и арабесками. Монахъ изъяснялъ имъ значеніе каждой эмблемы. Подъ изображеніями вещественныхъ предметовъ онъ открывалъ имъ то добродѣтель, окруженную напастями, то мученіе души, опутанной грѣхами, то безобразные пороки, гнѣздящіяся, говоря его словами, «въ вертоградѣ красоты и благихъ насажденій».

— Святый отче, сказалъ Череванъ, яку молитву вы читали этимъ Запорожцамъ, что сейчасъ ушли?

— Молитву братолюбія, чадо, отвѣчалъ монахъ. Видите ли: эти добрые молодцы по большей части бываютъ сироты, безродные люди; не къ кому имъ головы приклонить въ сѣмъ житіи, исполненномъ горестей. Вотъ они иногда выбираютъ себѣ изъ пріятелей *названнаго брата* или побратима, который заступаетъ у нихъ мѣсто единоутробнаго; и это благо и право: ибо мы Христіане рождены не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна. Если одинъ изъ нихъ попадетъ въ плѣнъ, другой выкупить; если добудутъ что на войнѣ, дѣлятъ пополамъ; никто изъ нихъ не можетъ назвать никакой вещи своею: все у нихъ совмѣстное; даже и жизнь побратима принадлежитъ не одному ему; меньшій старшему повинуетъя какъ слуга, а старшій за меньшаго стоитъ, какъ за родное дитя. Церковь благословляетъ такой союзъ братской любви особою молитвою, дабы еще болѣе освятить узы дружело-

бія, и это называется у нихъ *шлюбомъ побратимства* \*.

— Намъ не разъ доводилось слышать объ этомъ, честнѣйшій отче, сказалъ Шрамко. Только не думалъ я, чтобъ въ теперешнемъ Запорожьн было что-нибудь лучше дикихъ звѣрей, жадныхъ одной поживы.

— И звѣри не лишены нѣкоторыхъ добродѣтелей. Недавно кто-то мнѣ рассказывалъ, что два волка цѣлую зиму кормили третьяго, которому кто-то перебилъ ноги, такъ-что онъ самъ не могъ *выскати пищу себѣ*. На добрыхъ молодцовъ многіе нападаютъ, порицая ихъ буйство и уподобляя ихъ звѣрямъ хищнымъ. Но все ихъ буйство и всѣ неистовыя дѣла, если они есть въ самомъ дѣлѣ, сугубо выкупаются великими ихъ услугами Церкви православной...

— Да, подумалъ Шрамко; монахъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы, чтобъ ни дѣлали эти разбойники, эти возмутители народныя....

Добрый старичокъ продолжалъ между-тѣмъ оправдывать Запорожцевъ.

— Отче святой, сказалъ ему Шрамко съ намѣреніемъ отвлечь его отъ непріятнаго для себя предмета, поведите жъ насъ ко гробу создателя святаго храма сего.

\* Теперь этотъ обычай въ Украинѣ сохранился, кажется, только между женщинами. Когда двѣ женщины, живя долго между собою дружно, полюбить одна другую какъ родныя сестры, тогда, созвавши гостей, дарятъ одна другой по овцѣ или по какой-нибудь другой скотинѣ и говорятъ: «будь ты моею сестрою, а я твоею». Это называется у нихъ *посестричиться*.

— Только развѣ ко гробу! отвѣчалъ вздохнувши старецъ. А гдѣ честное тѣло благовластнаго Ярослава, объ этомъ нужно спросить у тѣхъ, которые *проліяли кровь нашу яко воду*. Въ древности, какъ и лѣтописи гласятъ, князя полагаемы были въ *усыпальницъ «одинъ подлѣ другаго»*. Но и самъ блаженный памяти митрополитъ Петръ не зналъ, гдѣ была княжеская усыпальница. Онъ обрѣлъ его «мраморяну раку» уже на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь находится. Слѣдуйте за мною. Видите ли, какъ этотъ мраморъ обить кругомъ? Видно, варвары ругались надъ ракою благовѣрнаго князя и не пощадили самыхъ его останковъ. Блаженной памяти митрополитъ говаривалъ—бывало, что рака эта вдѣлана въ стѣну, чаятельно, для того, чтобы скрыть совсѣмъ выломанную часть ея. Онъ много сѣтовалъ, что нечестивые Монголы и, подобные имъ разорители святыни, уніаты и католики водворили въ этомъ храмѣ *мерзость запустѣнія* намѣсто древняго благолѣпія. Онъ всячески старался разыскать въ древнихъ хартіяхъ, какъ именно устроено и украшено было благовластнымъ Княземъ Ярославомъ сіе святилище, но тщетно. Бывало, по цѣлымъ днямъ проводить посреди печальныхъ руннъ—и возвращается къ братіи съ обычнымъ своимъ восклицаніемъ: *обаче все сътуя хождахъ!* «Тщетно, братіе, говорить—бывало намъ, хочу я начертать исторію церкви святой Софін. Самая вѣрная исторія ея будетъ та, которая находится въ началѣ семьдесятъ осьмагаго псалма». И велѣлъ начертать надъ ракою Кня-

зя Ярослава сія слова, которыя чушій да разумѣть.

Шрамку была по-сердцу эта надпись (къ-сожалѣнію нынѣ уже закрашенная), потому-что она взята изъ любимаго его Пророка. И-такъ онъ возвысилъ голосъ и прочелъ ее въ-слухъ: *Боже, придоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святыи Твой, положиша Іерусалимъ яко овоцное хранилище, положиша трупиа рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ зверемъ земнымъ, проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребай. Быхомъ поношеніемъ сосѣдомъ нашимъ, подражненіе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ.*

Шрамка тронули эти слова за живыя струны. Опъ оборотился къ своимъ спутникамъ съ одушевленнымъ взоромъ и хотѣлъ имъ выразить свое чувство; но вдругъ остановился, увидѣвши, къ великой своей досадѣ, Запорожца. Если бѣ это было не въ церкви, онъ вѣрно не удержался бѣ отъ какаго-нибудь восклицанія, несвойственнаго священнической его рясы; но теперь онъ только нахмурился, такъ-что глаза его почти закрылись длинными бровями.

Запорожець, въ то время, когда мушины были заняты разсматриваніемъ неистолкованныхъ донынѣ арабесковъ Ярославовой гробницы, а женщины поклонялись княжеской ракъ, такъ же усердно, какъ и всякой святынѣ, пробрался въ придѣлъ, сталъ возлѣ окна и не спускалъ глазъ съ предмета,

который такъ занялъ его дикую душу. Его товарищъ глядѣлъ на него изъ дверей съ досадою и удивленіемъ.

Непріятное сообщество этихъ молодцовъ заставило Шрамка оставить святую Софію скорѣе, нежели бы онъ желалъ. Но каково было его удивленіе, когда, пріѣхавши къ Михайловскому монастырю, онъ увидѣлъ на погостѣ тѣ же списы, тѣхъ же коней и самихъ Запорожцевъ, идущихъ къ церковнымъ дверямъ.

— Эка, проклятые гайдамаки! сказалъ онъ съ досадою, ужé тутъ! Но врагъ съ ними oprичъ святаго храма! Поѣдемъ прямо въ Лавру, а сюда заѣдемъ на возвратномъ пути.

— Я, бгать, отъ всей души на это согласенъ, сказалъ Череванъ, потому-что, правду сказать, у меня давно уже въ животѣ бурчить. Дома давно бъ уже миска варениковъ была уничтожена, *аки снѣгъ отъ лица огня*. Видишь, свате, и я-таки трошки шуплю \* *письменскую* мову.

— Да, тутъ она какъ разъ къ-статі! отвѣчалъ Шрамко, не могли удержаться отъ усмѣшки.

Нынѣшній Крещатикъ и Печерскъ, въ описываемую мною эпоху, лежали незаселенною пустынею, изрытою байраками и покрытою лѣсомъ \*\*. Теперь мы въ Печерскій ѣздимъ широкими мосто-

\* Нѣвножко смыслю.

\*\* Печерскъ и Крещатикъ были почти необитаемы до начала нынѣшняго столѣтія, и монастыри Печерской горы были въ отношеніи къ Кіеву загородными, какъ теперь Выдубицкій монастырь и Китаевская пустыня.

выми, посреди каменныхъ домовъ, магазиновъ, вывѣсокъ, посреди снующаго взадъ и впередъ народа; тогда пролегала къ нему изъ Верхняго Кіева только узкая *Михайловская стежка*, сперва по склону Михайловской горы мимо Кучовскаго сада, въ которомъ, по мнѣнію тогдашнихъ Кіевлянъ, слетались ночью вѣдьмы \*, потомъ черезъ *Введенскую ниву* и *Евсѣйкову долину*, на которой теперь Крепятицкій фонтанъ передъ театромъ, а отсюда поднималась она на Печерскую гору, извиваясь между старыми березами и соснами.

Тропа эта протоптана была богомольцами, ходившими изъ Кіева въ Никольскій и Печерскій монастыри. Она была такъ узка, что наши путешественники должны были растянуться гусемъ. Шрамко ѣхалъ впереди, за нимъ Череванъ и такъ далѣе. Нужно замѣтить, что въ то время женщина всегда слѣдовала за мушиною, а не мушина за женщиною, какъ водится нынѣ; потому-то объ героини наши занимали въ этомъ ходѣ почти послѣднія мѣста. Одинъ только Василь Невольникъ прикрывалъ ихъ съ-тылу, но и то въ качествѣ слуги.

Неровность дороги, то поднимающейся на крутизну, то спускающейся въ байракъ, то обходящей обросшіи кустарникомъ бугоръ, заставляла ихъ ѣхать медленно. Но медленность тутъ вознагражда-

\* Въ половинѣ XVII вѣка, проповѣдникъ Доминиканскаго Кіевскаго монастыря, Петръ Розвадовскій, исчисляя урочища, которыми владѣлъ тотъ монастырь въ Кіевѣ, упоминаетъ о Типографскомъ дворѣ, находившемся между грунтомъ Жмда арендатора и садомъ Кучовскаго, «гдѣ вѣдьмы слетались».

лась пріятністю лѣсної прохлады, запахомъ свѣжихъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ, и разнообразіемъ мѣстоположеній, измѣняющихся почти на каждомъ шагу. Здѣсь представлялся имъ зеленый косогоръ, по которому густыми кучами сверкали молодые цвѣты въ такомъ безпорядкѣ, какъ будто божество живописи, размалевавши эту угрюмую, но прекрасную пустыню раскидистыми вѣтвями, потрескавшимися стволами, корнями, переплетенными съ дякою павиликою, и глинистыми обрывами — и, окончивъ свою работу, отряхнуло пухъ своихъ кистей, и изъ cadaго брызга разцвѣлъ свѣжій цвѣтокъ. Въ другомъ мѣстѣ они наѣзжали на ручей, который вдругъ являлся передъ ними, не-звать откуда, и весело прыгалъ черезъ ветхія колоды повалившихся березъ, какъ бы радуясь солнечному свѣту. Далѣе, сквозь покрасившіе листья дуба-*неленя*, синѣла передъ ними перспектива узкой извиистой долины, и черезъ нѣсколько шаговъ закрывалась, какъ завѣсъю, какою-нибудь старою березою, опустившею до самыхъ корней свои вѣтви. Такіе предметы приготавлили душу къ молитвѣ лучше, нежели видъ нынѣшнихъ шумныхъ улицъ, по которымъ гремя и блистая скачетъ въ Печерскую Лавру Кіевская знать, иногда, можетъ быть, слишкомъ далекая отъ тихаго молитвеннаго чувства.

Мать и дочь, углубляясь въ эту пасмурную пустыню, вмѣсто того, чтобъ восхищаться дикими ея

• *Неленемъ* называется дубъ, сохраняющій старые сухіе листья въ теченіе всей зимы и весны до новыкъ.



красотами, какъ это свойственно намъ, людямъ образованнымъ, впали въ то раздумье, которое въ простой душѣ заступаетъ мѣсто нашихъ восторговъ— и, при видѣ этихъ уединенныхъ мѣстъ, имъ не разъ противъ воли приходила на мысль какая-нибудь пѣсня, такая жъ пасмурная, такая жъ извилистая, цвѣтистая и полная свободной жизни, какъ и эта пустыня. Но вдругъ онѣ выведены были изъ своей поэтической задумчивости самымъ неожиданнымъ явленіемъ.

По обѣ стороны узкой тропинки раздался конскій топоть, затрещали сухія вѣтви и между деревьями показались красныя платья двухъ Запорожцевъ. Это были тѣ самые молодцы, которыхъ они оставили въ Михайловскомъ монастырѣ. Женщины почувствовали нѣкоторый ужасъ, особенно, когда вспомнили, что отстаютъ отъ передовыхъ всадниковъ, ибо жупацъ Шрамченка, ѣхавшаго передъ ними, давно уже не былъ виденъ между деревьями.

Запорожцы, повидимому, не пуждались въ тропикѣ, по которой ѣхали наши богомольцы. Они даже, казалось, вовсе не управляли своими конями; кони какъ будто разумѣли ихъ желаніе, и кружились помежъ деревьями, не опереживая и не отставая отъ испуганныхъ богомолковъ. Женщинамъ страшно было глядѣть, какъ эти бѣшенныя животныя взбирались на бугры, и потомъ бросались съ дерзостью дѣснаго звѣря въ провалы, и исчезали на нѣсколько минутъ изъ виду; только глухой топоть и храпъ отзывались изъ глубины. Иногда имъ чу-

дилось, что конь опрокинулся и раздавилъ подъ собою отчаяннаго ѣздока; но вдругъ ѣздокъ появлялся надъ ними на возвышенности, въ лучахъ солнца сверкая своими кармазинами.

Въ промежуткахъ между такими ныряньями, Запорожцы вели между собою странный разговоръ, заставлявшій еще болѣе трепетать сердце матери и дочери.

— Вотъ, братъ, дѣвка! кричалъ одинъ. Будь я кусокъ грязи, а не Запорожецъ, если я думалъ, что есть такое чудо на свѣтѣ!

— Э, да ба! отвѣчалъ другой черезъ дорогу. Хоть бачишь, да не втнешь!

— Чому не втну! Хочешь, сейчасъ поцѣлю!

— А кін?

— А шо миѣ кін? Да будь я чортъ знаетъ что такое, если не готовъ разцѣловать ее передъ всѣмъ Запорожьемъ, хоть бы меня въ тужъ минуту разнесли на сабляхъ!

Путницы наши боялись, чтобъ въ самомъ дѣлѣ онъ не вздумалъ исполнить своихъ словъ; но тутъ встрѣтился глубокій байракъ — и Запорожцы полетѣли въ него, какъ злые духи.

— Василю! сказала Череванша, оборотившись къ своему спутнику; куды се мы заѣхали? Що се зъ нами буде?

— Не бойтесь, пани, отвѣчалъ Василь Невольникъ. Добрые молодцы только шутятъ; они забавляются вашимъ страхомъ.

Это утѣшеніе однако жъ мало подѣйствовало на

встревоженныхъ женщинъ, и онѣ прибавили шагу, чтобъ скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало полагаясь на помощь дряхлаго Василя Невольника.

Запорожцы опять показались по обѣ стороны дороги. Платье ихъ было забрызгано грязью, ибо на днѣ байрака было болото, но они не обращали на это никакого вниманїя.

— Гей, брате Богдане Черногоре! кричалъ опять Запорожець Туръ; знаешь, що я тебѣ скажу?

— А що жъ ты мнѣ скажешь, побро? отвѣчалъ тотъ. Послѣ того, какъ ты прилипнулъ къ этой бабѣ, наче та муха до патоки, я не надѣюсь услышать отъ тебя ничего путнаго.

— Отъ же брешешь, брате.

— А пу жъ?

— Скажу тебѣ такую рѣчь, що ажъ оближесся.

— Ого!

— Знаешь, брате, що? Хоть Сѣчь намъ и мати, а Великій Лугъ батько, но для такой дѣвчины можно отцураться отъ батька и отъ матери.

— Чи вже бъ то?

— А що жъ?

— А куды жъ?

— Ова!

Тутъ Запорожцы скрылись опять изъ виду. Нашимъ богомолкамъ отъ этаго страннаго совѣщанїя стало не веселѣе прежняго, и онѣ начали ѣхать съ возможною для нихъ быстротою. Василь Невольникъ вздыхалъ позади ихъ и говорилъ самъ себѣ:

— Що за любый народъ эти Запорожцы! Охъ, былъ когда-то и я такимъ забіякою, пока лѣта не придавили, да проклятая каторга не примучила!

— Да еще я не то скажу тебѣ! послышался опять грубый голосъ Тура, названнаго такъ не со-всѣмъ безъ причины.

— Будеть съ меня и этого! отвѣчалъ его товарищъ. Хотѣлъ бы я, море, чтобъ слышалъ это батько Пугачъ; тотъ у тебя скоро отбилъ бы охоту къ бабскому племени.

— Нѣтъ, не шутя, Богдане! Какой чортъ будетъ шутить, когда вцѣнятся въ душу такія чорныя брови? Хоть такъ, хоть сякъ, а эта дѣвчина будетъ моею! Чи знаешь шо?

— А шо?

— Я думаю поглядѣть, шо тамъ у васъ за горы?

— Оттаков!

— Такой. Ты не разъ трубилъ мнѣ про нихъ въ уши и порывался бросить наше товариство; не разъ рассказывалъ, какъ у васъ добрые юнаки хватаютъ дѣвоекъ \*. Отъ же коли хочешь уговорить Жирила Тура промѣнить Сѣчь на Чорную Гору, то

\* Въ Болгаріи и въ Сербіи, по расказу Вуко Караджича, и нынѣ существуетъ обыкновеніе похищать невѣсть, которыя по этому и называются *отмицями* (отнятыми), а юнаки, похитившіе *дѣвойку*, называются *отмичарами*. Молодежь охотно идетъ на дѣвохищеніе, вызывая другъ друга: *Гайде, море, да ти отмамо Милциу дѣвойку*. Весьма часто дѣвохищеніе оканчивается кровопролитіемъ, ибо все село считаетъ себя опозореннымъ, если дастъ увезть дѣвойку, но и отмичарамъ не мало стыда, если должны будутъ возвратиться безъ дѣвойки, а потому когда удастся имъ схватить *русу косу* (обыкновенно стараются похитить ее тайно, гдѣ-нибудь у колодезя, что ли), то скорѣе всѣ положатъ свои головы, нежели упустятъ ее изъ рукъ.

уговаривай теперь; и коли хочешь доказать, что ты въ самомъ дѣлѣ не одному товарищу помогъ разжиться на жинку; то доказывай теперь. Схватимъ эту *двѣойку*, да и гайда въ Чорную Гору!

— И ты оце по правдѣ говоришь?

— Такъ по правдѣ, якъ то, шо я Кирило Туръ, а ты Богданъ Черногоръ. Съ такою дѣвчиною за сѣдломъ я готовъ скакать хоть къ чорту въ зубы, не то въ Черногорію.

Этотъ открытій заговоръ, не смотря на шуточный свой тѣнъ, былъ ужасенъ въ устахъ Запорожцевъ—этихъ причудливыхъ и своевольныхъ людей, способныхъ на самыя безумныя затѣи; людей, которые смотрятъ насмѣшливо на жизнь и мало заботятся о томъ, какъ она кончится \*. Къ счастью, Богомолки въ это время нагнали Шрамка и его спутниковъ, Запорожцы вдругъ исчезли какъ тяжелый сонъ — и уже больше не показывались.

П. Кулашъ.

\* Любопытно, что даже Турки въ своихъ лѣтописяхъ признали, что «на землѣ нельзя пайти народа, который бы менѣ дорожилъ жизнію и менѣ чувствовалъ отвращенія къ смерти, нежели Запорожцы». (*Collectanea z Dziejopisdu Tureckich*, I, 181.)

# КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

## ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Если бъ я описывалъ подробно тогдашній Кіевъ съ его развалинами, съ его церквами и монастырями, то долженъ былъ бы увеличить вдвое объемъ предлагаемой вамъ книги; а это, думаю, было бы также благоразумно, какъ положить на барку двойной грузъ товаровъ: терпѣніе ваше не вынесло бы такой тяжести, и книга моя пошла бы ко дну Леты тѣмъ быстрѣе, чѣмъ была бы громадиѣе. И—такъ скажу только, что богомольцы наши, по дорогѣ въ Печерскій монастырь, заѣзжали въ *Николаевскую Пустыню* (что нынѣ Никольскій монастырь), состоявшую тогда изъ ветхой деревянной церкви \* и нѣсколькихъ убогихъ хижинъ, посреди глухаго лѣса. Отсюда проѣхали они мимо Спасской церкви, построенной Петромъ Могилою на развалинахъ древней Владиміровской, и наконецъ достигли *Святыхъ* воротъ Печерскаго монастыря, также расписанныхъ,

\* Нынѣшняя каменная церковь построена въ 1713 году. Большой Николай, или Никольскій соборъ, тогда еще не существовалъ. Онъ построенъ гетманомъ Мазепою около 1696 года.

какъ и теперь, съ тою же церковью надъ воротами, устроенною по образцу стоявшей нѣкогда надъ Золотыми Ярославовскими воротами, и съ такимъ же множествомъ нищихъ по обѣ стороны, какъ и теперь \*.

Выслушавъ обѣдню, Шрамко и его спутники обошли всю Великую «небеса подобную» церковь Печерскую, прикладываясь къ святымъ мощамъ и образамъ, любясь изображеніями князей, гетмановъ и вельможъ, писанныхъ во весь ростъ по заднимъ стѣнамъ, и покланяясь ихъ надгробіямъ, къ сожалѣнію теперь несуществующимъ: отчасти истреблены они пожаромъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а отчасти уничтожены рукою невѣжества, которое для всякаго рода памятниковъ страшнѣе огня и желѣза; осталась только гробница князя Острожскаго, положеннаго здѣсь въ 1533 году, но и та закрыта отъ взоровъ посѣтителей, не смотря на то, что князь Острожскій былъ въ свое время крѣпчайшею опорою Православія и яркимъ факеломъ просвѣщенія народнаго, и что видъ его монумента долженъ бы былъ по этому внушать всякой Русской душѣ чувства, достойныя того святаго мѣста, гдѣ онъ находится. Грустно было Хмѣльницкому видѣть «красоту церквей Божіихъ опустошенну и на землю поверженну» иноплемениками и отступниками; не менѣе грустно и

\* Монахъ Кальнофойскій, въ своей *Тературимль*, пишетъ: «Эти-ми воротами выходили на предмѣстіе, гдѣ лежитъ много калекъ, сиротъ, вдовъ, нищихъ, какъ и при Великой церкви Печерской, питающихся подаваніемъ благочестивыхъ людей.»

намъ видѣтъ, какъ мало уцѣлѣло въ нашихъ храмахъ изъ того, что миновада или пощадила даже рука Монгола и католика.

Шрамко въ этомъ отношеніи былъ счастливыѣ насъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ, что такой-то «Симеонъ Лыко, мужъ твердый въ вѣрѣ, испытанный въ храбрости, почилъ по многихъ дѣлахъ, достойныхъ героя»; въ другомъ знаменитый князь какъ бы изъ гроба говорилъ ему: «Многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію, а когда взять съ позоряща сей жизни, то съ убогимъ Иромъ сравнялся, и за свои широкія владѣнія семь ступеней земли получилъ; не дивуйся таковой отмѣнѣ, читателю: и тебѣ то жъ достанется; узнаешь на себѣ, что не равны раждаемся, равны умираемъ!»! далѣе пышный вельможа умолялъ читателя—проходя мимо, «смовить о немъ благое слово: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба твоего...» Видѣ этихъ надгро-

\* Нѣсколько надписей, бывшихъ на надгробїяхъ въ Великой церкви Печерской сохранилъ для насъ (въ Польскомъ переводѣ) Кальвофскій въ своей *Тературимѣ*. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ я здѣсь перевожу на тогдашній Русскій языкъ: I. «Глѣба Всеславича князя Кіевскаго супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, поелѣ супруга своего въ четьредесятъ лѣтъ скончася и купно съ нимъ во главахъ Преподобнаго Феодосія положена, лѣта 6666 (1188) Іануар. д. 3, ноши часа 1». (Объ этой княгинѣ въ Воскресенской Лѣтописи сказано: «имѣяше бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцю Феодосью»). — II. «Воззванная на судъ смертныи Евпраксія инокня, дщерь князя Всеволода, надѣже душею ставила, тамо въ лѣто 6617 (1109) іюля д. 9 тѣло сложи » — III. «Въ лѣто 6979 (1471) христіански скончавшуся князю Симеону Александровичу Олельковичу, дѣдичному (наслѣдственному) господицу земли Кіевской, князю Слуцкому, возстановителю святой церкви Печерской, юже обнови при королѣ Казимірѣ и при в. о. архимандритѣ Іоаниѣ, лѣта 6978, грудия 3». Кромѣ Олельковичей, здѣсь были



бій, на которыхъ арматура и знаки достоинствъ перемѣшаны были съ костями, сложенными накрестъ подъ мертвою головою, и чтеніе этихъ надписей, говорящихъ разомъ о величіи и ничтожествѣ чело-вѣческомъ, навели на душу полковника Шрамка печальное раздумье, и онъ, подобно внуку Ольгерда, сказалъ вздохнувши: — Сколько-то гробовъ! а всѣ эти люди жили на семь свѣтъ, а всѣ отошли къ Богу! Скоро и мы пойдѣмъ туда, гдѣ отцы и братія наши.

Въ-слѣдъ за такимъ размышленіемъ, онъ досталъ изъ-за пазухи тяжелую золотую цѣпь, и повѣсилъ ее на окладѣ Богоматери. Череванъ и прочіе богомольцы, даже до послѣдняго изъ нихъ, то есть Василя Невольника, также слѣдали приношеніе храму дорогими вещами или деньгами.

Смутное, но вмѣстѣ и пріятное, расположеніе души Шрамка и его спутниковъ, было возмущено погребены князя Ольгердовичи—Владиміръ и Левъ, Скиргайло, Черторыйскіе, Вышевевціе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе. При многихъ надписяхъ находились еще стихи, сочиненныя въ честь покойнику. Къ сожалѣнію, они также переведены Кальнофойскимъ на Польскій языкъ.

• Внуку Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1446 году, говоритъ: «Пріѣздивъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и былъ есмо въ дому Пречистыя и поклонился есми пречистому Образу ея и Преподобнымъ Отцемъ Антонію и Феодосію, и прочимъ Преподобнымъ и Богоноснымъ Отцемъ Печерскимъ, и благословилися есми отъ отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихонся отца своего гробу, князя Владимира Ольгердовича, и дядь своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: koliko-то гробовъ, а вси тѣмъ жили на семь свѣтъ, а пошли вси къ Богу, и помыслихъ есмь по малѣ и намъ тамо повти, гдѣ отцы и братцы и братія наша», и пр.

страннымъ поведеніемъ одного человѣка, который давно уже слѣдовалъ за ними отъ одной гробницы къ другой. Не далеко отъ пышнаго надгробія князя Острожскаго, поставленнаго въ особой аркѣ, убранный трофеями, на четвероугольномъ столбѣ есть изображеніе одного древняго князя, держащаго въ рукахъ золотую цѣпь, составленную изъ квадратныхъ<sup>6</sup> пряжекъ шириною въ вершокъ. Когда Шрамко, на вопросъ Череванши, сказалъ, что эта цѣпь, вѣроятно, означаетъ мученика, умершаго въ оковахъ, вдругъ чей-то грубый голосъ воскликнулъ позади его громче, нежели позволяла святость мѣста: — Ова!

Женщины вздрогнули, и Шрамко оборотившись узналъ того самаго Запорожца, котораго насмѣшливые взгляды и небрежный видъ такъ ему не понравились.

— Ова, панотче! повторилъ Запорожець, мало заботясь о томъ, какъ на него смотрятъ. Видно, тебѣ шаблюка больше знакома, нежели монастырскіе рассказы.

— Ироде! вскрикнулъ Шрамко, но вдругъ вспомнилъ, гдѣ онъ, и превозмогъ свою досаду.

— Гай, гай! продолжалъ Запорожець съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, какая жъ это цѣпь? Это не цѣпь, а поясъ, и коли хочешь знать, якій, то у Кирила Тура и на это достанетъ въ головѣ мозгу!

— Згинь ты, ледащо, съ своимъ поясомъ! сказалъ Шрамко, отвернувшись отъ него, и, чтобъ не сказать еще чего-нибудь хуже, пошелъ къ дверямъ.

— Эге! такъ-то и згинуть! продолжалъ неотвязный Запорожець. Я, слава Богу, не муха, а Запорожець, да еще братчики и куреннымъ меня величаютъ! Поясъ этотъ, коли хотите знать, есть тотъ самый, по крайней мѣрѣ подобіе того самаго, который былъ пожертвованъ святому Антонію Варяжскимъ князькомъ Симономъ. Отъ що! Вы насъ бурлаками, дурнями величаете, а мы чаще васъ заглядываемъ въ домъ Божій.

Не смотря на то, что его не слушали и, чтобъ отвязаться, уходили изъ церкви, Запорожець пресерььзно продолжалъ свой расказъ, забавляясь внутренно досадою мужчинъ и отвращеніемъ женщинъ.— Да, вельможные паны, говорилъ онъ, мы не по-вашему слушаемъ бесѣды святыхъ отшельниковъ; и если хотите знать, почему князь намалеванъ съ поясомъ, то вотъ почему. Когда задумали святые отцы Печерскіе строить эту церковь, то не знали, стало быть, пропорціи, сколько въ гору, а сколько въ ширину муръ ставить. Ну...

Но этаго ну и дальнѣйшихъ словъ никто уже не слышалъ, потому-что всѣ ушли изъ церкви. Тогда Запорожець взглянулъ на своего товарища, который слѣдовалъ вездѣ за нимъ какъ тѣнь, и простодушно засмѣялся, довольный своею выходкою.

\* Гетманъ Дорошенко, въ 1671 году, писалъ къ Запорожцамъ: «Зъ якихъ мѣрѣ можно вамъ приписати невіѣжество, що ви въ отлеглихъ отъ отчизни своєї низдѣпровихъ лугахъ, тернахъ и хобтахъ, яко дивіе звѣріе, мешкаючи и ни о чомъ, що ся дѣсть въ мѣрѣ и отчизнѣ вашей, досконале невіѣдаючи, своими власними тилко пораетеся промислами и въ нихъ (яко) дивіе уживасте вепрове» (Лѣт. Величка).

Между-тѣмъ Шрамко быстро шелъ къ пещерамъ, стараясь подавить въ себѣ чувство досады, столь противное тому чувству, съ которымъ онъ вступилъ въ эту святыню, какъ непредвидѣнная встрѣча заставляла его вдругъ забыть и неотвязнаго Запорожца и все на свѣтѣ.

На дорогѣ къ пещерамъ, вдали, 'показалась небольшая группа людей, одѣтыхъ въ яркія платья, что въ тѣ времена было признакомъ старшинства. Впереди всѣхъ важною поступью шелъ высокаго роста мужчина, котораго приемы, одежда и отдаленіе, въ какомъ держались отъ него прочіе спутники, показывали въ немъ челоуѣка, облеченнаго высшею властію. Увидѣвши его, Шрамко вздрогнулъ какъ предъ сверхъ-естественнымъ явленіемъ, и вскрикнулъ: — Боже мой! да это жъ Сомко!

Первымъ движеніемъ его было бѣжать навстрѣчу своему любимцу и обнять его какъ роднаго сына; но тутъ же вспомнилъ онъ свои сѣдины, которымъ неприличенъ былъ юношескій порывъ удивленія и радости, вспомнилъ своей полковничій и священнической сапъ и рѣшилъ выдержать себя *поважно*.

— Не торопитесь, сказалъ онъ своимъ спутникамъ, которые прибавили шагу. Вспомните, что, если Сомко для насъ что-нибудь значить, то и мы жъ для него не совсѣмъ ничего.

Такимъ образомъ, предшествуя своему обществу, Шрамко медленно приближался къ Сомку, который,

не узнавая его, продолжалъ весело разговаривать съ своими подчиненными.

— Чоломъ пану ясновельможному! сказалъ громко и важно Шрамко, снявъ свою шапку и открывъ высокій свой лобъ съ рубцами, извѣстными всему козачеству.

Сомко тогда только узналъ знаменитаго сподвижника Хмѣльницкаго, и съ такою жъ повагою привѣтствовалъ его словами:—Чоломъ благородному полковнику!

Тутъ они обнялись, поцѣловались и долго не выпускали одинъ другаго изъ объятій.

Недаромъ наши лѣтописцы, умалчивающіе обыкновенно о наружности дѣйствующихъ лицъ, пишутъ о Сомкѣ, что онъ былъ «воинъ уроды, возраста и красоты зѣло дивной». Въ самомъ дѣлѣ это былъ человекъ совершеннѣйшій въ физическомъ отношеніи. Онъ былъ росту болѣе-нежели высокаго, можно сказать огромнаго; но во всѣхъ его членахъ была такая изящная соразмѣрность, что эта огромность нимало не противорѣчила условіямъ красоты; она только давала ей особенный, величественный характеръ. По-видимому, ему было около тридцати лѣтъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ доживалъ четвертый десятокъ. Форма лица его была болѣе квадратная, нежели овальная, носъ прямой, глаза голубые, волосы свѣтлорусые, золотистые. Не смотря на то, что тогдашняя мода повелѣвала подстригать ихъ въ-кружокъ и причесывать гладко, они завились въ крупные кудри, приподнялись и открывали высокій, исполнен-

ный благородства лобъ, который могъ бы украсить лице всякаго поэта. Словомъ, Сомко былъ «лицемъ и тѣломъ мужъ изрядный \*», какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ. Глядя на крѣпкое, атлетическое строеніе его тѣла, обѣщавшее самую долгую жизнь, на живой румянецъ щекъ, доказывающій свѣжесть душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, на природную веселость нрава, блиставшую въ его глазахъ и въ неизмѣнной улыбкѣ, можно было ему позавидовать. Казалось, этотъ человѣкъ созданъ былъ для однихъ радостей и наслажденій жизни: такъ смѣлъ и спокоенъ былъ его взоръ; такое довольство собою и всѣмъ окружающимъ его выражалось во всѣхъ его движеніяхъ. Одинъ только недостатокъ замѣтенъ былъ въ этомъ чудѣ творенія: имѣя голосъ чистый и звонкій, рѣчь твердую и живую, Сомко иногда немножко заикался, или лучше сказать спотыкался на частицѣ *да*, которая противъ его воли вворачивалась въ его рѣчь. Но—чудное свойство красоты! этотъ недостатокъ Сомка имѣлъ особенную прелесть, такъ—что всѣ любившіе его не согласились бы, если бъ и могли, освободить его отъ его *да*.

— Чоломъ пану бунчуковому! такъ обратился онъ къ Черевану.

Череванъ до того обрадовался Сомку, что не могъ даже отвѣчать на привѣтствіе гетмана; только обнявшись, онъ проговорилъ уже:—А, бгатику мій любезный!

\* Церковно-Славянское — изрядный значитъ прекрасный, превосходный.

Такой же *чоломъ*, вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, былъ отданъ и Череваншѣ, которую Сомко назвалъ своею *немькою* \*, что было принято честолюбивою панією съ немалымъ удовольствіемъ.

— А вотъ и моя невѣста, сказалъ онъ, обращаясь къ Лесѣ съ полною развязностью свѣтскаго человѣка того времени. Вамъ, ясная панно, *чоломъ* до самихъ ножекъ!—Ну, нечего сказать, говорилъ онъ къ отцу и матери, поцѣловавши Лесю и держа ее за руку, недаромъ молва о вашей царицѣ ходитъ у насъ за Днѣпромъ. Божусь, чѣмъ хотите, что лучшей дѣвушки не было, нѣтъ и не будетъ въ Украинѣ!

И опять поцѣловалъ ее съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто имѣлъ дѣло съ дитятею привлекательной наружности, а не съ дѣвушкою въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты.

— Прощу жъ не забывать и моего сына, сказалъ Шрамко. Петро, что ты вкопалъ такъ очи въ землю?

Петро вздрогнулъ, вышедши изъ какаго-то безпамятства, въ которое погрузили его слова Сомка: *вотъ и моя невѣста*, и скрѣпившись сдѣлалъ привѣтствіе счастливому сопернику.

Между-тѣмъ Шрамко и Череванъ привитались съ старшинами Сомка, которые были почти всѣ молодые люди, мало имъ извѣстные; знали они хорошо одного только Сомкова писаря Вуяхевича, котораго козаки прозвали перелицѣваннымъ Ляшкомъ

\* *Ненька, немя* — матушка, мама.

въ то время, когда онъ въ войскѣ еще ничего не значилъ; теперь же называли его такъ только заочно, а въ-глаза звали Михайломъ Ивановичемъ.

Шрамко и Череванъ не любили этаго человѣка, хотя наружность его и обхожденіе, казалось бы, не могли внушить никому непріязни. Этотъ важный въ то время сановникъ былъ человѣкъ средняго росту, красиво сложенъ и имѣлъ отъ роду лѣтъ около тридцати-пяти. Черты лица его были правильны и даже пріятны; только всякому бросалась въ глаза большая стариковская лысина при моложавомъ его лицѣ и странное противорѣчіе въ выраженіи его губъ и глазъ. Онъ очень часто шутилъ и смѣялся; казалось, это былъ такой же добродушный человѣкъ, какъ и Череванъ; но кто разъ обратилъ вниманіе на выраженіе его глазъ во время смѣху, тотъ постигалъ безконечную между ними разницу: глаза эти никогда не смѣялись: они похожи были на бдительныхъ часовыхъ, поставленныхъ у дверей пиршественной залы съ особеннымъ приказаніемъ: что бъ ни дѣлалось передъ ними, они помнятъ свое и остаются безчувственными ко всему прочему. Къ этому очерку фізіономіи писаря Вуяхевича нужно прибавить, что онъ въ тѣ времена невѣжества слылъ человѣкомъ глубоко ученымъ, хотя вся его ученость ограничивалась знаніемъ одного или двухъ иностранныхъ языковъ и письменныхъ правъ. Особа эта кланялась всѣмъ весьма привѣтливо и отпускала каждому по нѣскольку льстивыхъ словъ, съ которыми такъ хорошо согласовалась его гладенькая лысина, кажет-



ся, и созданная только для того, чтобъ втереться къ кому-нибудь въ довѣренность, польстить кому-нибудь на счетъ его достоинствъ, и потомъ, отошедши въ-сторону, посмѣяться надъ дѣйствіемъ своей лести.

Сдѣлавши каждому изъ нашихъ богомольцевъ нѣсколько лицемѣрныхъ привѣтствій — на которыя Шрамко отвѣчалъ прямыми возраженіями, Череванъ простодушнымъ смѣхомъ, Петро несвязными словами, а Василь Невольникъ восклицаніемъ: *Охъ, Боже правый, Боже правый!* — Вуяхевичъ или перелицѣванный Ляшокъ обратился наконецъ къ женщинамъ и истощилъ передъ ними весь запасъ своей лести, будучи увѣренъ, что этимъ товаромъ выгоднѣе всего торговать съ добавочною частью человеческого рода. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ имѣлъ совершенный успѣхъ, ибо какъ матери, такъ и дочери пріятны были похвалы человѣка, столь близкаго къ гетману.

— Куда жъ вы это разогнались? спросилъ Сомко Паволочскаго попа. Вѣрно, въ пещеры?

— А куда жъ, если не въ пещеры? отвѣчалъ попъ.

— Отложимъ, батько, это до-завтра; а теперь завернемъ ко мнѣ на гостинницу. У меня, какъ нарочно для такихъ гостей, святые отцы приготовили обѣдъ бучный!

— Вотъ, бгаты, разумная рѣчь, такъ, такъ! воскликнулъ Череванъ.

— На этотъ разъ я согласенъ съ тобою, пріятелю, сказалъ Шрамко, хотя совсѣмъ по различпой

причинѣ: мнѣ и молитва на умѣ не пойдеть, пока не переговорю съ ясновельможнымъ.

— А мнѣ, богатъ, такъ ѣсть хочется, що ажъ шкура болить, отвѣчалъ Череванъ.

Гостинница монастырская составляла родъ отдѣльнаго хуторка, закрытаго со всѣхъ сторонъ деревьями. Строенія были весьма просты: домъ, конюшни, сараи для сѣна и разной поклажи — все это было деревянное, подъ соломенными крышами.

Сомко ввелъ своихъ гостей въ просторную свѣтлицу. Двѣ двери вели въ боковыя комнаты, изъ которыхъ каждая имѣла особый выходъ съ небольшими *іаночками*. Тутъ, помолившись образамъ, гости раскланялись чинно съ своими хозяевами. Шрамко еще разъ обнялъ Сомка и долго держалъ въ своихъ объятіяхъ, между-тѣмъ какъ слезы капали изъ очей его на богатый кунтушъ молодого гетмана.

— Соколъ мой ясный! восклицалъ онъ, прижимая его къ сердцу.

— Батко мій ридный! говорилъ Сомко, также растрогавшись. Я привыкъ звать тебя своимъ баткомъ, и будь увѣренъ, что какъ сынъ тебя люблю и поважаю.

Шрамко сѣлъ въ концѣ стола, подперъ обѣими руками свою сѣдую, изчерченную сабельными ударами голову и началъ прегорько плакать. Это всѣхъ смутило. Всѣ молча глядѣли на престарѣлаго рубакку и такъ были поражены видомъ его горести, что не смѣли обратиться къ нему съ рѣчью.

Сомко не менше другихъ былъ озадаченъ. Онъ зналъ Шрамка, какъ человекъ твердодушнаго, у котораго во время оно не извлекъ изъ глазъ ни одной слезы даже видъ убитаго сына, принесеннаго къ нему въ кровавыхъ ранахъ козаками; а теперь этотъ человекъ рыдаетъ передъ нимъ, какъ будто на похоронахъ у Хмѣльницкаго, гдѣ три дня гремѣли печальные выстрѣлы, раздавались вопли и лились рѣкою козацкія слезы.

— Батько мой! сказалъ подступивши къ нему Сомко, что за несчастіе съ тобою случилось?

— Со мною? отвѣчалъ Шрамко, поднявши голову. И не стыдъ тебѣ такъ говорить? Я былъ бы баба, а не козакъ, если бъ вздумалъ плакать о собственномъ горѣ!

— Такъ о чемъ же, ради Бога? Кажется жъ, Ляхи не душатъ Украины? Мы вымели ихъ вмѣстѣ съ Жидами и Недоляшками, какъ негодное сметье, и бандуристы наши педаромъ поютъ:

Оттеперь, люде добры, въ скоки, теперъ берѣтесе  
въ боки:

Позаганяли козаки Ляшквѣвъ, що не вернуться ѿ  
въ три роки!

— Можетъ быть, то и правда, мой соколъ ты ясный, що три роки еще Украина будетъ носить голову прямо, а потомъ смотри, коли не нагнутъ се подъ такое жъ ярмо, какъ и во время Барабаша!

— Откуда это у тебя, мой батько, такія мысли взялись? Развѣ ты не слышалъ, какъ мы еще недав-

но попотчевали Юруса \* съ Ляхами и Татарамн? Врагъ меня возьми, если весь Днѣпръ не покрылся ихъ шапками! «Иной трупъ ажъ на Запорожьѣ водою позаносило \*\*!»

— Твоими бѣ устами только медъ пить, мой рыцарь ты свѣтлый! Все это такъ, все это такъ! Ты съ своими козаками заигралъ Ляхамъ такую пѣсню, що по всему свѣту стало слышно. Только жъ и козаки твои разтанцовались послѣ этой пѣсни такъ, що и въ головѣ имъ завернулось!

— Ось лихо! Якъ же се такъ?

— Такъ, що теперъ на Украинѣ столько жъ порядка, сколько въ котлѣ у пивовара, когда печь полна дровъ. У насъ окаянный Тетера торгуется съ Ляхами за Христіанскія души, у васъ разомъ десять гетмановъ хватаются за булаву, а что Украина «разодрана на двѣ части», до этаго пикому дѣла пѣтъ!

— Десять гетмановъ! Хотѣлъ бы я видѣть, какъ хоть одинъ изъ нихъ ухватится за мою булаву, пока я держу ее въ рукахъ!

— Ты ее удержишь? А Васюта, а Мартынецъ?

— Васюта старый дурень, которымъ играетъ, какъ самъ знаетъ, человѣкъ, безчестящій свой санъ; а подлаго Мартынца я еще разъ посажу верхомъ на свинью! Гнусная сволочь! Я давно выбилъ бы и вытопталъ всю эту погань, но только честь на

\* Юрія Хмѣльницкаго.

\*\* «Ихъ же тѣлеса Днѣпръ недшкритшихъ въ себѣ не сохраниши, извергалъ на брега своя въ свѣдѣ птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ, яже и отъ Юлія 16 до Септеврія 1 лежаху по брегахъ Днѣпровихъ тѣлюще исогребенин» (Лѣт. Величка).

себѣ кладу! Моей ли саблѣ блестятъ надъ ихъ ничтожными головами, когда она гнала изъ Украины тысячи грабителей?

— Однако жъ эта погань не даетъ твоей гетманской власти расширяться по Украинѣ.

— Кто тебѣ сказалъ? Отъ Самары до Глухова вся старшина зоветъ меня гетманомъ. И какъ же иначе, коли на радѣ въ Козельцѣ всѣ полковники, асаулы, сотники и значные козаки присягали мнѣ на послушаніе? Самъ Меѳодій приводилъ ихъ къ присягѣ, и изъ своихъ рукъ далъ мнѣ булаву Хмѣльницкаго. Кто жъ послѣ этаго смѣетъ стоять противъ меня?

— Но вѣдь правда жъ тому, что Васюта съ отцемъ Меѳодіемъ подали на Москву листъ противъ твоего гетманства?

— Правда, какъ нельзя больше, и коли бъ не сѣдые волосы Васюты и не епископскій санъ Меѳодія, то сдѣлалъ бы я съ ними то, что покойный гетманъ съ полковникомъ Гладкимъ. Тутъ, если ты, батько мій ридный, хочешь знать всѣ подробности, замѣшалось преподлое дѣло. Отецъ Меѳодій давно меня къ себѣ приголубливаетъ: у него, видишь ли, есть племянница — шерѣпа такая, що только въ пригрубнику бъ сидѣть, а не величаться въ парчѣ да въ ақсамитѣ. Що жъ? Владыкѣ вздумалось сдѣлать ее гетманшею! Ха, ха, ха! понимаешь ли? И оце бъ то мнѣ взять за себе таке лихо! Послѣ церемоніи, за обѣдомъ и давай онъ закидать стороною крючка на счетъ невѣсты, а я давно зналъ

про его химеру; думаю себѣ: до коихъ поръ святой отецъ будетъ хотѣть того, чему никогда не бывать? «Святѣй Владыко! говорю, если гетману въ самомъ дѣлѣ нужно имѣть гетманшу, такъ есть у меня, говорю, давно на примѣтѣ дѣвчина такая,

Що якъ зоговорить,  
Мовъ у дзвони дзвонить;  
А якъ засмѣється —  
Дунай разольється.

Смотрю—пасаулся мой владыка, а его племянница вмѣстѣ съ своими родичами почервонѣла, якъ ракъ. Послѣ обѣда тотчасъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Васютою въ Нѣжинъ, и повѣялъ вѣтеръ совѣмъ въ другую сторону. Я съ старшиною шлю грамоту къ Царскому Величеству о подтвержденїи меня въ гетманствѣ, а они вдвоемъ крамолы сѣютъ да чернятъ меня на Москвѣ; пишутъ къ Царскому Величеству, що рада Козелецкая не «слушная»; нужно, говорятъ, чтобъ на радѣ «и войско Запорожское было». Васютѣ какъ посулилъ владыка гетманство вмѣстѣ съ племянницею, такъ тотъ съ-дуру и уши развѣсилъ. Къ нимъ пристало нѣсколько старыхъ дурневъ; толкуютъ: «Можно ли дать булаву такому молодому козаку, якъ Сомко? У него еще вѣтеръ въ головѣ.» А о томъ и забыли вражьи дѣти, что этотъ-то Сомко и удержалъ при Московскомъ Царѣ весь лѣвый берегъ, что этотъ Сомко очистилъ Украину отъ Татаръ и католицкой сволочи, которая было-расползлась по ней опять якъ сарана; что этотъ Сомко позагонялъ

Ляховъ такъ «що не вернуться и въ три роки!» Подлыя души! Вѣришь ли, батько мой, что я гнушаюсь поднимать па нихъ свою саблю? Я увѣренъ, что и безъ моего труда *обратится неправда ихъ на главу ихъ.*

— Соловей ты мой! сказалъ Шрамко, слушавшій съ жадностью рассказъ его. Отъ твоихъ рѣчей мое сердце оживаетъ, какъ вялая трава отъ прохладной росы. Но что ты скажешь о Мартынциѣ?

— О Мартынциѣ не сбрешу, если скажу, что это величайшая каналья, какая только когда-либо подымалась на хитрости. Я готовъ думать, батько мой, что онъ принялъ къ себѣ чорта въ товарищи, когда затѣялъ протянуть руку ажъ до самой булавы гетманской. Хорошъ молодець, которому столько жъ можно вѣрить, какъ и лукавой лисицѣ; но Мартынецъ заткнетъ его за поясъ въ плутовствѣ. Онъ дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ: къ Васютѣ подсылаетъ Запорожцевъ, что будто бы Сѣчовики хотятъ выбрать его гетманомъ, а владыку морочить обѣщаніемъ взять за себя племянницу; но владыкѣ также этаго не дождать, какъ и Васютѣ гетманства.

— Однако жъ, пане гетмане, это поганое гиѣздо завелось недаромъ: изъ него что-то выплодится-таки. Запорожскіе сѣромахи не наобумъ огласили подлаго Мартынца гетманомъ: чѣмъ-нибудь они надѣются же поддержать свою раду.

— И, батько мій ридный! сказалъ Сомко. Мы смѣемся надъ ихъ затѣями. Наблюдал за ихъ пронырствомъ и плутовскими продѣлками, мы обраща-

емъ все это въ забавные рассказы, которые утѣшаютъ веселую компанїю нашу. Я нарочно смотрю сквозь пальцы на ихъ швырянье по Украинѣ, и уподобляюсь въ этомъ случаѣ коту, который такъ хорошо знаетъ проворство и силу своихъ лапъ, что не опасается какихъ-нибудь ничтожныхъ мышей.

— Достается однако жъ иногда и коту отъ мышей, пане гетмане. Мнѣ что-то не слишкомъ прїятно пахнетъ слово *черная рада!*

— Химера, батько мій, козацьке слово, що химера! Мартынець думаетъ опереться на посольствѣ, потому-что всѣхъ его Запорожскихъ сторонниковъ можно забрать въ одну жменю. Вотъ и засылаетъ листы съ подарками на Москву, «чтобъ позволено быть черной радѣ», а тутъ Запорожцы разползлись по всей Украинѣ, пьянствуютъ съ мужиками да выхваляютъ своего гетмана: «Нашъ гетманъ такой да такой, онъ съ нами живетъ за панибрата—не такъ якъ вашъ ясновельможный, що всѣми орудуе, якъ чортъ грѣшными душами». Тѣ съдуру и уши развѣшиваютъ. Я все это знаю, но думаю: ловись, ловись, рыбка! Пусть выѣдутъ бояре отъ Царскаго Величества; посмотримъ, какъ поддержитъ васъ глупая сволочь противъ нашихъ ружей и пушекъ! Запорожцевъ я сдамлю тогда въ кулакѣ и заставлю согласиться на новыя постановленїя; ихъ гетмана посажу опять на свинью, а глупой черни разъ навсегда покажу, что имспемъ гетманскимъ нельзя играть какъ мячикомъ. Я жду спокойно выѣзда бояръ: пусть моя власть



укрѣпится Царскою силою. На моей сторонѣ вся старшина; мы напишемъ съ бодрими статьи, какія сами знаемъ, и пустимъ Украинну въ ходъ по лучшей дорогѣ. Полно ей играть безъ толку, какъ молодое пиво; пора оглядѣться на себя разумно, чтобъ упрочить свою судьбу и на будущія времена.

— Золоте слово твое, пане гетмане! сказалъ въ восхищеніи Шрамко. Недаромъ батько Хмельницкій такъ любилъ тебя: онъ зналъ, что у тебя есть царь въ головѣ. Но знаешь ли что? Запорожскіе гультаи подливаютъ дрожжей не въ однихъ поселянъ; они бунтуютъ противъ козаковъ и мѣщанство. Въ Кіевѣ сегодня я наслушался отъ нихъ немало крику по самому простому случаю.

— Знаю и это, батьку, отвѣчалъ Сомко. Но, правду тебѣ сказать, прибавилъ онъ, отводя его къ окну и понизивъ голосъ, этому я даже радъ. Козаки слишкомъ много забрали себѣ въ голову. Они если еще не сдѣлались пацами надъ всѣми прочими Украинцами, то готовы сдѣлаться. На что это похоже, чтобъ запрещать мѣщанамъ носить сабли? Не такъ ли дѣлали Ляхи, когда хотѣли имѣть какъ можно поменьше военныхъ людей въ Украинѣ, чтобъ самимъ надъ всѣми верховодить? а? Мнѣ сдается, батько мій рідный, что мало добра, когда одни дѣйствуютъ, какъ сами знаютъ, а прочіе подобятся стаду, *ему же нсть разума*. Нѣтъ, пусть стоятъ за свои права; тогда только явятся прочныя законы и душевныя силы!

Шрамко пришелъ въ такой восторгъ отъ этихъ словъ, что обнялъ и поцѣловалъ молодаго гетмана: — О мой соколъ ясный! о мой дорогій клейноде! восклицалъ онъ. *Глаголъ устъ твоихъ сладостень мнѣ паче меда и сота!* О, счастлива будетъ Украина, если хоть одинъ десятокъ лѣтъ гетманская булава побудетъ въ рукахъ у такого гетмана!

— А еще счастливѣе, сказалъ Сомко, когда оба берега Днѣпра преклонятся подъ одну булаву. Нужно тебѣ знать, что у меня есть замыселъ идти на окаяннаго Тетеру, какъ только отбуду Царскихъ бояръ и получу грамоту на гетманство. Мы отгѣсимъ Ляховъ къ самой Случи, и, держась за руки съ царствомъ Московскимъ, какъ братъ съ братомъ, будемъ громить всякаго, кто покусится ступить на Русскую землю. Между-тѣмъ поисправимъ въ Украинѣ всѣ безпорядки, установимъ прочное судопроизводство, заведемъ училища и типографіи, изгладимъ, при помощи Божіей, слѣды Татарскаго и Лядскаго ига и возвеселимъ души древнихъ князей Украинскихъ.

— Боже великій, Боже милосердный! воскликнулъ Шрамко, обративъ набожный взоръ къ образамъ, Ты вложилъ ему въ душу самое дорогое мое желаніе: низпошли жъ ему и силу привести его въ исполненіе!

Тутъ онъ возмутился духомъ такъ, что не могъ больше говорить, сѣлъ въ концѣ стола и началъ опять прегорько плакать.

Всѣ были тронуты этою сценою и оставались въ молчаніи, устремивъ глаза на сѣдаго энтузіаста, проливающего слезы. Слышенъ былъ только тихій голосъ Василя Невольника: — Боже правый, Боже правый! есть же на свѣтѣ такіе люди!

Припадокъ чувствительности стараго Шрамка поставилъ всю компанію въ тягостное положеніе, въ какомъ находишься, видя передъ собою рыдающаго человѣка, между-тѣмъ какъ въ ту пору душа настроена на гораздо низшій ладъ. Самъ гетманъ не зналъ, какъ повести съ нимъ рѣчь. Вдругъ Шрамко поднялся съ своего мѣста, отеръ слезы и воскликнулъ съ веселымъ видомъ:—Слава Богу, а тебѣ честь и похвала, пане гетмане! Такъ въ самомъ дѣлѣ не Тетера, а ты владѣешь булавою козацкаго батька?

— Не дождется никогда нечестивецъ Тетера владѣть такою святынею, отвѣчалъ Сомко. Михайло Ивановичъ, подай сюда булаву. — Вотъ она! продолжалъ онъ, взявши ее въ руки, вотъ та булава, которая двигала козацкіе полки къ славнымъ побѣдамъ!

— Такъ, я узнаю ее, сказалъ Шрамко; тѣ самые обручки, та самая чеканка, тѣ самые каменья; вотъ и два пустыя мѣста. Эти два камня выпали отсюда въ то время, когда покойный гетманъ, разгорячившись въ спорѣ съ Польскими послами, бросилъ ее съ досады на кирпичный помостъ \*.

\* Наша Уманская старьяна такъ мало оставила по себѣ слѣдовъ, что мы должны дорожить всякимъ обломкомъ, всякимъ лоскуткомъ бумаги, носящимъ на себѣ отпечатокъ минувшаго. До сихъ поръ намъ извѣстна только номенклатура гетманскихъ *кдѣмотоев* (знаковъ

Всѣ обступили гетмана и Шрамка; булава переходила изъ рукъ въ руки; каждый разсматривалъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ этотъ тяжелый скипетръ *единовластнаго пана Русскаго* \*. Женщины также подошли ближе. Гетманъ, взявши булаву, хотѣлъ передать Череваншѣ; но Шрамко схватилъ

власти); объ ихъ формахъ и украшенїяхъ мы можемъ сказать очень мало; и потому всякому Украинцу любопытно, думаю, будетъ прочесть «Реестръ старымъ гетманскимъ клеймотамъ», написанный въ 1731 году и найденный мною въ фамильномъ архивѣ А. И. Ханенка.

«1. Булава золотая; на оной красныхъ камней болшихъ двадцать восемь; зеленыхъ болшихъ тридцать; пустыхъ мѣсть два на самой головѣ; сверху большой камень одинъ; на первомъ обручкѣ зеленыхъ болшихъ камней десять; меньшихъ красныхъ двадцать; на низовомъ обручкѣ зеленыхъ камней девять; пустыхъ мѣсть шесть; в конце красной камень одинъ большой.

«2. Булава пестропозлащенная; на оной сверху большой камень сердоликъ одинъ.

«3. Булава серебрянная безъ камня. Итого три булавы.

«4. Перночей серебряныхъ и позлащенныхъ чотыре; в томъ числѣ в одномъ перо изломлено.

«5. Перночь одинъ медной.

«6. Перночь одинъ съ свинцовою головкою, съ серебрянною гайкою, въ черной кожѣ безъ наконечника.

«7. Серебрянная печать Суда Войскового Генералнаго съ деревянною ручкою.

«8. Печать гетманская серебрянная визлоченная.

«9. Буччукъ одинъ съ гайкою позлащенною, съ бахромою, на голубой лентѣ, съ дравкомъ.

«10. Гетманское знамя съ дравкомъ и съ головкою визолощеною.

«11. Бѣлой камчатной значекъ гетманской безъ дравка. Да сверхъ оныхъ клейнодъ пос..... господиномъ генералъ маіоромъ..... Гендр..... набравіе гетмана.....твенно..... Ея Императорскаго..... (Конецъ реестра истлѣлъ).

\* Такъ называлъ себя Хмѣльницкій передъ Польскими посланци. *И. М. I, 219.* Надобно замѣтить, что тогда Великороссія не звалась въ Украинѣ Русью или Русскою землею, а просто Московщиною. Козакъ, говоря *Русь* и *Русскій народъ*, разумѣлъ собственно Южную Русь и Южныхъ Руссовъ.

его за руку: — Что ты, пане гетмане! сказалъ онъ. Хиба не знаешь стараго козацкаго обычая? Не долго поносишь булаву, если она побываетъ въ женскихъ рукахъ. Добрый козакъ даже сабли не дастъ въ руки женщины, щобъ на войнѣ «страхъ жиночій не подолѣвъ». Выбачай, шановная пани, обра- тился онъ къ Череваншѣ, *изъ пльски слова не выкидать.*

— А вже жъ! отвѣчала Череванша: *що правда, то не грѣхъ.* Только, пане полковнику, и надъ нашимъ братомъ страхъ не всегда пановалъ. Случалось неразъ, что женщины помогали козакамъ, если не слишкомъ много, то по крайней мѣрѣ столько, сколько лѣвая рука помогаетъ правой. Можетъ быть, не всѣ еще забыли, что когда у козаковъ подъ Берестечкомъ, что называется, *кобыла порохъ пошла* — выбачайте и вы, панове — и Ляхи гнали ихъ отъ замка до замка; то женщины становились на валы поручъ съ козаками, даромъ, что вмѣсто сабель и винтовокъ держали въ рукахъ косы да горшки съ кипяткомъ.

— Нѣтъ, мы этаго не забыли! сказалъ Шрамко. У насъ этаго и довбнею изъ головы не выбьешь! Женщины наши явили тогда себя настоящими козачками и, спасибо имъ, помогли козацкому батьку удержать разливъ Ляховъ по Украинѣ, пока онъ успѣлъ собрать войско подъ Бѣлою Церковью.

— Ну, добре, отвѣчала Череванша, между- тѣмъ какъ ея мужъ потиралъ отъ удовольствія руки и смѣялся въ знакъ радости, что его жена въ

такой знатной компаніи умѣть повести рѣчь, какъ слѣдуетъ — ну, добре, пане полковнику. Коли уже пошло на то, чтобъ хвастать, то я спрошу васъ, кто въ Трилѣсахъ попотчевалъ копитана Штрауса, такъ-что на валъ карабкался съ головою, а съ валу полетѣлъ безъ головы?

— Га-га-га! засмѣялся Череванъ. А шо, бгате! у мене жинка не абы-яка! Проклятый Штраусъ лѣзъ, какъ демонъ, съ своими Нѣмецкими чертями на наши выстрѣлы, взобрался на самыи валъ, и хоть я, бгате, досталъ себѣ добрую стальную сорочку, но онъ такъ попотчевалъ меня Нѣмецкою рогатиною, что пропоролъ мнѣ насквозь то, безъ чего я не былъ бы в Череваномъ. Га-га-га! Я къ чорту такъ и повалился, бгате, снопомъ на землю. Какъ тутъ подосиѣла моя Мелася, да какъ хватить его косою по шеѣ: голова такъ и отлетѣла!

— Ну, что ты скажешь на это, батько? сказалъ Сомко. Не уже ли, послѣ рукъ такой женщины, гетмана одолѣеть когда-нибудь женскій страхъ?

И, не дождавшись отвѣта, передалъ Череваншѣ булаву. Шрамко насупился, однако жъ смолчалъ.

— Желалъ бы я, продолжалъ Сомко, найти себѣ гетманшу, подобную пани Череваншѣ.

— Я знаю одну женщину, которая ни въ чемъ ей не уступитъ, сказала Череванша, передавая булаву своєї дочери.

— Отъ всей души вѣрю! воскликнулъ Сомко, и какъ я ни въ чемъ не люблю проволочекъ и окольныхъ путей, то сейчасъ же и прямо объявляю

всѣмъ присутствующимъ, что засваталъ у пани Череванши ея Лесю, когда она была еще малюткою. Теперь благослови насъ, Боже, ты, панотче, и ты, паниматко!

Тутъ онъ взялъ за руку смущенную дѣвушку и поклонился отцу и матери.

— Боже васъ благослови, дѣти мои! сказала Череванша, не дожидаясь своего мужа, который отъ удивленія и радости долго не могъ собраться съ духомъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ вамъ нужно было на богомолье! сказалъ Шрамко, впрочемъ безъ всякой досады. Ну, счастья жъ вамъ Боже и поможи; а мы себѣ найдемъ невѣсту. *Сѣго цвѣту багато по всѣму свѣту.*

— Бгатъ Шрамко! сказалъ Череванъ: хоть я и радъ такому знатному зятю; но, ей Богу, бгате, лишиться такого свата, якъ ты, для меня также тяжело, какъ и не ѣсть цѣлые два дня!

— Въ чемъ же тутъ дѣло? спросилъ гетманъ.

— А вотъ въ чемъ, пане гетмане, отвѣчалъ Шрамко. Я не зналъ, что это твоя невѣста, да я сваталъ-было ее у своего пріятели за моего Петра.

— А теперь такъ легко миѣ ее уступаешь?

— Я не знаю, чего бъ я не уступилъ тебѣ, кромѣ души, которая принадлежитъ Богу.

— Таке знай же, батько, что и Сомко не одного себя только любить! Я знаю, что лучшей дѣвушки нѣтъ во всемъ свѣтѣ, и люблю ее, какъ свою

душу; но если бѣ вмѣстѣ съ нею я долженъ былъ вырвать изъ груди свое сердце, то и тогда готовъ для тебя отъ нея отказаться!

— А я скорѣй обреку своего сына на вѣчное заточеніе въ монастырь, нежели приму отъ тебя такую уступку. Нѣтъ, пусть васъ Богъ благословитъ: вы одно для другаго созданы! Пусть будетъ въ коханой нашей Украинѣ гетманъ и гетманша краше всѣхъ владыкъ подъ солнцемъ!

— Если такъ, то зови жѣ меня сыномъ, а я тебя передъ всѣми признаю за ридного батька! Благослови насъ, отче!

Онъ преклонилъ передъ Шрамкомъ съ своею цевѣстою колѣна, и тотъ благословилъ ихъ съ важностью, приличною патріарху.

Череванъ былъ въ восхищенїи, что опять можетъ звать Шрамка своимъ сватомъ. Но каково было несчастному Петру! Право располагать сватовствомъ до такой степени было тогда предоставлено родителямъ, что никто не обратилъ даже вниманїя на бѣднаго моего героя, который стоялъ возлѣ окна, опершись о стѣну, блѣдный и неподвижный, какъ статуя. Только Василь Невольникъ, помня происшествїя вчерашняго вечера, взглянулъ на него и, догадавшись, что дѣлалось въ его душѣ, сказалъ тихонько: Охъ, Боже правый, Боже правый! *половина свѣта скаче, а половина плаче.*

При всемъ однако жѣ своемъ мученїи, Петро, глядя на Лесю и на Сомка, когда они стояли въ парѣ, не могъ не сразнаться, что лучшаго жениха нельзя



было найти для этой царицы женской красоты, и что одинъ Сомко не казался при ней существомъ низшаго разряда. Отъ этаго впрочемъ ему было ничуть не легче, и онъ готовъ былъ лучше провалиться сквозь землю, нежели видѣть это прекрасное само по себѣ, но мучительное для него явленіе.

— Ну, скажи жъ теперь мнѣ, мой старшій сыну, сказалъ Шрамко, чи вже бѣ то для одного сватовства пріѣхалъ ты въ Кіевъ?

— Нѣтъ, батько мій ридний, козацкое слово, нѣтъ! Есть у меня гораздо важнѣйшее дѣло. Я пріѣхалъ къ высокопочтенному отцу игумену Инокентію Гизелю переговорить кое о чемъ касательно училищъ народныхъ и, таки негдѣ правды дѣвать, думалъ было навѣдаться и въ Хмарище, но не для сватовства. Я хочу, чтобъ моя Леся вышла замужъ за гетмана, признаннаго и самимъ Царскимъ Величествомъ, такъ—чтобъ была гетманша на всю губу. Но что это мы такъ заговорились! вѣдь сегодня, вѣрно, никто изъ насъ еще не пилъ и не ѣлъ? Нуте лишь по чарцѣ!

— Вотъ это лучше всего на свѣтѣ, бгате! сказалъ Череванъ. Я совсѣмъ отоцалъ, такъ—что не могу и радоваться, какъ слѣдуетъ.

Въ это время кто-то подъ окномъ закричалъ: *пугу!* восклицаніе, перенятое пустынными рыцарями Запорожцами у филина и употребляемое ими для извѣщенія кого-нибудь о своемъ прибытіи. Это было такъ неожиданно, что нѣкоторые вздрогнули. Сомко подошелъ къ окну и посмотрѣвши сказалъ:—

Э, да это нашъ прїятель Кирило Турь! И потомъ отвѣчалъ ему по обычаю: — Козакъ зъ лугу!

— Ваши головы! сказалъ Запорожець.

— Ваши головы, ваши головы! Двери настежъ.

Это значило, что хозяинъ общаетъ въ своемъ дому безопасность и проситъ войти.

— Не знаю, сыну, сказалъ Шрамко, что за охота тебѣ водиться съ этими пугачами? Это самый вѣроломный народъ, на который ни въ чемъ городовому козаку нельзя положиться.

— То правда, батько, отвѣчалъ гетманъ, что добрые молодцы честны только въ своемъ кошѣ, а въ городахъ шутя готовы дѣлать всякія пакости; но межъ ними есть рѣдкіе люди, которыхъ цураться не надо. Этотъ, напримѣръ, Кирило Турь... Повѣришь ли, что я уже нѣсколько разъ обязанъ ему жизнию? Онъ на Сѣчи куреннымъ отаманомъ, славится межъ Запорожцами силою, отвагою, военнымъ искусствомъ, и сверхъ того презабавный балагуръ. Но разгадать его характеръ также трудно, какъ рассмотреть ласточку на лету. Врагъ его знаетъ, что это за странная смѣсь добродѣтелей и пороковъ! Иной разъ ты бѣ сказалъ, что это самъ дьяволъ и что въ немъ нѣтъ ни капли человѣколюбія; а иногда онъ является самымъ великодушнымъ и щирымъ человѣкомъ. Всегда таскаетъ за собою какаго-то Черногорца, который только супится и молчитъ, но котораго онъ любитъ, какъ роднаго брата, и называетъ вторымъ рыцаремъ послѣ себя. Себя жъ безъ церемо-

ніи считаетъ первымъ удалцемъ въ свѣтѣ и готовъ доказать это саблею всякому, кто бы въ томъ усомнился.

— Чтобъ ихъ чортъ побралъ съ ихъ удалствомъ, этихъ бездѣльниковъ! сказалъ Шрамко. Насолили они и самому Хмѣльницкому своими бунтами да самоуправствомъ! Однако жъ грѣхъ не сознаться, что и межъ ними есть добрые люди. Разъ, чатуючи съ десяткомъ козаковъ въ полѣ, я попалъ было въ такую западню, что не знаю, какъ изъ нея и выбрался бѣ. Окружилъ меня цѣлый отрядъ Ляховъ. Нечестивцы узнали меня по моимъ шрамамъ и такъ обрадовались, что половина рубится съ нами, а половина плещеть въ ладони. Уже подо мною и конь убитъ; я отбиваюсь стоя, а имъ окаяннымъ непремѣнно хочется взять меня живаго, чтобъ потѣшиться такъ, какъ надъ Наливайкомъ, Острицею и другими несчастными. Вдругъ откуда ни возмись Запорожцы: *пугу! пугу!* Ляхи наши въ-ростычъ, а было ихъ больше сотни. Оглянусь, а Запорожцевъ всего пятеро! Слыханное ли дѣло, чтобъ полдесятка человекъ кинулись на сотню \*?

\* Одинъ добрый человекъ, мало изучавшій воинскія дѣлія, усомнился-было въ возможности такого произшествія. Если бѣ мы жили во времена Шрамка, то всего легче было бѣ его увѣрить, заставивъ почтеннаго полковника повторить изустно его слова, напечатанныя въ этой книгѣ; но теперь я могу сослаться только на нѣсколько подобныхъ примѣровъ, не подлежащихъ никакому сомнію. Добрый мой человекъ убѣдился больше всего рассказомъ Польскаго жоліѣра XVII вѣка о томъ, какъ ему съ 20-ю, или съ 22 человекъ, удалось не только защититься отъ 300 человекъ Польскихъ пародеровъ, но и разбить ихъ. (*Pamiętniki Paska*, 130 — 134.)

— Да, сказалъ Сонко, межъ ними есть добрые рыцари!

— Скажи лучше, сыну, были, а теперь перевелись къ чорту: зерно выстѣвалось за войну, а въ кошѣ осталась одна полова.

— Овва! сказалъ громко Запорожець, показавшись съ своимъ товарищемъ въ дверяхъ и насмѣшливо глядя на Шрамка.

Привожу этотъ расказъ здѣсь въ переводѣ. «...Какъ вотъ и ѣдутъ на трехъ-стахъ коняхъ. Еще издали, по свѣту, замидѣлъ ихъ жолнѣръ, стоявшій на стражѣ, и застучалъ тотчасъ въ окно: «Вставайте, ваша мость! пожаловали гости!» Тѣ подступили ужъ близко. Жолнѣръ кричитъ: «Кто тамъ?» а ему въ отвѣтъ: «Сейчасъ уанеешь, скурый сынъ, кто!» У драгуновъ не было пороку; я далъ имъ и велѣлъ поскорѣе заряжать мушкеты; а тутъ и пулъ ибѣту. У меня ихъ было немного; я зарядилъ свое ружье и драгунамъ удѣлилъ, сколько было можно. Между-тѣмъ, какъ они (непріатели) подступали ближе и ближе, стражники закричали: «Не наступай! выстрѣлю!» Вахмистръ вышелъ и спрашивается: «Что вамъ надо?» — «Намъ нужно бы пожаловаться за вчерашнее дѣло, что насъ тутъ поколотили. Кто здѣсь старшій?» — «Я старшій, отвѣчалъ вахмистръ: мнѣ уже 45 лѣтъ — прочіе помоложе.» — «Это шутка, отвѣчаютъ ему: да кто тутъ командиръ?» — «Командиръ въ избѣ,» говоритъ вахмистръ. — «Пустишь насъ къ нему?» — «Пущу, говорить, только не купой, потому-что съ жалобой такъ не ѣздить.» — «Пустите жъ насъ съ десяткомъ коней.» — «Хоть и съ двадцатью.» Тогда прѣѣхало ихъ пятнадцать коней. Одни пистолеты были у нихъ за поясомъ, а другіе въ кобурахъ. Какъ только вѣѣхали, я велѣлъ своимъ стать у воротъ, другіе стояли возлѣ дверей; кони были уже осѣланы. Они вошли въ избу: — «Челомъ!» — «Челомъ!» Тогда спрашиваетъ его-мость полковникъ: «Что тутъ за люди, откуда и куда илутъ, и зачѣмъ вчера ограбили и порубили жолнѣровъ моего полка?» А я ему: «Позвольте жъ узнать, кто его-мость панъ полковникъ?» Говоритъ: «Его-мость панъ Мурашка». А прочіе со-путь, скрежещутъ зубами, крутятъ и грызутъ усы. Вдругъ 300 коней окружили хату и закричали: «Постойте вы, регалисты, мы васъ тотчасъ перевежемъ. какъ барановъ.» Я между-тѣмъ отвѣчаю полковнику: «Какъ правый жолнѣръ службы рѣчи посполитой, находящійся въ войсковомъ спискѣ, хотя я и не обязанъ распространяться передъ е. м. паномъ полковникомъ о томъ, откуда я

— Іто то за *овва!* вскрикнулъ Шрамко, в  
вспыхнувъ и подступивши къ Запорожцу.

— Овва, пане полковнику! повторилъ Запоре  
жець, ни мало не смутившись. Видно, ты такъ  
же хорошо знаешь Запорожскій кошъ, какъ и мона-  
стырскія малевидла! Ха-ха-ха! Перевелись? Гдѣ те-

иду и куда, но какъ мнѣ нечего стыдиться передъ цѣлымъ свѣ-  
томъ своихъ поступковъ, то я не хочу *denegare* въ отвѣтъ вопро-  
шающему, куда я иду и...» и т. д. Я сказалъ одно Латинское слово  
*denegare*, и потому кто-то отозвался: — «Мосципане! только не по-  
Латыни съ нами, — тутъ дѣло идетъ съ простыми жолитрами.»—  
«Вижу, говорю, что ты простой жолитръ; однако жъ я объясню и  
простою просто, и кривою, какъ мнѣ заблагоразсудится.» Меж-  
ду-тѣмъ говорю вахмистру: «Дайте мнѣ ту бумагу; что у васъ.»  
Онъ досталъ ее изъ кармана и отдалъ мнѣ, а я передалъ полков-  
нику, который, прочитавши ее, спросилъ: «А зачѣмъ вы вчера  
пошарпали нашу чату и порубили нѣсколькихъ товарищей?» А я  
ему: «За тѣмъ, что у васъ не въ молѣ грабить дворы въ своей  
отчизнѣ, а особливо, стоя на квартирахъ. Мы приняли васъ за не-  
пріятелей. Но теперь, говорю, когда я свое сдѣлалъ, то и отъ васъ  
тогоже требую: скажите мнѣ, что за отношеніе, или лучше, что у  
васъ за претензія къ рѣчи нсполитой, когда вы, будучи волонте-  
рами и не заслуживъ у нея ничего, пошли въ конфедерацію, да  
еще наѣзжаете на шляхетскіе дворы и, кажется, готовы грабить?»  
— «Ты, говоритъ, того стоишь!» Тогда уже я повялъ, что ласкою  
немного успѣешь, что нужно врибѣгнуть къ желѣзнымъ объ-  
ясненіямъ, и такъ сильно хватилъ его въ грудь обухомъ, кото-  
рый былъ у меня въ рукахъ, что онъ повалился подъ лавку. Въ  
ту жъ минуту двое выстрѣлили по насъ съ вахмистромъ изъ писто-  
летовъ, вахмистру прострѣлили платье, а меня Богъ спасъ, и, ка-  
жется, потому, что я наклонился къ землѣ за пистолетомъ, который  
выпалъ у меня изъ-за пояса въ то время, какъ я ударилъ обухомъ  
волонтера. Тогда на нихъ, въ Божій часъ! Половина ихъ осталась  
въ избѣ, а другая выбѣжала въ сѣни. Вотъ и начали раздачу заку-  
сокъ: мы съ вахмистромъ въ избѣ одними, а въ сѣняхъ товарищи  
другими. У одного драгуна былъ страшный Московскій бердышъ,  
и онъ чудесно потчевалъ имъ тѣхъ, что уходили изъ избы. Тутъ  
осаждающіе бросились къ хатѣ, выстрѣлили, но наши выдержали  
огонь въ воротахъ. Только три драгуна выстрѣлили. У непріятеля  
двое упали съ коней, и нашего одного ранили въ шею. Усмиривъ  
находившихся въ хатѣ, мы придавили ихъ порядочно, а которые

бѣ, батьку, перевелись? Хиба жъ даромъ сказано въ пѣснѣ:

Течуть рѣчки зъ всёго свѣту до Чорного моря?

Какъ въ Черномъ морѣ вода не переведется, «поки свѣтъ сонця,» такъ и въ Сѣчи во вѣки вѣчные не переведутся добрые рыцари. Со всего свѣту слетаются они туда, какъ орелъ къ орлу, какъ соколъ къ соколу. Вотъ хоть бы и мой побратимъ Черногоръ... Но не о томъ теперъ рѣчь. Чоломъ тебѣ,

были въ снѣгахъ, тѣ, схвативъ, что попалось подъ руку, убрались по-подъ заборамн безъ коней. Другая жъ купа, отодвинувшись подалше, начала причать: «А ну-ка самъ въ поле, ну-ка самъ, самъ въ поле!» А я отозвался: «Положите, говорю, и это можетъ еще быть!» Воротившись въ избу, я велѣлъ перевязать оставшихся и отдалъ ихъ хозяину, отдалъ ему еще и двое саней... Выхожу я Дунаю: что дѣлать? выѣзжать ли къ нимъ въ поле, или нѣтъ? Одни совѣтовали мнѣ, а другіе отклоняли отъ этаго, говоря, что у нихъ большая сила, и мы не выдержимъ. Мы уже рѣшились было уиорно отбиваться и только прогонять ихъ отъ хаты, но видя, что они свозятъ снопы, зажигають и хотятъ кидать ихъ на хату, я закричалъ: «Не безокойтеся, храбрые рыцари, мы тогчасъ будемъ къ вамъ въ-гости; не вводите жъ ради насъ людей въ убытокъ.» Тогда начало уже свѣтать. Снарядившись хорошенько, драгуны сѣли на лучшихъ своихъ коней, а худшихъ оставили на подворьи, набрали мушкеты, чѣмъ попало — камушками, гвоздяи; пуль не было; только и поживались у нѣсколькихъ пѣвнииковъ тѣмъ, что нашли въ ладуикахъ... Тогда я крикнулъ: «Эй, панове, поѣжайте-себѣ! оставьте насъ!» А они: «Такъ ты, скурый сынъ, еще и грозншь намъ! Постой, не улизнешь ты отъ насъ даромъ! выкуришь мы тебя отсюда, какъ крота изъ ямы!» На эти слова отозвался вахмистръ: «Если нападете на насъ, то мы прежде снимемъ головы тѣмъ, что тамъ лежатъ перевязанные.» А они: «Мы уже то перегоревали, да и ты жъ не уйдешь, дьявольскій сынъ!» Послѣ сего они начали подступать съ огнемъ къ хатѣ, крича: «Выходите жъ, вражьи сыны, а то за васъ и бѣдныкъ людяиъ достанется!»—«Сейчасъ, сейчасъ, говорю, мои панове!» Тутъ мы и выѣхали въ числѣ 20 или болѣе человекъ, включая туда и слугъ, колѣно съ колѣномъ. Я же, въ случаѣ бы насъ окружили, приказалъ задней шеренгѣ тогчасъ оборотиться къ неприятелю фронтомъ,

пане ясновельможный! чоломъ вамъ, панове громада! чоломъ и тебѣ, шановный полковнику, хоть и не по вутру тебѣ Запорожцы! Ну, якъ же ты, пане полковнику, вернувся до обозу, не маючи коня?

— Ироде! сказаль Шрамко, покосивши на не-

а спивой къ переднему ряду, и стрѣлять не болѣе, какъ по два, по три вдругъ, когда я или захмистръ скомандуемъ: онъ былъ при задней шеренгѣ, а я при передней. Захмистръ сидитъ на взятомъ у нихъ дикомъ Калмыцкомъ конѣ, который бросается подъ нимъ, какъ коза... Ружей у насъ довольно; мы отобрали у пльничковъ. Едва мы отдалались на нѣсколько сажень отъ дома, они тотчасъ отъ насъ удалились; а послѣ такъ и случилось, какъ я говорилъ: начали подѣзжать къ намъ полумѣсяцемъ, чтобъ ударить на насъ стылу. Когда они были уже близко, я закричалъ своимъ: «Стойте!» и въ ту жъ минуту задняя шеренга оборотилась спиной къ передней. Тутъ нѣкоторые съ крикомъ бросились на насъ по-неприятельски, сбѣлали густой залпъ изъ пистолетовъ и карабиновъ и на ступили близко ряда на рядъ. Я выстрѣлялъ разомъ изъ двухъ пистолетовъ—третій у меня за поясомъ; мои драгуны также выстрѣляли изъ трехъ или четырехъ пистолетовъ и изъ ружей. Тогда тотъ, что задрался-было со мною, схватился за дуку: видно, былъ раненъ; а одинъ изъ моихъ драгуновъ выступивши далъ ему такъ по затылку, что онъ повалился съ копья. Одинъ изъ моихъ драгуновъ въ первомъ ряду также упалъ на землю: подъ нимъ убили коня. Какъ только я увидѣлъ, что драгунъ поднимается, отодвинулся немного въ-сторону, потомъ опять ихъ попотчезалъ, и кое-кто изъ нихъ охнулъ. Противъ задняго фланга также нѣсколько противниковъ пало. Видя, что насъ разорвать невозможно, давай кричать: «Возаратите намъ нашихъ! чортъ васъ побери совсѣмъ!» А захмистръ: «Что жъ вамъ въ нихъ, когда они уже безъ головъ?» Тутъ они бросились на насъ въ третій разъ, но уже начали стрѣлять издадека, не наступая близко. Это намъ было на-руку: подступивши къ нимъ, давай стрѣлять по два; а прочіе заряжали. Противники все больше и больше отступали, и когда нагнали мы ихъ на огороды и густые плетан, они давай ломиться, а мы наступать. Проломивши одинъ, они кинулись къ другому и, бросивши коней, ушли въ лѣсъ, что тутъ же былъ за огородемъ. Тогда-то наша взяла! Я однако жъ не велѣлъ ихъ преслѣдовать; только на плотахъ поймано нѣсколько раненныхъ и двухъ убито. Трехъ нашихъ драгуновъ, меня и моего слугу также ранили; коней ранили у насъ шесть, убили двухъ, но за то было изъ чего выбрать на ихъ мѣсто.»

го сверкающіе изъ-подъ бѣлыхъ бровей глаза: если не хочешь знать, сколько силы осталось еще въ моей старой рукѣ, то держи языкъ за зубами! Я только честь на себѣ кладу въ этомъ святомъ мѣстѣ, а то давно бы проучилъ тебя...

— То есть, вынулъ бы саблю и сказалъ: «а ну, Кирило, помѣряемся»? Козацкое слово, я ртдадь бы шалевый свой поясъ за то, чтобъ только помѣряться съ высокоименитымъ паномъ Шрамкомъ! Но этаго никогда не будетъ. Скорѣй допущу тебя раскромть, якъ качапъ, мою голову, нежели выну свою саблю противъ твоихъ шрамовъ и твоей длинной рясы!

— Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты проклятая? сказалъ Шрамко, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ своему священническому сану.

— Ничего больше, какъ только, чтобъ ты рассказалъ мнѣ, якъ ты добравсь до табора пѣшкомъ.

— Тѣфу, сатана! сказалъ Шрамко засмѣявшись. Въ самомъ дѣлѣ это престранный человекъ! На него нѣтъ возможности сердиться. Такъ и быть, расскажу тебѣ всю эту исторію; только не доводи меня больше до грѣха. Когда разбѣжались къ нечистой матери Ляхи, одинъ Запорожець, съ такою толстою мордою, какъ у тебя, только-что вся была въ крови и въ пыли, подѣхалъ ко мнѣ да и говорить: «Э, батьку! да у тебя коня нема? Жаль покинуть такого казака Ляхамъ на поталу! Братцы,



добудемъ ему коня! Гайда за мною!» и припустилъ въ слѣдъ за Ляхами.

— Що жъ? добули?

— Добули вражьи дѣти! Вернулись съ добрымъ мериномъ! Сдивовались мы съ козаками, — негдѣ правды дѣвать. Якъ же ѣ не сдивоваться, когда у самихъ кони томленные, а скакуна такого достали, что такъ и играетъ въ поводу?

— Это, пане полковнику, значить — знай нашихъ! часомъ Запорожець и чортомъ орудуе, такъ якъ скотиною! Гмъ, гмъ!

Такъ говорилъ Кирило Тутъ, поглаживая усы и значительно посматривая на все собраніе.

— Я не прочь отъ той мысли, что тутъ безъ нечистой силы не обошлось, сказалъ Шрамко. Спрашиваю: «Какъ это вы доскочили такого знатнаго жеребца?»—«Намъ-то знать, батьку. Садись да поѣзжай себѣ съ Богомъ, бо Ляхи не за горою: часомъ страхъ у нихъ проходить скорѣе, нежели похмѣлье.»

— Ага, у насъ такъ! подхватилъ Кирило Туръ, наши не любятъ передразнивать квочку, що якъ знесе яйце, то накудкудахтае цѣлый двирь! Ну, за то, что ты рассказалъ мнѣ эту исторію, я расскажу тебѣ, какъ тѣ Запорожцы доскочили коня. Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что бояться некого, то уже чуть-было опять на нихъ не напали; но отаманъ приложился изъ карабина и угодилъ ихъ ротмистру якъ разъ межъ очи. Ляхи опять въ ростычъ, а я за коня... тьфу! къ чорту! я хотѣлъ сказать: а отаманъ за коня — да и привелъ тебѣ.

— Що за вража мати! сказалъ Шрамко, при-  
сматриваясь къ Запорожцу. Да чуть ли это не съ  
тобою самимъ я имѣлъ дѣло?

Запорожець громко засмѣялся: — Ага, пане пол-  
ковнику! такъ-то ты помнишь старыхъ знакомыхъ!

— Ну, выбачай, козаче! сказалъ Шрамко,  
обнявши его. По моей головѣ столько разъ стучали  
сабли и надѣлки \*, что совсѣмъ выбили изъ нея  
память.

— Однако жъ, пане полковнику, сказалъ Запо-  
рожець, не обнимай меня такъ, бо нѣ за що. Ко-  
ли бъ такъ обнимали нашего брата всѣ, отъ кого  
трапилось отогнать собакъ, то давно бъ измяли че-  
ловѣка, *мовъ швецъ Семенъ шкуру*.

— Отъ всей души радуюсь, сказалъ Сомко, что  
вы сошлись межъ собою подружески. Отъ же те-  
бѣ, козаче, чарка въ руки; выпей — да пора и за  
столъ.

— Прошу жъ не забывать и моего побратима,  
отвѣчалъ Запорожець.

— Не забудемъ, не забудемъ. Я знаю, что онъ  
работаетъ саблею лучше, нежели языкомъ.

— Не дивуйся, пане гетмане, что онъ какъ-  
будто держитъ воду во рту: онъ не изъ нашихъ.  
Теперь онъ таки-порядочно наломился говорить по-  
козацки: а скоро пришелъ къ намъ на Сѣчь, то по-  
смѣшилъ братчиковъ довольно своею рѣчью: только  
и слышали отъ него *бре да море!* Видишь ли, у  
нихъ такое глупое заведеніе, що безъ *бре* и *море*

\* Бердыши.

нельзя въ разговорѣ обойтись, такъ якъ кашевару безъ соли. А добрый парень, или, какъ говорятъ у нихъ, *юмакъ!* о, добрый! тяжело добрый! За то жъ я и люблю его тотчасъ послѣ себя.

Сомко началъ усаживать своихъ гостей за длинный столъ. Шрамка и Черевана посадилъ на покутѣ, подъ самыми образами, самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, въ концѣ стола—на углу, а женщинъ посадилъ по лѣвую руку у себя на ослонѣ, ибо тогда первыя мѣста вездѣ предоставлены были мужчинамъ. Возлѣ Черевана занялъ мѣсто писарь Вуяхевичъ съ нѣсколькими другими старшинами, а потомъ Запорожець съ своимъ молчаливымъ товарищемъ, посматривавшимъ довольно сурово и гордо на всѣхъ собесѣдниковъ. Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго, видно, не встрѣчалъ онъ и въ славной своей Черногоріи.

Петру моему пришлось занять мѣсто возлѣ Леси, что во всякомъ другомъ случаѣ было бы ему очень пріятно, но теперь это было для него истиннымъ мученіемъ. Во все то время, когда другихъ забавляли ухватки и рѣчи Запорожца, онъ ничего вокругъ себя не видѣлъ и не слышалъ: видѣлъ только собственную душу, черезъ которую глубокая, непреодолимая тоска лилась широкою рѣкою, опрокидывая, разрушая и потопляя все, что до сихъ поръ составляло ея украшеніе, и превращая ее въ бесплодную пустыню, гдѣ ни одно сѣмя надежды и радости не пустить корней. Бѣжать отъ этой

пагубной красоты, бросить родину, уничтожить въ своей душѣ всякое чувство любви и привязанности къ людямъ и поселиться гдѣ-нибудь въ безлюдной глуши — было теперь самымъ отраднымъ желаніемъ его озлобленнаго сердца. Теперь онъ горько жалѣлъ и мучился, что съ такою поспѣшностію, съ такимъ безразсуднымъ великодушіемъ повергъ въ жертву этому равнодушному божеству все лучшее, что только заключала въ себѣ его богатая чувствомъ душа, воспитанная поэзіею материнскихъ пѣсень, славою высокихъ патріотическихъ подвиговъ и возвышеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ. Впрочемъ не обвинялъ онъ ни Леси, ни Сомка — и грусть его была тѣмъ сильнѣе, что онъ не могъ даже обвинять никого, кромѣ самаго себя и своего пылкаго сердца.

Гости усердно занялись разставленными передъ ними кушаньями, и нѣсколько времени слышны были только стукъ деревянныхъ ложекъ, сербанье вооруженныхъ усами ртовъ и сонѣнье Черевана, который не могъ нарадоваться, что наконецъ кончилось его говѣнье.

Сомко первый прервалъ молчаніе: — Ну, скажи жъ ты мнѣ, пане отамане, обратился онъ къ Запорожцу, какимъ вѣтромъ занесло тебя въ Кіевъ?

— Самымъ святымъ, пане гетмане, какой только когда-либо дулъ «изъ Низу Диѣпра». Провожаемъ прощальника до «святого Межигорского Спаса».

— А кто жъ прощается со свѣтомъ?

— Тотъ, что сказалъ батьку Богдану въ Бѣлой

Церкви: «Такъ—то ты, пане гетмане, берешся до покою зъ Ляхами, и насъ хочешъ выдать Ляхамъ на муки! донелѣ жъ те буде, самъ перше наложишь головою!»!

— Се бѣ то Грицько Бугай?

— Онъ самый.

— Не думалъ я, чтобъ онъ такъ долго поносилъ на плечахъ голову. Презавзятая бестія! Я думалъ, что гетманъ тамъ и расплющить его своею булавою.

— И стоило бѣ! отозвался Шрамко. Можно ли было даже подумать о покойномъ гетманѣ, чтобъ онъ выдалъ козаковъ Ляхамъ на муки? Скорѣй бы орелъ выдалъ своихъ орлятъ воронамъ!

— Гдѣ жъ твое товариство? продолжалъ Сомко.

— Да тутъ же, въ Кіевѣ.

— А ты жъ зачѣмъ отсталъ?

— Расскажу тебѣ, пане гетмане, все подробно, только дай промочить горло.

— Будь самъ своимъ виночерпіемъ. Ъжъ и пей, чего душа забажае.

— Вотъ это лучше всего. Своя рука владыка. Только у васъ такіе никчемные кубки, що нѣ во що гараздъ и налить. То ли дѣло наши сѣчевые коряки? Въ нашемъ корякѣ можно бѣ утопить много мизернаго Ляшка. Бо и не диво: дерево добывается сѣкирою, а серебро саблею; такъ покуда—то его добудешъ на кубокъ, на другой. Правду сказать, пане гетмане, и вы, шановная громада, мало толку въ вашихъ городскихъ обычаяхъ: вы, бьючи Ляховъ,

и сами провонялись Лядскимъ духомъ: нема въ васъ Черноморского вѣтру, чтобъ освѣжить ваши головы и души.

— Что ты плетешь, дурню? сказалъ Сомко.

— Да все жъ на счетъ вашихъ кубковъ да коновокъ, отвѣчалъ Запорожець, ни мало не обидѣвшись. Дурни Ляхи, что позаводили у себя столько сребра да золота при столахъ: придали только охоты добрымъ молодцамъ разрывать ихъ таборы да брать города. Оттакъ же, панове, поживятся когда-нибудь и возлѣ васъ добрые люди...

— Кажется, ты сегодня не одинъ разъ уже помолился склянному богу, папе Низовый, сказалъ Шрамко, шо городишь такую несенитницу \*?

— Всякая правда, папе полковнику, кажется сперва несенитницею, пока ее добре не разжуешь...

— Дай ему волю, батько, сказалъ гетманъ; нехай наговорится, *поки не завизно* \*\*.

— Да, такъ берегитесь, панове, продолжалъ Запорожець, и побъ и коло васъ не поживились добрые люди. Мы, Низовцы, лучше себѣ выгадали, куда дѣвать сребро-золото. Не заводимъ мы хуторовъ, не нагружаемъ сундуковъ. Ёдимъ и пьемъ изъ деревянной посуды, не справляемъ пышныхъ жупановъ, развѣ только для того, чтобъ покупаться въ дегтѣ — все это временное, скоропреходяще — ска-

\* Ни сѣ, ни то.

\*\* *Завизно* (завозно) говорится о мельницѣ, къ которой такъ много съѣхалось возовъ, что трудно дожидаться, пока дойдетъ до тебя очередь молотъ. Это-то и называется *завизно*. Отсюда и пословица: *Наговорись, поки не завизно*.

зано: *всуе челоувѣкъ мятется, сокровиществуеть и не вѣсть, кому собираеть*: мы що добудемъ на войнѣ, то «одну часть на Божіи церкви накладаемъ, щобъ за насъ встаючи ѿ лежаючи милосердного Бога благали», а другую часть отдѣляемъ на войсковыя нужды, а третью часть беремъ, пьемъ да гуляемъ! Що Богу челоувѣкъ отдавъ, то вже не пропаде, а що спивъ, зѣвъ да згулявъ, того вже никто не отниметь: ни Турокъ, ни Татаринъ, ни черная Лядская душа съ Жидовою!

— Правда, бгать, ей Богу правда! воскликнулъ Череванъ, въ котораго тучномъ тѣлѣ таилось живое сочувствіе къ запорожскому бурлачеству. Я давно говорю, бгатыцы, что только въ Сѣчи и умѣютъ жить по людски. Ей Богу, бгать, обратился онъ къ Запорожцу, если бъ у меня не жинка да не дочка, то бросилъ бы я всякую суету мірскую да и пошелъ къ вамъ на Запорожье!

— Гмъ! признаюсь, не много такихъ помѣстилось бы въ куренѣ—сказалъ Запорожець, окинувши глазами его фигуру, чѣмъ разсмѣшилъ своихъ собесѣдниковъ. Самъ Череванъ простодушно смѣялся.

— Я отъ души люблю этаго удалца, сказалъ гетманъ въ полъ-голоса Шрамку. Правда, онъ иногда бываетъ грубъ и даже дерзокъ, но все это въ немъ прикрыто такимъ любезнымъ простодушіемъ и прямою характера, что на него, кажется, нельзя бъ долго сердиться и за самое злодѣйство, что у нихъ, правду сказать, ни по чемъ. Этотъ народъ смѣется надъ всѣми радостями и горестями челоувѣ-

чества, и готовъ ради шутки сдѣлать человѣку всякую пакость. По ихъ мнѣнію, ничто въ мірѣ не стоитъ ни радости, ни печали. Философы, бестн! смотрятъ на міръ изъ бочки, только не изъ пустой, какъ Діогенъ циникъ, а окунувшись по шею въ горѣлку. Этому молодцу, какъ я говорилъ тебѣ, я нѣсколько разъ обязанъ жизнью. Онъ нѣкоторымъ образомъ играетъ ролю моего духа-защитника. Неразъ приходилось мнѣ погибать или отъ ранъ посреди покрытой трупами степи, или въ неравной схваткѣ одинъ противъ цѣлой толпы — вдругъ онъ и явится какъ будто съ неба...

— Только то горе, пане гетмане, сказалъ Запорожець, вслушавшись въ послѣднія его слова, только то горе, що не явлюсь тогда, какъ смерть не шутя уже замахнется на тебя косою.... А жаль такой прекрасной головы, если она, не доживши еше до сѣдыхъ волосъ, отскочитъ отъ туловища, свища кровью и мигая этими свѣтлыми очами!

Шутка эта была такъ неожиданна и отозвалась чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что многіе вздрогнули, а женщины не могли удержаться отъ стопа.

— Катъ знае, що мелешъ, дурню! сказалъ Сомко; испугалъ только женщинъ. Расскажи лучше, какъ ты отсталъ отъ своей громады. Тамъ, я думаю, «безъ тебя и въ головы низко».

— Катъ? продолжалъ Запорожець съ серьезнымъ видомъ. Ты говоришь, пане гетмане, що катъ про те знае? Не знаю, чи знае вишь, чи не знае...



— Да ну къ нечистому! не за хлѣбомъ згаду-  
ючи, прервалъ его Сомко.

— Не понутру тебѣ, пане гетмане, такая каз-  
ка.... Гмъ! конечно... кому охота умирать?... Такъ  
вы хотите знать, какъ я отсталъ отъ своей громады?  
Ось якъ. Можетъ быть, вы слышали когда-нибудь о  
побратимахъ? Побратимовъ, говорятъ, въ-старину бы-  
ло въ Сѣчи не мало: какъ ни отрозняйся отъ свѣта,  
а все душа ищетъ къ кому-нибудь прихилиться: вотъ  
и выбираютъ себѣ по любви названнаго брата. Те-  
перь что-то занехаяли у насъ этотъ обычай. Но вотъ,  
спасибо ему, мой Черногоръ напомнилъ мнѣ про  
побратимовъ. У нихъ, говорить, побратимы на ка-  
ждомъ шагу, и все у побратимовъ пополамъ: добы-  
ча и жизнь каждаго принадлежитъ не одному ему;  
если одинъ попадетъ въ бѣду или въ неволю, дру-  
гой вызволяетъ; если одинъ женится, другой ведетъ  
свадебный поѣздъ; а въ войнѣ меньшій старшему  
служить джурою. Э, пекъ ёго матери! думаю себѣ,  
да это славно! — Давай, говорю, и мы сдѣлаемся  
побратимами, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться до  
смерти. — «Давай». Вотъ и зашли въ церковь, по-  
молнлись, взяли благословеніе у панотца, или, какъ  
говорили въ-старину, взяли *шлюбъ побратимства*, и  
теперь уже мы родные братья, хотъ и не отъ од-  
ной матери.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ — какъ это всегда бываетъ, что  
не успѣетъ человекъ сдѣлать доброе дѣло, какъ  
дьяволъ, не за хлѣбомъ згадуючи, и подсунетъ ис-

кушеніе, — потомъ оглянулся, ажъ стоитъ такая краля, що только гмъ! да й годи.

— Ой? чи вже? И будто женщина искушала когда-нибудь Запорожца?

— Ой-ой-ой, пане гетмане! да ще якъ? И не диво: Адамъ, нашъ праотець, былъ не нашего брата, да и тотъ не устоялъ противъ этаго искушенія.

— Откуда жъ она взялась?

— Спроси жъ ты ее самъ, откуда, бо зъ такою пышною панною я и заговорить боюсь.

— Такъ это вонъ кто! Э, братъ, шкода жъ твоего повáбу: это моя невѣста.

— Да миѣ до того мало нужды, пане гетмане, а то горе, що зовсѣмъ меня причаровала.

— Bravo! медвѣдь попался въ сѣти. Что жъ теперь будетъ?

— А що жъ? Медвѣдь уйдетъ въ свою берлогу и сѣти за собою потянетъ.

— Какъ? Запорожець повезетъ женщину въ Сѣчь?

— Не въ самую Сѣчь. Есть и безъ Сѣчи довольно мѣста на землѣ.

— И вотъ это такой завзятый Сѣчевикъ, да еще и куренный атаманъ, для женщины бросить товариство?

— А чому жъ? да для такой крали можно отказать отъ всего на свѣтѣ, не только отъ товариства. Самъ, пане гетмане, бачишь, що за пышная урода! по неволѣ за сердце хватаетъ!

— Ну, въ какую жь ты берлогу потянулъ бы этѣ сѣти?

— Въ какую? ты хочешъ пане гетмане, що бь я широ во всемъ тебѣ признался?

— Конечно.

— Ну, такъ вотъ же тебѣ вся исторія. Нужно тебѣ знать, что Черногорія, по рассказамъ моего побратима, есть та же Запорожская Сѣчь, только тамъ люди не цураются бабскаго роду. А то и подѣлена также, якъ у насъ, на курени, или по ихнему на *братства*, и надъ каждымъ братствомъ также выбирается отаманъ. Воевать же съ бусурманами у нихъ можно хотъ каждый день. Да какъ у нихъ воюють, если бь ты зналъ! Когда начнетъ рассказывать мнѣ мой побро, то ажъ духъ радуется. Побро мой соскучился безъ своей Черногоріи и давно просить меня къ себѣ въ-гости. Почему жь вольному козаку не погулять по свѣту и не пови-дать, какъ живутъ иные народы? Я согласился наконецъ поѣхать къ нему поиграть съ Турками и показать передъ его земляками лыцарство козацкое. Для того и взялъ съ нимъ шлюбъ побратимства, чтобъ воевать вмѣстѣ на невѣрныхъ до тѣхъ поръ, пока положимъ головы. Но какъ увидѣлъ эту кра-лю, такъ душа вотъ такъ ногами вверхъ и перевернулась! Говорю своему Черногору: «Якъ собѣ хочешъ, побро, а я безъ этой *двойки* не въ-силахъ прожить на свѣтѣ и одного мѣсяца». Не дурешъ же и мой побро: «Море, драгіи побратиме! у насъ, говоритъ, если кому приглянется *руса коса*,

то недолго вздыхаетъ. Хватаетъ русу косу, какъ соколъ чайку, и идетъ къ попу вѣнчаться.

— А если у этой чайки есть братья орлы и родственники соколы? сказалъ Сомко.

— Въ томъ-то и дѣло, пане гетмане, що у нихъ для этаго сами вызываються пріятели: *Гайде, море, да ти отжемо дѣвойку!* соберутся, вооружатся какъ на войну, и уже если приберуть къ рукамъ русу косу, то скорѣй головы свои положить, нежели уступить ее родственникамъ. Разумѣтся, стараются схватить дѣвойку такъ, какъ волкъ ягненка; а зная, что за ними будетъ погоня, ведутъ ее сперва въ лѣсъ и тамъ вѣнчаютъ, а потомъ уже ѣдутъ въ село. Туда жъ хотъ и прибѣжить погоня, то уже чорта съ-два что сдѣлаеть: по неволѣ родные должны примириться; а если вздумаютъ позываться, то и тутъ немного выиграють. Когда спросилъ судья: *Или е сила, или драга воля?* то дѣвойка почти всегда отвѣчаетъ: *Ни е сила, ветъ \* драга воля; я щу \*\* за нимъ и у гору и у воду,* и тогда уже ничего не остается дѣлать, какъ играть свадьбу \*\*\*. Пекъ его матери! Такой обычай пришелся якъ разъ по моему праву, и врагъ меня возьми, если я самъ не готовъ сдѣлаться *отмичаромъ!*

— Что за балагуръ этотъ усачъ! говорилъ смѣясь Сомко. Видно, у васъ тамъ въ Сѣчи только

\* Но.

\*\* Хочу.

\*\*\* Но если дѣвушка скажетъ, что была она и что не станеть жить съ своимъ похитителемъ ни нынѣ, ни завтра, хотъ бы ее изрубили

и дѣлають, что одинъ другаго забавляють выдумками.

— Э, пане гетмане! наши братчики дѣлають каждый день столько чудесъ, что не нужно и выдумывать. Но уже, вѣрно, не услышать паны молодцы ничего чудеснѣе той штуки, какую выкину сегодня я.

— Какую жъ ты штуку выкинешь?

— Ни больше, ни меньше, пане гетмане, какъ только подхвачу къ себѣ на сѣдло, по-Сербски, эту кралю—да и поминай, якъ звали: махнемъ съ обратимомъ прямо въ Черногорію.

— Да вѣдь это моя невѣста, дурню ты!

— На що тебѣ невѣста, пане гетмане? Совсѣмъ не нужно! Не такая лежитъ тебѣ дорога на этомъ свѣтѣ, чтобъ думать о невѣстѣ. Отдай лучше ея мнѣ. Даромъ, что я взросъ дикимъ волкомъ посреди степей да Днѣпровскихъ луговъ, а ей Богу, ни одинъ городовый козакъ не сѣумѣетъ такъ шире кохатъ дѣвоцького сердца, якъ я! Чѣресъ у меня набить червонцами туго, выстроимъ въ Черногорію добрую башню, какія тамъ строятся, и заживемъ безнужно. А тебѣ не о женитьбѣ нужно думать, пане гетмане!... Ахъ, да дѣвчина жъ гарна! воскликнулъ онъ, устремивши на мою Леся свой волчій взглядъ.

Леся съ самаго начала этой странной бесѣды была, не зная сама отъ чего, сильно встревожена, и долго крѣпилась, стараясь увѣрить себя, что За- въ куски; то дѣвохититель долженъ высидѣть въ заключеніи извѣстное время и заплатить *шлюбу*, т. е. штрафъ.

порожцу пришла блажь только позабавиться надъ ея страхомъ, но этотъ взглядъ разстроилъ ее наконецъ совершенно. Она не могла долѣе преодолевать своего испугу и, закрывши руками лице, начала плакать такъ сильно, что слезы капали сквозь пальцы на скатерть. Мать встала изъ-за стола и увела ее плачущую въ другую комнату.

Это однако жъ мало произвело впечатлѣннн на суровыя козацкнн сердца. Въмсто состраданнн и участнн, они чувствовали нѣкоторый родъ презрѣннн къ слабости женской природы, и испугъ красавицы заставилъ ихъ преусердно разсмѣяться.

— О, вражнн хлопче Запорожче! сказалъ Шрамко. Виднншь, до чего договорннлся! испугалъ бѣдную днннну.

Череванша не возвращалась уже къ обѣду; но никто, вставши изъ-за стола, не вздумалъ освѣдомннться о здоровнн красавицы: такъ мало обращали тогда вниманнн на слезы и душевннныя страданнн женщины.

II. Кулашъ.

# КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

Послѣ обѣда гетманъ предложилъ Шрамку идти вмѣстѣ съ нимъ и съ писаремъ Вуяхевичемъ къ архимандриту для политическихъ и другихъ совѣщаній.

— А меня съ собою возьмете? спросилъ Запорожець.

— Тамъ такихъ гостей ценужно, отвѣчалъ Шрамко, и бесѣда наша будетъ для тебя *темна вода во облацяхъ*.

— Ось лихо! будто я зъ роду и въ школѣ не учився!

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ гетманъ Шрамку, этотъ розбишака кажется съ умысломъ грубѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ есть. Повѣришь ли, батько, что онъ знаетъ даже *linguam latinam*?

— А вы думаете, панове, сказалъ Запорожець, що я справди хочу ийти на вашу високоученую раду? Що бь минѣ такъ лиха хотѣлось! Я поѣду лучше погуляю съ товариствомъ по Кіеву. Только скажу, что вы себѣ тамъ якъ хотите мудруйіте, а мы лучше васъ вымудруемъ... Гмь!... А на вареники вечеромъ приѣду, и коли хотите, то и Божьяго Чело-

вѣка приведу — шкода только, що тутъ не припадае ему ударить въ струны.

— А ты знаешь, гдѣ Божіи Человѣкъ? спросилъ Шрамко.

— Спроси, пане полковнику, чего я не знаю. Я знаю даже и то, какъ вы съ нимъ вчера гуляли у пана Черевапа. Божіи Человѣкъ — дѣдусь себѣ не-в року: вездѣ поспѣетъ. Только у васъ не слышомъ-то вчера поживился. Никто не брязнулъ и однимъ дукатомъ. А онъ играетъ только за золото рѣдко за серебро, никогда за мѣдяки, а еще больше никогда за кусокъ хлѣба. И не соромъ вамъ, панове? приняли Божьяго Человѣка какъ простаго старца!

— Кто жъ ему виноватъ, бгате, сказалъ Череванъ, что, не дождавшись ладу, исчезнулъ, якъ та марá, изъ Хмарища?

— Потому-то онъ и исчезнулъ, что ваши капшукы слишкомъ туго были завязаны. Божіи Человѣкъ хорошо знаетъ, что когда чарка да пѣсня не развяжутъ капшукá на подаяніе, то уже на кислое похмѣлье падѣяться нечего. Недаромъ сказано: *пьяный решетомъ гроши мѣрае*. Наши приняли его не по-вашему: дукаты да талеры такъ и сыплются. Когда засядутъ добрые молодцы обѣдать, Божіи Человѣкъ беретъ за бандуру \*, разстелетъ передъ собою ху-

\* Этотъ обычай сохранился до послѣднихъ временъ козачества. Пани Кребсова въ своихъ запискахъ о Колѣвизинѣ говоритъ, что когда Уманскіе козаки послѣ своихъ маневровъ садились за обѣденные столы, то бандуристы своими пѣснями и думами приводили ихъ въ такое восторженное состояніе, что Поляки, опасаясь отъ этого дурныхъ для себя послѣдствій, запретили бандуристамъ пѣть пѣсни



сточку, а самъ начнетъ выпѣвувать подъ бандуру такую старину, да вспоминать такихъ лыцарей да такія пригоды, що волосъ вяне! За то жъ къ концу обѣда полную хустку грошей загорне.

— Не хвастай, козаче, своею Запорожскою щедростью, сказалъ Шрамко. Мы, городовые, уступимъ вамъ только въ пьянствѣ и лѣни, но въ щедрости и храбрости никогда.

— На счетъ храбрости не буду спорить съ паномъ Шрамкомъ, но щедрыми хоть бы вы и хотѣли быть, то куда вамъ за вашими жинками да дѣтьми!

— Правда, бгать, ей Богу правда! сказалъ Череванъ. Коли бъ не моя Мелася, то давно бъ я пораздавалъ добрымъ людямъ все свое золото и серебро.

— Розумно бъ зробивъ, нечего сказать! оглозвался изъ другой комнаты голосъ его жены.

— Ну, какъ бы то ни было, козаче, продолжалъ Шрамко, хоть мы и не такъ щедры, какъ Запорожцы, а ты всё-таки приведи къ намъ Божьяго Человѣка. Онъ хорошъ и безъ бандуры. Вечеромъ расскажетъ намъ про давнихъ князей Кіевскихъ и про руину старой Украины Русской.

— Добре, добре, приведу, коли захочетъ; бо сей дѣдусь такъ якъ мала дитина: що хоче, те й робить. Ну, да я уже знаю, якъ уговорить его: скажу, что нужно полѣчить панночку, а то не выдержитъ такой трудной дороги, какъ въ Черногорію.

о Хмільницїомъ. Въ Звенигородкѣ одинъ старикъ, рассказывая мнѣ о Запорожцахъ, говорилъ также, что когда Запорожцы пировали, то бандуристы «на кобзѣ мнѣ грали, придобгавши ноги».

Послѣ этихъ словъ Запорожець удалился съ своимъ товарищемъ, напѣвая любимѣйшую тогда въ Украинѣ пѣсню:

Да не буде лучше, да не буде красче, якъ у насъ  
на Вкраинѣ:

Да немає Ляха, да немає Жида, не буде Унів...

Гетманъ въ сопровожденіи Шрамка, Вуяхевича и другихъ приближенныхъ пошелъ къ архимандриту, Череванъ остался отдыхать, а прочіе разбрелись по монастырю.

Леся въ самомъ дѣлѣ, какъ говорятъ у насъ, разнемоглась послѣ приключенія за столомъ. Каждое слово проказника Запорожца она принимала не какъ шутку, а какъ серьезный противъ нея замыселъ, и просила свою мать запереть кругомъ двери и окна, чтобъ онъ не ворвался и не схватилъ ее, какъ коршунъ. Напрасно мать употребляла все могущество своего языка, чтобъ разсѣять ея страхъ; бѣдной дѣвушкѣ грезилось одно, и она чувствовала живѣйшее безпокойство, какое бываетъ при ожиданіи угрожающаго бѣдствія.

Череванъ, ввалившись въ ту комнату, гдѣ она лежала полубольная, и узнавши, въ чемъ дѣло, присовокупилъ отъ себя нѣсколько увѣщаній съ такимъ усердіемъ, что даже сказалъ нѣсколько разъ *бать*, воображая, что говоритъ съ какимъ-нибудь пріятелемъ; однако жъ и это не помогло. Впрочемъ заботливый отецъ заснулъ отъ того ни чуть не хуже и проснулся, когда уже начали звонить къ вечернѣ.

Сомко и его спутники возвратились отъ архимандрита въ самомъ радостномъ расположенїи духа, выхваляя его умъ, ученость и благочестивую ревность на пользу ближнихъ. Шрамко обнималъ гетмана, называлъ его ясною зарею Украины, опорю благоденствїя народнаго и едва не плакалъ отъ восторга, что будущность его родины общаетъ такъ много великаго и славнаго.

Все это было говорено, при стукѣ кубковъ и привѣтственныхъ возгласахъ, въ свѣтлицѣ, сосѣдней съ тою комнатою, въ которой лежала разстроенная гетманская певѣста.

Череванъ, соединившись съ ними въ церкви на вечернѣ, раздѣлялъ отъ всего сердца ихъ радость, не столько впрочемъ потому, чтобъ сочувствовалъ высокому полету ихъ душъ, сколько потому, что видѣлъ ихъ такими веселыми: добрый человекъ больше всего не любитъ видѣть кого-нибудь печальнымъ. Онъ опорожнялъ кубки до дна, и громче всѣхъ раздавался его любимыи возгласъ за чаркою: *Що бѣ нашимъ ворогамъ було тяжко!*

Хотя по тогдашнему грубому состоянїю нравовъ было весьма естественно не обращать вниманїя на испугъ и легкое разстройство здоровья женщины, особенно когда дѣло шло о такомъ важномъ предметѣ, какъ благосостоянїе Украины; однако жъ женское сердце, этотъ вѣрный камертонъ всякаго естественнаго человѣческаго чувства, докладывало моеи Лесѣ, что такъ не слѣдовало бы съ нею обходиться. Не жаловалась впрочемъ она за это ни на

Шрамка, ни на его сына, такъ мало удостоеннаго ея вниманія, ни на своего отца, добраго\*человѣка, но добраго столько, сколько могъ быть добръ козакъ, преданный веселому своему товариству едва ли не больше, нежели собственному семейству; ждалась только на своего блистательнаго, но, видно, слишкомъ занятаго важными предпріятіями, жениха. Для любви женщины мало одной красоты, ума и славы, если все это будетъ поставлено нѣкоторымъ образомъ выше ея самой; женщина будетъ тогда только удовлетворена, когда все это будетъ повергнуто любовникомъ къ ногамъ ея, какъ едва достойное того, чтобъ принести ей въ жертву. По понятіямъ объ отношеніяхъ одного пола къ другому, въ какихъ была воспитана моя Леся, она не могла сознать въ себѣ такого права; но сердце ея, не требующее никакой науки для того, чтобъ чувствовать сильно и глубоко, также точно отъ предмета своей любви жаждало неограниченной преданности, какъ и сердце красавицы нашего времени.

Леся моя любила Сомка съ самаго дѣтства, ибо и у дѣтей есть сильное влеченіе къ людямъ прекрасной наружности и даже къ душамъ благороднымъ и исполненнымъ поэзіи. Череванша сама тоже любила его не меньше дочери. И въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Душа наша не старѣется вмѣстѣ съ тѣломъ, и для нея доступны въ лѣтахъ даже преклонныхъ самыя романическія чувства юности. А какъ время, чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе

освобождаетъ духовную половину человѣка отъ вліянія низкой чувственности, то у степенныхъ женщинъ и у пожилыхъ мужчинъ если является любовь, то является возвышенною до самой неукоризненной чистоты и благородства. Съ такой точки зрѣнія прошу васъ смотрѣть на любовь Череванши къ Сомку. Она сама отъ всей души его любила, и вмѣстѣ съ тѣмъ радовалась, что дочь ея питаетъ къ нему то же самое чувство. Мы смотримъ на своихъ дѣтей, какъ на нѣчто лучшее насъ самихъ, взятое изъ нашего существа и чуждое всего того, что въ насъ повреждено, испорчено, не доведено до совершенства; потому-то рады бы одарить ихъ всѣмъ, что только есть въ мірѣ драгоценнѣйшаго и прекраснѣйшаго: такъ и Череванша, глядя на Сомка, какъ на образецъ совершенства человѣческаго, желала, такъ сказать, заключить его въ объятія — не собственной души, но души гораздо чистѣйшей и возвышеннѣйшей, нежели ея собственная. И это не представлялось ей въ видѣ самоотверженія. Напротивъ, ей казалось, что она такъ же глубоко, какъ и сама Леся, будетъ наслаждаться чувствомъ любви, когда наконецъ этѣ двѣ пышныя чаши, палитыя до самихъ краевъ папиткомъ жизни, составятъ одинъ пераздѣльный сосудъ. Безпрестанно говоря своей Лесѣ о Сомкѣ, постепенно переливая въ ея душу собственныя чувства, она воспитала въ ней самую поэтическую любовь, способную излить новыя струи поэзіи въ наши чудныя Украинскія пѣсни, кото-

рыя, можно сказать, учать цѣлыя поколѣнія Украинокъ любить такъ горячо, такъ нѣжно, такъ преданно, какъ не въ состояніи, кажется, любить ни одна женщина изъ другого племени. Леся съ нетерпѣніемъ ожидала того времени, когда она увидитъ Сомка, котораго по темному воспоминанію воображала чѣмъ-то сверхъ-естественно прекраснымъ, и, что бываетъ рѣдко, нашла его въ самомъ дѣлѣ такимъ, какимъ воображала; ибо не даромъ суровые и малоглазые наши лѣтописцы съ особенною охотою распространяются о красотѣ Сомка, называя ее «чрезвычайною, зѣло дивною» и говоря, что этаго человѣка создалъ Богъ для показанія міру чуда Своего творчества \*. О, сколько гордости пробудилось въ сердцѣ моей героини, когда этотъ образецъ человѣка, этотъ герой, прославленный побѣдами, умомъ и красою, назвалъ ее своею невѣстою! Но какъ заболѣло то же самое гордое, ищущее владычества сердце, почувствовавъ огромное пространство, разделяющее ее отъ этаго превосходнаго надъ всѣми, но занятаго, по видимому, однимъ собою и своими великими предпріятіями, человѣка!

Такова была внутренняя драма чувства, совершавшаяся въ груди этой женщины, одаренной такими сильными элементами жизни, что душа ея выступала изъ тѣснаго круга дѣйствія, который тогдашніе нравы назначали женщинѣ посреди могу-

\* «Сего человѣка самъ Богъ роди на показаніе свѣту». (Лѣтопись Грбянки).

чихъ и вѣчно волнующихся страстей другаго пола въ Украинѣ.

Что касается до Петра, то онъ, тотчасъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ окрестный лѣсъ, подъ видомъ охоты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ быть подальше отъ своей чаровницы, къ которой непонятнымъ образомъ вмѣщались въ его сердцѣ непреодолимая привязанность и вмѣстѣ какая-то злость, хотя его разсудокъ громко оправдывалъ права блистательнаго во всѣхъ отношеніяхъ Сомка и выборъ честолюбивой красавицы.

Въ прежніе годы своей юности Шрамченко иногда ощущалъ въ своей душѣ сильную способность любви, и тогда любовь представлялась ему въ самыхъ очаровательныхъ видахъ, тогда она казалась ему успокоеніемъ сердца и наградою за всѣ его страданія. Если бъ же онъ зналъ, что сквозь его душу, вмѣстѣ съ любовью, пройдетъ такое мучительное оружіе, онъ старался бъ искоренить ее въ себѣ, увѣривъ себя, что любви нѣтъ на свѣтѣ, что это одна мечта, вымышленная людьми, слагаемыми пѣсни; онъ старался бъ искоренить ее въ себѣ, утопивъ свой пылъ душевный въ брачныхъ обязанностяхъ къ какой-нибудь громадной Гарпинѣ и въ домашнихъ заботахъ о какихъ-нибудь толстоносыхъ Евтушкахъ и Харитонахъ, происшедшихъ отъ этаго почтеннаго брака.

Таковы были горькія размышленія моего героя, котораго я, не знаю почему, люблю больше, нежели самаго Сомка, украшеннаго такими блистательными

достоинствами. Бродя по лѣсу, онъ завидовалъ птицамъ, изъ которыхъ, по словамъ пѣсни, ибѣтъ ни одной безъ пары \*, завидовалъ деревьямъ, такъ весело распускающимъ свою зелень: если бы вамъ, думалъ онъ, дать мое сердце, ваша пышная зелень въ одну минуту завяла бъ; завидовалъ камнямъ, что они не имѣютъ никакого чувства, не могутъ ощущать радости, но неспособны и страдать такъ горько, какъ человѣкъ. Молодой козакъ фантазировалъ въ припадкѣ своей тоски, какъ настоящей поэты. Впрочемъ, кого любовь, хоть на короткое время, не сдѣлаетъ поэтомъ?

Бродя по лѣсу, Шрамченко слышалъ звонъ колокола, призывающаго богомольцевъ къ вечернѣ; но онъ не возвратился въ Печерскій монастырь, а пошелъ въ монастырь дѣвичій, который находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ арсеналъ, противъ Печерскаго монастыря \*\*, и въ которомъ, по словамъ Кальнофойскаго, было много монахинь рода княжескаго, воеводскаго, дворянскаго \*\*\* и иныхъ разнаго званія.

Поручивъ свое ружье сѣдоборолу звонарю, онъ вступилъ въ скромную деревянную церковь стѣхъ отшельницъ, которыя, казалось, избрали себѣ

\* «Жадна пташечка безъ товариша не пробуває въ лѣсѣ».

\*\* Въ 1712 году переведенъ онъ на Подольскъ и названъ Флоровскимъ, по имени приходской церкви, при которой онъ тамъ устроень.

\*\*\* Это подтверждается и словами Бовлана: «Мнѣ помнится, говоритъ онъ (*Опис. Укр.* 13), что я видѣлъ (въ Кіевѣ) нѣкоторыхъ монахинь столь прелестныхъ, что и въ Польшѣ встрѣчалъ немногихъ подобныхъ красавицъ».



девиномъ слова Преподобнаго Нестора: «Много монастырей поставляется богатствомъ Царей и бояръ, но они не сравниются съ тѣми, которые воздвигаются молитвою святыхъ, слезами, постомъ и бдѣніемъ \*». И едва вступилъ онъ въ священный сумракъ храма, и его слуха коснулись молитвы и пѣснопѣнія передъ невидимо присутствующимъ здѣсь Творцемъ сердце человеческихъ, душа его тотчасъ почувствовала облегченіе, какъ—будто какая—то прохлада повѣяла на возгорѣвшіяся въ ней чувства. Видъ этѣхъ дѣвственницъ, отказавшихся отъ знатности рода, богатства и утѣхъ мірскихъ, примирилъ его съ неблагоприятною его судьбою. Онъ уразумѣлъ теперь истину словъ дѣвственнаго Апостола: *все, еже въ міръ, есть похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская*, вознесся чистою мыслію къ небесамъ, и изъ очей его полились слезы.

Въ тѣ времена простоты сердечной такіа явленія въ храмѣ Божіемъ не были рѣдки. Кто это видѣлъ, тотъ мысленно благословлялъ Бога за облегченіе несчастнаго; а кто плакалъ, тотъ не стыдился своего плача. Въ нашъ только вѣкъ — съ горестію къ нему обращаюсь — это очистительное волненіе души такъ опрофанировано, что даже грозное предостереженіе Спасителя \*\* не въ силахъ заставить насъ иногда пренебречь ложнымъ стыдомъ отозваться отъ людей, холодно предстоящихъ предъ лицемъ Божіимъ.

\* См. въ *Патерики Кіево-Печерскомъ «Житіе Преподобнаго Антонія Печерскаго».*

\*\* См. Ев. отъ Марка, VIII, 38.

И-такъ Шрамченко вышелъ изъ монастыря, примиренный съ своею участью. Но когда возвратился онъ ввечеру на квартиру и очутился опять посреди людей и предметовъ, припоминающихъ его несчастную любовь, рана его, слишкомъ наскоро залѣченная, снова растравилась, и снова начались мученія, отъ которыхъ онъ не зналъ, куда дѣваться. Горесть его была тѣмъ сильнѣе, что всѣ вокругъ него были веселы, и никому не было дѣла до его страданій. Правда, едва ли кто изъ рыцарей кубка и догадывался объ этомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, съ посоловѣвшими глазами, для которыхъ весь свѣтъ казался смѣющимся, радушно предлагали ему круговую. Шрамченко съ-горя взялъ огромную коновку, наполненную какою-то наливкою, и выпилъ ее до дна, думая пьянствомъ заглушить свою горесть. Но онъ и въ этомъ случаѣ не достигъ своей цѣли. Выпивши гораздо больше, нежели случалось ему прежде на самыхъ разгульныхъ козацкихъ пирахъ, онъ чувствовалъ, что хмѣль не имѣетъ надъ его головою никакого дѣйствія, ибо тоска его была теперь несравненно сильнѣе и безнадежнѣе той, которую онъ вчера у Черевана успѣлъ-было на цѣ-которое время подавить хмѣльными напитками.

Передъ самымъ ужиномъ явился, по своему обѣщанію, Запорожець, котораго лице, слова и всѣ приемы выражали странную смѣсь степенности, насмѣшливости, безопасности и хитрости. За нимъ слѣдовалъ, какъ вѣрный песъ, его угрюмый товарищъ. Леся согласилась-было на убѣжденіе своей матери—

раздѣться и лечь въ постель, но, услышавъ его голосъ, рѣшилась не раздѣваться и не ложиться спать всю ночь. А Запорожець, какъ бы съ намѣреніемъ позабавиться еще больше ея страхомъ, началъ опять свой странный разговоръ:

— Ну, панове, сказалъ опъ, я уже совсѣмъ собрался въ дорогу.

— Въ какую дорогу? спросилъ Сомко.

— Да въ Черногорію жъ.

— А ты-таки не отстаешь отъ своей затѣи?

— Когда жъ это бывало, чтобъ Низовцы, что-нибудь затѣявши, оставили свой замыселъ безъ исполненія, якъ дѣти, або якъ бабы, которыя много говорятъ, и ничего не дѣлаютъ? О чемъ никто подумать не отважится, то Низовець, сидя надъ широкимъ моремъ-лиманомъ, выкомпонуеть, затѣетъ и скорѣй пропадетъ, нежели броситъ свою затѣю.

— Не къ такимъ ли подвигамъ причисляешь ты и свою поѣздку въ Черногорію?

— А чому жъ? Украсть у жениха невѣсту, да еще у такого жениха, якъ гетманъ Сомко, провезть ее черезъ столько земель и добраться до Черной Горы, не потерявши ни панны изъ-за сѣдла, ни головы съ плечъ, ни дукатовъ изъ череса — ей Богу, это все равно, что дойти на чайкахъ до Цареграда и «окурить его муры дымомъ мушкетнымъ»! Да когда я подамъ своему прежнему товариству голосъ изъ Черногоріи, то все Запорожье заплещетъ въ ладони! скажетъ: «Отъ, козакъ, такъ такъ! Оттакими молодцами нужно подпереть сѣче-

вую силу, то будетъ стоять, пока свѣтитъ солнце на небѣ!»!

— Вржіій сынъ Запорожець! сказалъ смѣясь Сомко. Тебѣ бѣ только бандуристомъ быть?

— Отъ чего жъ только? А такъ нельзя, щобъ и лыцаремъ и бандуристомъ? Вѣдь и Божій Человѣкъ въ свое время ни въ чемъ не уступалъ Кирилу Туру. Онъ-то и былъ однимъ изъ тѣхъ молодцевъ, что въ двадцать-девятомъ году съ Михайломъ Дорошенкомъ, «воюючи въ човнахъ по Эвксипонту, коснулися мужественно и самихъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя довольно окуривши дымомъ мушкетнымъ, превеликій султану и всѣмъ мешканцамъ Цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе». Кто знаетъ? можетъ-быть, и мнѣ написано на роду то, что Божьему Человѣку, бо вже шось недаромъ мою Турову голову такъ заморочили дѣвочи очи!

— И ты, будучи Запорожець, не стыдишься въ томъ признаваться? сказалъ Шрамко, которому въ этомъ молодцѣ нравились этѣ неистошмыя шутки, эта развязность и бойкость рѣчи. А шо скаже товариство, когда узнаеть, что куреный отаманъ такъ осрамилъ Запорожье?

— Ничего не скажетъ, бо я вже теперь вольный козакъ.

— Якъ то теперь вольный? А хйба жъ козакъ былъ когда-нибудь рабомъ?

— Про городовыхъ ничего не скажу, отвѣчалъ, лукаво посматривая, Запорожець, а наши Ни-

• Изъ письма кошового отамана Сѣрка къ Крымскому Хану.

зовцы никогда не позволяли ѣздить на себѣ Ляхамъ. Однако жъ, пока козакъ считается въ куренномъ товариствѣ, до тѣхъ поръ онъ такой же невольникъ у сѣчевой старшины, какъ и послушникъ монастырскій у своего игумена. Свяжись, когда хочешь, тогда съ бабою, то будешь тямить, *по чимъ жившь лиха!* Но нашъ монашескій уставъ мудрѣе монастырскаго: у насъ *вольному воля, а спасенному рай*. Чего добраго можно ожидать отъ монаха, которому запахнуть, какъ говорится, прелести міра сего? У насъ, какъ только человѣкомъ овладѣетъ дьяволъ суеты мірской, то заразъ ему отставка: иди къ бѣсовой матери! выбрикайся на свободѣ, коли слишкомъ разжирѣлъ отъ товарискаго хлѣба! И неразъ случалось, що бѣдный сѣромаха погуляетъ, погуляетъ по свѣту, *ухватить*, якъ кажутъ, *шломъ потоки*, да увидѣвши собственными очами, что въ мірѣ нѣтъ ничего путнаго, броситъ жинку и дѣтей, придетъ до Сѣчи: «Эй, братчики! примите меня опять межъ ваше товариство! Чортма въ свѣтѣ добра: не стоитъ опъ ни радости, ни печали!» А козаки тогда: «А що, брате! *ухопивъ шломъ потоки!* Бери жъ лишень корякъ да выпей зъ нами сіен дуры, то може порозумнѣешь». Отъ бѣдолаха садится межъ милымъ товариствомъ, пьетъ, рассказываетъ про свое житье-гореванье въ свѣтѣ, а тѣ только слушаютъ да за бока берутся отъ смѣху. Такъ и мой покойный батько, царство ему небесное, ѣздячи когда-то по Украинѣ, натрапивъ на такія очы, що и товариство стало ему не товариство:

сказано — лукавый замутилъ человѣку голову. Ну, увольнился отъ товариства, сѣлъ хуторомъ гдѣ-то возлѣ Нѣжина, и хозяйство завелъ и дѣтокъ нажилъ двоихъ. Одинъ изъ нихъ былъ карапузъ-хлопецъ, а другая дѣвочка. Только годовъ черезъ пять-шесть такъ ему все опротивѣло въ той сторонѣ, какъ орлу въ неволѣ. Сумуе да и сумуе козакъ, бо чи можно жъ козацкую душу заполнить жинкою квочкою да дѣтми писклятами? Козацкой души и весь міръ не заполнить. Весь міръ она прогуляетъ и разсыплетъ, якъ дукаты зъ кишени, и насытитса только тогда, когда обратится всѣми мыслями къ Богу....

— Що жъ сталося съ твоимъ батькомъ? спросилъ Сомко. Ты уже когда говоришь, то говори одно, бо разомъ всего не скажешь.

— Съ моимъ батькомъ? сказалъ Запорожець, выходя изъ какой-то несвойственной ему задумчивости, въ которую впалъ онъ послѣ своего разсужденія. Эге! Я жъ кажу, що женившись батько мой скоро побачивъ, що *пожививсь*, якъ *собака мухою*, и заскучалъ по Запорожью. Уже неразъ говорила ему моя мати такъ, якъ та жинка въ пѣснѣ:

Що ты, мильй, думаешъ-гадаешъ?

Мабуть, мене покинути маешъ?

Рано встаешъ, коня наповашъ,

Жовтенького вивса пидсыпаешъ,

Зеленого сѣнца пидкладаешъ;

Въ сѣнечки идешъ, нагайки пытаешъ,

Въ комору идешъ, сѣдельця шукаешъ,

Двѣ плаче, ты не поколышешъ,  
Все на мене важнымъ духомъ дышешъ...

Только мой батько не пускался въ такіе жалобные раздобары, якъ той козакъ съ своею жинкою, а надумавшись, нагадавшись, сѣлъ разъ на коня, взявъ на сѣдло съ собою карапуза своего сына, то есть меня поганого, да и гайда на Запорожье! Не выбѣгала въ-слѣдъ за нимъ моя мати, якъ въ той пѣснѣ, не хватала за стремяна, не упрашивала вернуться, выпить вареной горѣлки, нарядиться въ голубой жупанъ и еще хотъ разъ посмотрѣть на нее. И наливки и жупаны оставилъ онъ ей на прожитье, а самъ въ простой сермягѣ удралъ за границу бабскаго царства, на Запорожье. Отъ же и мнѣ, видно, придется пойти по батьковскимъ слѣдамъ.

— Ну, садись же, сказалъ Сомко, да повечеряй на дорогу: путь не близокъ до Черногорїи.

Всѣ сѣли за приготовленный ужинъ при красноватомъ свѣтѣ заходящаго солнца, котораго лучи, пробиваясь въ окна сквозь колеблющіеся листья деревъ, играли на стѣнѣ и на столѣ, покрытомъ сребрянными коновками и кубками.

— Пью за успѣхъ необыкновеннаго твоего замысла! сказалъ гетманъ, наполнивши свой кубокъ.

— Отъ всей души благодарю! отвѣчалъ Запорожець и опорожнилъ въ отвѣтъ свой кубокъ. Когда ты самъ, пане гетмане, пьешь за успѣхъ моего замысла, то вѣрно онъ исполнится, какъ нельзя лучше.

— Что ты думаешь? сказалъ Шрамко поти-

хоньку гетману. Миѣ кажется, что этотъ бурлака не совсѣмъ шутитъ. Смотри еще, чтобъ въ самомъ дѣлѣ дьяволъ не подвелъ его на какую-нибудь сумасбродную шутку.

— Богъ знаетъ что! отвѣчалъ смѣясь гетманъ. Я слишкомъ хорошо знаю этаго гультая. Не смотря на свои лукавые и насмѣшливые взгляды, онъ имѣетъ душу болѣе нѣжную, нежели бы можно ожидать отъ человѣка, выросшаго на Запорожьи. Когда я прогонялъ Ляховъ изъ Украины и отбивался отъ Юруса и Татарвы, онъ съ своимъ Черногорцемъ оказалъ миѣ немало услугъ. Онъ былъ моимъ вѣстникомъ, шпиономъ, тѣлохранителемъ, и все это за кубокъ наливки да за доброе слово. Неразъ насыпалъ я ему полную шапку талярей, но онъ, выходя отъ меня, выбрасывалъ ихъ вонъ какъ соръ. «Откуда это, говоритъ, столько половины набилось въ мою шапку! Такой чудодѣй! Бывало говорю: «Кирило, скажи, ради Бога, чѣмъ мнѣ наградить тебя за твои услуги? вѣдь ты неразъ спасалъ меня отъ смерти». — «А развѣ жъ это не награда? говоритъ. Мало радости вырвать у смерти такую голову!» вотъ и все. Послѣ этаго можно ли сомнѣваться, что онъ искренно ко миѣ привязанъ? А на его шутки нечего смотрѣть: у него всегда что-нибудь подобное на языкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Шрамко, это золото, а не Запорожець! Папе отамане, сказалъ онъ Кирилу Туру, иди сюда, дай я обниму и поцѣлую тебя.



— За що се такая ласка? отвѣчалъ тотъ своимъ ироническимъ тономъ.

— Иди, иди, мнѣ-то знать, за що!

И Шрамко прижалъ Запорожца къ своей груди.

— Мало радости, повторилъ онъ, вырвать у смерти такую голову! Вотъ за что я тебя цѣлую.

— Эге, батьку! отвѣчалъ Запорожець. Се ще дурница, да такъ меня приголубиваешь. Якъ же ты приголубишь Кирила Тура за то, что онъ украдетъ у самага гегмана невѣсту и провезетъ въ Черногорїю?

— Врагъ, меня возьми, бгаты, отозвался Череванъ, который особенно любилъ балагурство во вкусъ Кирила Тура — врагъ меня возьми, если я когда видѣлъ подобнаго молодца! Душа, а не Запорожець! Иди, бгате, и ко мнѣ, я я тебя поцѣлую.

— Вотъ добрые люди! сказалъ Запорожець, освободясь отъ мягкихъ объятїй Черевана. У нихъ дочку крадешь, а они тебя цѣлуютъ! Ей Богу, безподобные люди! Шкода, що вже, може, больше не побачимся, бо въ Черногорїю и воронъ костей нашихъ не занесетъ. А славная сторона Черногорїя! Подумайте только, що все горы, все горы, такъ что ровнаго мѣста тамъ развѣ десятая часть противъ горъ. Потому-то и не завекуетъ ее никакой чортъ! А не такъ, якъ наша Украина, що приди да и хозяйствуй, якъ дома. Тамъ бы заложить Сѣчь, то була бъ воля козаку до конца свѣта! Знае, що я думаю? Навѣдаюсь туда, да когда въ самомъ дѣлѣ тамъ такъ добре воевать съ невѣрными, какъ го-

ворить мой побро, то будь я кать знае що, коли не переманю туда половины Запорожья и не заведу на Черной Горѣ настоящего коша!

— Хе, вража мати! сказалъ Шрамко, потерши лобъ. Можно ли думать, чтобъ въ такой безалаберной головѣ родилась такая пышная мысль! Заложить Сѣчь на двухъ рогахъ Турецкаго царства! Что ты думаешь, сыну? обратился онъ къ Сомку, можетъ быть, эта минута чревата. Богъ знаетъ какими славными дѣлами!

— Я всегда говорилъ тебѣ, батько, отвѣчалъ Сомко, что въ головѣ моего розбышаки больше мозгу, нежели кажется. Потому—то я и люблю его такъ.

— А чи знаете, панове, продолжалъ Запорожець, будто бы не замѣчая ихъ похвалъ, отъ чего Черногорія такъ наерошилась горами?

— А ты и это знаешь? сказалъ Шрамко.

— Якъ же мнѣ не знать, коли мой побро только и рѣчи, что трубить мнѣ въ уши про свою родину? Мнѣ кажется, будто я самъ тамъ родился. Вотъ видите ли, когда творилась земля, то якія боги не хотѣли, чтобъ добрые люди карабкались по горамъ; хотѣли выгладить всю такъ чисто да гарно, якъ нашу Украину. Вотъ и давай носить мѣшкомъ горы да бросать въ море. Долго они трудились такъ для насъ грѣшныхъ, какъ однажды набрали въ мѣшокъ столько горъ, что и мѣшокъ не выдержалъ. Только—что они доходятъ до моря, а мѣшокъ трѣсь! и прорвался; горы и засыпали всю Черногорію. А боги сказали: «Долго ли намъ тру-

даться для этихъ грѣшниковъ! Будутъ жить, если захочутъ, и межъ горами!» да и оставилъ такъ землю.

— Это уже твоя выдумка, пане отамане! сказалъ Сомко.

— Моя! не повѣрилъ бы ты моему побро! Даромъ, що ты гетманъ, а онъ и на тебя насупилъ бы брови!

— Бре, побро! отозвался наконецъ Черногорець. Нѣтъ, гетманъ такой юнакъ, котораго я столько жъ уважаю, какъ и нашего владыку.

— Какаго владыку? спросилъ Шрамко.

— Ге, пане полковнику! отвѣчалъ Запорожець. Черногорія сторона чудная! Тамъ-то ты процвѣталъ бы, «якъ городъ рожя!» Подумай только, что этѣми удалыми головами править человекъ съ такою жъ длинною бородою и въ такой же рясѣ, какъ и ты. Однимъ словомъ — епископъ, архіерей, преосвященный владыка! Що у насъ гетманъ, то у нихъ владыка. А тамошніе попы и дигумены знаются не съ одними требниками да псалтырями. Нѣтъ, батько! какъ только загремитъ и покатится по горамъ непріятельскій выстрѣлъ, святые отцы, не хуже тебя, спимають со стѣны ружья, подпоясываютъ сабли, садятся на коней и выступаютъ впереди храбрыхъ юнаковъ противъ невѣрныхъ \*!

\* Такіе обычаи до сихъ поръ существуютъ въ Черногорїи, которая по справедливости есть страна героевъ. Сдѣлаю небольшую выписку изъ занимательнаго путешествія г-на Ковалевскаго, посѣщавшаго Черногорїю, кажется, въ 1840 году: «У самыхъ монастырскихъ воротъ мы встрѣтились съ человекомъ, покрытымъ потоцъ и кровью, съ отрубленною человѣческою головою у сѣдла. Одна борода отличала его отъ другихъ Черногорцевъ. Онъ лихо соско-

Вотъ народъ! вотъ сторона! А у насъ немного поповъ доказало этой славы!

— Въ самомъ дѣлѣ, это рыцарская сторона! воскликнулъ Шрамко въ восхищеніи. Если ты подлинно думаешь навѣдаться въ Черногорію, чтобъ завязать между ними и нами узелъ на погибель враговъ Христіанства, то вотъ тебѣ мое благословеніе!

— Благодарю, святой отче! сказалъ Запорожець, поцѣловавши огромную, жилистую руку Шрамка. Теперь я нимало не сомнѣваюсь въ успѣхѣ своего предпріятія.

Вечернее пиrowанье продолжалось не очень долго, потому—что благочестивымъ людямъ не прилично было въ монастырской гостинницѣ гулять до поздна. За часъ до полупочи, всѣ уже спали, нарушая тишину ночи только разнаго рода храпѣньемъ, которое раздавалось отъ покоевъ, занятыхъ сановнѣйшими изъ гостей, до конюшень, гдѣ помѣстился Василь Невольникъ и нѣсколько другихъ козаковъ. Многіе улеглись подъ открытымъ небомъ на подворьѣ, и хотъ ночь была довольно прохладна, но для этихъ крѣпкихъ людей, разгоряченныхъ напитками, прохлада ночная, по-видимому, была такъ пріятна и живительна, какъ и для травъ, привянувшихъ на солнечномъ жару. Кругомъ по лѣсу раздавалось пѣніе соловьевъ, покрываемое иногда ди-

чилъ съ коня, радушно пріѣтствовалъ насъ и, радуясь искренно нежданымъ гостямъ, приглашалъ насъ въ монастырь. Это былъ отецъ игумень». (*Четыре мѣсяца въ Черногоріи*, 111.)

къмъ голосомъ пугача \*, который очень яственно выговаривалъ свое зловѣщее *пугу!* Козацкое солнце \*\* высоко поднялось надъ лѣсами, какъ бы для того, чтобъ поглядѣть на своихъ любимцевъ, безопасно покоящихся подъ его сіяніемъ. Звѣзды осыпали небо, какъ ризу, своими сверкающими искрами.

Пышная картина ночи въ умѣ Украинца облекается рядомъ благочестивыхъ и поэтическихъ мыслей. Мѣсяцъ своими таинственными пятнами напоминаетъ ему вражду двухъ первыхъ братьевъ: чтобъ предостерегать на вѣки вѣковъ родъ человѣческой отъ подобнаго злодѣянія, Богъ начерталъ Своею рукою на этомъ свѣтилѣ небесномъ образъ Каина, несущаго на плечахъ своего брата, въ знаменіе того, что никогда мысль о содѣянномъ убійствѣ не оставитъ души преступника. Звѣзды представляются воображенію Украинца человѣческими душами, которыя, воспользовавшись усыпленіемъ грѣховной плоти, во время ночи вознеслись къ своему Творцу, чистыя и блистающія. Если покатится по небу и погаснетъ падающая звѣзда, Украинецъ заключаетъ, что погасла жизнь какаго-нибудь человѣка, и усердно перекрестится, прося Бога отпустить ему хрѣхи его. Къ нѣкоторымъ изъ неподвижныхъ звѣздъ и созвѣздій онъ обращается, какъ къ священнымъ знакамъ творческой руки Божіей, благотельнымъ для разныхъ временъ года. для разныхъ

\* Такъ въ Украинѣ называютъ филина.

\*\* Такъ называютъ иногда въ Украинѣ мѣсяцъ.

занятій, промысловъ и тому подобное. Такъ созвѣдіе *Возъ* \* считается благодѣтельною звѣздою чумаковъ; другія покровительствуютъ жатвѣ, скотоводству и прочая.

Ночь, распростершаяся надъ Печерскимъ монастыремъ и его холодными лѣсами, была очаровательно-прекрасна; но никто не любовался ею, хотя и былъ въ числѣ разгульныхъ богомольцевъ одинъ человѣкъ, который напрасно думалъ найти сонъ на травѣ, покрывавшей подворье гостиницы. Этотъ человѣкъ долго переворачивался съ одного бока на другой, вздыхалъ, изрѣдка стоналъ, подобно раненому воину, который, при всемъ своемъ мужествѣ, не можетъ перенести терпѣливо боли своей раны; наконецъ всталъ и вышелъ сквозь низенькую форточку въ лѣсъ.

Вы конечно догадались уже, что это былъ не кто другой, какъ Петро, ибо до кого мнѣ больше надобности, спать ли кто, или страдаетъ бессонницею въ Печерской гостиницѣ? Правда, я очень желалъ бы заглянуть въ комнату моей Леси, но туда заглядывать не наше дѣло. И-такъ, это былъ бѣдный Петро, который таилъ отъ всѣхъ несчастную любовь свою и тѣмъ жестоко мучился. Да и къ чему было бы ему кому-нибудь открываться, если такая откровенность, вмѣсто участія, дала бы другому случай посмѣяться надъ чувствами, которыя всякой влюбленный считаетъ самыми священными въ своей душѣ? Если и въ нашъ образованный вѣкъ

\* Большая Медвѣдка.

такъ мало вѣрятъ возможности истинной любви, то что же сказать о томъ грубомъ вѣкѣ, когда женщины принимали въ спутники жизни только по матерьяльнымъ нуждамъ, а не по требованію духа, чувствующаго себя неполнымъ, недосозданнымъ безъ сліянія съ тѣми высокими и вѣжнѣйшими его элементами, которыя вложены Создателемъ въ прекрасную душу женщины? Въ-старину любили, можно сказать, однѣ женщины: доказательствомъ тому осталось множество сложенныхъ ими пѣсень \*. Мужчина только тогда возвышался до любви чисто-духовной, когда дѣлался семьяниномъ и отцемъ.

Какія думы, какія чувства занимали душу моего печальнаго героя, не берусь рассказывать вамъ, да и самъ онъ едва ли былъ бы въ-состояніи выразить что-нибудь словами. Если бъ онъ имѣлъ мать, для которой всякое страданіе сына становится собственнымъ страданіемъ, или сестру, которую Украинскія наши пѣсни такъ хорошо называли *жалибницею* \*\* — онъ бы имъ рассказалъ свое горе; ибо, если козакъ стыдился обнаруживать свои вѣжнїя

\* Тотъ ошибется, кто всѣ пѣсни, въ которыхъ говорится отъ имени *козака*, припишетъ мужчинамъ: женщины, любя всею душою и выражая свою любовь въ пѣсняхъ, вкладывали въ уста мужчинъ и тѣ вѣжнїи, которыхъ онѣ такъ бы отъ нихъ желали, и тѣ укоры и холодныя рѣчи, отъ которыхъ такъ страдало ихъ сердце. Даже тѣ пѣсни, въ которыхъ изображаются опасности военнаго быта, смѣръ козака и т. п., сложены женщинами. Для козаковъ все это была прозаическая дѣйствительность, а въ воображеніи покоящихся объ ихъ участи матерей, женъ, сестеръ и любовницъ — *екозакїя пригоды* облекались въ поэзію.

\*\* Напримѣръ:

«Полегѣть, синици, де моя сестрици,  
Нехай мене одвѣдають моя жалибниця».

чувства передъ козакомъ и прикрывалъ ихъ всегда насмѣшливымъ тономъ, то онъ невольно дѣлался простодушнымъ юношею, когда мать начинала окружать его своими трогательными заботами, или сестра принималась расчесывать его кудри, спрашивая о чужой сторонѣ, объ ужасахъ, нуждахъ и опасностяхъ, какимъ онъ подвергался. Мой Петро не имѣлъ ни матери, ни сестры; казалось бы, его чувства тѣмъ удобнѣе могли огрубѣть посреди забіякъ-товарищей и суровыхъ воинскихъ занятій. Но вышло напротивъ: они достигли тѣмъ большей силы въ глубинѣ его души, закрытой и нѣмой для всѣхъ женщинъ до этаго роковаго знакомства.

Петро медленно бродилъ по узкой дорожкѣ, извинаящейся по-межъ старыми дубами и березами, сквозь которыя мѣсяцъ, спустившись съ высоты неба, проливалъ по травѣ и по истрескавшимся корнямъ древеснымъ длинныя полосы своего свѣта. Ночь была уже на исходѣ. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу конскій топотъ. Шумъ постепенно къ нему приближался. Опытный слухъ его скоро распозналъ умѣренную рысь двухъ лошадей. Избѣгая съ кѣмъ бы то ни было встрѣчи, онъ отошелъ въ сторону и черезъ минуту или черезъ двѣ началъ различать голоса двухъ разговаривающихъ людей, изъ которыхъ въ одномъ нетрудно было узнать Запорожца Кирила Тура. Несвободная, наполненная ошибками противъ языка и перемѣшанная съ Сербскими восклицаніями *бре* и *море* рѣчь его собесѣдника обна-



руживала въ немъ всегдашняго спутника его Богдана Черногора.

— Хотѣлъ бы я знать, побро, говорилъ Сѣчевикъ, что скажутъ ваши отничары о Запорожскомъ удалствѣ, когда ты имъ расскажешь, какъ Кирило Туръ подхватилъ себѣ дѣвойку — да еще какую!

— Бре, побро! отвѣчалъ Черногорець, я до тѣхъ поръ буду считать это одною изъ твоихъ шутокъ надо мною, пока не увижу этаго чуда на свои очи.

— Мѣсяцъ еще нескоро зайдетъ; ручаюсь тебѣ, что увидишь.

— Какъ же ты отменишь дѣвойку такъ, чтобъ никто стуку и крику не услышалъ?

— Эге-ге! такія ли дѣла приходилось Запорожцамъ совершать на своемъ вѣку? Ты думаешь, що у насъ всякаго выберутъ отаманомъ? Э, нѣтъ, дзусь! характерство не такая вещь, чтобъ далось всякому дурню!

— Море! воскликнулъ Черногорець. Ты бѣ уже хоть меня не дурачилъ, когда находишь забаву въ томъ, чтобъ морочить добрыхъ людей.

— Ты не вѣришь? Що-то не нашего поля ягода! А чѣмъ же ты заставилъ бы всѣхъ спать смертельнымъ сномъ, когда я буду тамъ хозяйствовать? Чѣмъ бы заставилъ ты замки и зотворы отворяться передо мною безъ всякаго стуку и шуму? Я не

Такъ назывались у Запорожцевъ чародѣйскія средства, употребляемыя, будто бы, ихъ предводителями (характерниками) для успѣха въ военныхъ предпрїятїяхъ.

только украду дѣвойку, но даже и коня для нея осѣдлаю и выведу изъ конюшни, бо эта дѣвойка на дитя не похожа. Врагъ меня возьми, коли я знаю дѣвку рослѣе и здоровѣе! Мало того, что она *добра яко луна, избрана яко солнце*, нужно еще прибавить, что она *страшна, яко вчиненны!* Только ты, пане брате, не тямить, що то за вчиненны. Это значитъ—воины, стоящіе въ боевомъ порядкѣ. Именно, она *добра яко луна, избрана яко солнце, и страшна яко вчиненны!* Еслибъ не лѣкарство отъ переполоху, которое дали ей выпить, то не знаю, какъ бы я усадилъ ее на сѣдло.

— Яжъ же ты, побро, будешь съ нею жить, когда называешь ее такою страшною?

— Эге, брате! чужа сторона не то, что подворье, полное козаковъ. Помирится со мною по неволѣ и будетъ такъ любо жить, шо чудо! бо *дѣвка*, кажутъ, якъ *верба: де ни посади, то приметъся.*

— Ну, и прямо въ Черногорію?

— Нѣтъ, нагонятъ вражи дѣти и отнимутъ дѣвойку. Притомъ же, нужно сперва расквитаться и распрощаться честно съ ториствомъ. Мы оставимъ ее въ одномъ хуторѣ, возлѣ Хотова, а сами вернемся въ Кіевъ и завтра еще поможемъ дурнямъ отыскивать дѣвойку. Будутъ у насъ такіе, шо скажутъ, гдѣ ее и съ кѣмъ встрѣтили и всѣ примѣты расскажутъ...

Между-тѣмъ, какъ Петро съ любопытствомъ и удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ, козаки проѣхали мимо него и отѣхали такъ далеко, что го-

лоса ихъ начали покрываться неумолкавшимъ во всю ночь пѣніемъ соловьевъ.

Теперь этѣ странныя рѣчи Петру не казались уже шуткою, и первымъ его движеніемъ было идти въ гостинницу и разбудить козаковъ. Но сдѣлавши нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ монастырю, онъ перемѣнилъ свои мысли, и ему стало даже стыдно, какъ могъ онъ быть такъ легкомысленъ, чтобъ допустить возможность успѣха въ предпрїятїи пьянаго, какъ онъ думалъ, Запорожца, которому вбилась въ голову Богъ знаетъ какая затѣя, а онъ принялъ ее за серьезное дѣло!

Однако жъ онъ продолжалъ приближаться медленнымъ шагомъ къ гостинницѣ. — Мнѣ съ перваго взгляда не пришелся по душѣ этотъ бурлака, думалъ онъ: его ухватки, взгляды и слова слишкомъ нахальны, хоть онъ и храбрый козакъ. Да какъ-будто нельзя быть храбрымъ и вмѣстѣ звычайнымъ; а то шумить и бурлить, якъ кабанъ въ корытѣ. Я отъ души буду доволенъ, если ему тамъ за эту шутку Сомко, также шутя, велитъ нагрѣть дубиною плечи.

Послѣ нѣсколькихъ шаговъ мысли его приняли другое направленіе. — Неразъ слышалъ я, думалъ онъ, отъ старыхъ и бывалыхъ козаковъ, что эти бурлаки Запорожцы, сидя тамъ на Низу помежъ комышами, помежъ болотами, имѣютъ больше случаяевъ обнюхаться съ нечистымъ, нежели мы, городовые козаки. Часто случалось имъ выкрадывать

• Вѣжливымъ.

изъ Турецкихъ крѣпостей не только своихъ товарищей невольниковъ, но и самихъ Туркень такимъ чуднымъ способомъ, что безъ особенной помощи Божіей или безъ ничистой силы обойтись, кажется, было бы трудно. Правда, почему жъ не быть помощи Божіей для освобожденія невольника изъ басурманской земли, или для того, чтобъ невѣрная Туркень сдѣлалась Христіанскою? Но отъ такихъ разбихаекъ, у которыхъ безпрестанно на языкѣ какая-нибудь гадость \*, и Богъ отступится. Притомъ же недаромъ, должно быть, носится межъ народамъ слухъ про ихъ характерство. Одинъ дѣдъ рассказывалъ мнѣ, что видѣлъ своими очами, какъ Запорожець уходилъ отъ Татаръ чрезъ Днѣпръ: разостлалъ на водѣ бурку, сѣлъ на нее да и поплылъ на другой берегъ; еще, сидя на буркѣ, и отъ Татаръ отстрѣливается! Конечно, то пустяки, что Ляхи вѣрятъ, будто бы Запорожцы рождаются на Днѣпровскомъ Лугу, какъ грибы, и что, павши, въ бою, они оживаютъ до девяти разъ, потому будто бы, что у каждаго Запорожца девять душъ въ тѣлѣ \*\*. Можетъ

\* Запорожцы любили взорачивать въ свою рѣчь такіа выраженія, которыхъ никакимъ образомъ нельзя помѣстать въ печатной книгѣ и которыя считались неприличными и отаратительными даже у городовыхъ козаковъ тогдашняго времени. Самый грубый и низкій въ словахъ и дѣйствіяхъ былъ общему, второпившемуся обычаю, чертою Запорожцевъ. У городовыхъ козаковъ напротивъ въ обращеніи развита была «поважная звычайность», и кѣтъ для однихъ казалась смѣшными городскія приличія, такъ для другихъ былъ отаратителемъ Запорожскій цинизмъ.

\*\* Объ этомъ говоритъ Польскій писатель XVI вѣка Николай Рей въ своемъ *Zwierzytnosc*, на листѣ III, также и Николай Памковский въ своей *Chorągwie Sauromaackiej*.

быть, и переправа чрезъ Днѣпръ немножко подкрашена. Но говорятъ, что Запорожскому характернику украсть у добраго человѣка что-нибудь также легко, какъ достать тютюну пзъ собственнаго гамана . Что жъ, если сатана поможетъ ему въ этомъ случаѣ? Пойду скорѣй, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не надѣлалъ намъ бѣды этотъ проидисвѣтъ.

Но, прошедши шаговъ десять, онъ опять остановился. — Что я за безумная голова! сказалъ онъ почти въ-слухъ. Кому я иду помогать? Кого спасать? Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь? Что жъ я за вартовый, который долженъ не спать по цѣлымъ ночамъ для того, чтобъ какой-нибудь пьяница не подкрался изподтишка и не испугалъ гетманской невѣсты? Когда ты выходишь за гетмана, такъ пусть вокругъ тебя на всѣхъ дверяхъ и воротахъ поставитъ сторожу; а мои уши ничего не слышали и очи не видѣли... Пусть васъ хоть всѣхъ перехватываютъ эти гайдамаки; мнѣ какое дѣло? Воображаю я завтра ясновельможнаго цаца, когда узнаеть, что Запорожець изъ-подъ носа у него укралъ невѣсту! Воображаю и тебя, пышная пани Череванша: такъ ли гордо будешь ты поглядывать на нашего брата, когда этотъ женихъ со звѣздами вмѣсто очей, съ солнцемъ на лбу и мѣсяцемъ на затылкѣ, проспитъ свою гетманшу хуже всякаго гультая? Воображаю и

• Гаманомъ называется небольшая кожанная ладунка для табаку и принадлежностей трубки. Вмѣсто гамана Украинцы носятъ еще сакеи т. е. двойной нѣшокъ.

тебя, царица, когда эта шибай-голова замчитъ тебя межъ Черногорцевъ, гдѣ, говорятъ, женщины пѣлуютъ въ руку всякаго мужчину, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ великою милостью? Будешь ты скакать тамъ черезъ саблю этаго дикаго Тура, в неразъ вспомнишь пѣсню:

Любивъ мене, мати, Запорожець,  
Водивъ мене босу на морозець...

Тутъ его мысли были прерваны послышавшимся вдали топотомъ коней. Все его вниманіе обратилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ Запорожець знаетъ съ нечистою силою? подумалъ онъ. Но посмотримъ, не одни ли они возвращаются? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ! воскликнулъ онъ мысленно, примѣтивши вдали трехъ лошадей, отъ которыхъ длинныя тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался.

Похитители—или, уже говоря языкомъ того народа, по обычаямъ котораго сдѣлано это похищеніе — *отмичары* скоро подѣхали очень близко. Межъ ними на конѣ сидѣла *отмица*, которую они поддерживали съ двухъ сторонъ подъ руки.

Видъ бѣдной дѣвушки, попавшейся этимъ чародѣямъ, поразилъ сердце моего Петра нѣкоторымъ ужасомъ. Она казалась дѣйствительно заколдованною, ибо сидѣла на своемъ конѣ съ закрытыми глазами и опущенною головою, между-тѣмъ, какъ видно было, что она чувствуетъ свое положеніе.

Петро слышалъ даже нѣсколько прерывистыхъ фразъ, сказанныхъ слабымъ голосомъ красавицы; но за топотомъ коней и за свистомъ соловьевъ, которые передъ разсвѣтомъ пѣли громче прежняго, не могъ разслушать, что она говорила. Онъ хотѣлъ было выдти изъ-за куста, заступитъ отмичарамъ дорогу и сразиться съ ними, не смотря на всѣ ихъ чары; но вспомнилъ, что при немъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ короткаго ножа, составлявшаго въ то время принадлежность всякаго козака и мѣщанина и служившаго во время пиршества вмѣсто столоваго.

Когда они проѣхали мимо, Петро еще съ минутою не зналъ, на что рѣшиться, ибо, не смотря на состраданіе къ Лесѣ и негодованіе къ Запорожцу, въ его сердцѣ всё еще не исчезла ревность и низкое чувство мести къ счастливому сопернику и къ тѣмъ, что такъ мало поняли любовь его. Онъ еще разъ обратился къ любимымъ своимъ размышленіямъ на счетъ досады и стыда людей, съ которыми Запорожецъ сыгралъ такую злую шутку. — Посмотримъ, говорилъ онъ мысленно, много ли поможетъ моей царицѣ гетманскій санъ ея суженнаго... Вдругъ до его слуха долетѣлъ довольно явственный вопль увозимой красавицы, и ему показалось, что онъ слышалъ въ немъ свое имя. Сердце его затрепетало такъ сильно, что онъ схватился рукою за лѣвый бокъ свой, и въ ту жъ минуту пробудилась въ немъ вся энергія, вся готовность пожертвовать за эту дѣвушку своею жизнію,

хоть бы только для того, чтобъ она сказала: «добрый человекъ былъ!»

• Онъ бѣгомъ бросился въ гостинницу, отъ которой былъ недалеко, и сперва хотѣлъ—было разбудить спавшихъ въ покояхъ; но непреодолимое отвращеніе извѣщать Сомка о его невѣстѣ удержало его отъ этаго. Къ-тому жъ онъ боялся потерять время. И такъ онъ вбѣжалъ въ конюшню, разбудилъ спавшаго тамъ Василя Невольника и, пока сѣдлалъ своего коня, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Василь невольникъ отъ удивленія и страха могъ только произносить: «Боже правый, Боже правый!» и Петро, оставивъ его въ этомъ положеніи, поспекалъ за ворота съ быстротою вихря.

Между-тѣмъ отмиচারы продолжали свой путь такъ быстро, какъ только позволяло имъ затрудненіе везть полусонную красавицу. Бѣдная Леся, видимо, была напоена соннымъ напиткомъ и притомъ такъ сильно, что до сихъ поръ не могла очнуться. Скоро однако жъ свѣжіей ночной воздухъ и движеніе отъ верховой ѣзды произвели надъ нею свое дѣйствіе. Она открыла отяжелѣвшія свои вѣки и, увидя себя въ лѣсу среди двухъ усатыхъ рожъ, можетъ быть, красивыхъ для глазъ живописца, но созданныхъ не для обвороженія красавицы, сочла это видѣніе за сонъ. При всемъ томъ страхъ ея былъ такъ силенъ, что она пронзительно закричала, призывая своихъ друзей на помощь; и этотъ-то крикъ произвелъ такое благодѣтельное дѣйствіе на любящее сердце моего Петра. Что же касается до сер-



дець Кирила Тура и его вѣрнаго побратима, то вопль прелестной отмицы тронулъ ихъ не болѣе того, сколько крикъ попавшагося въ пасть собакѣ зайца трогаеть сердце охотника. Два витязя ночи только взглянулись между собою съ торжествующимъ видомъ и продолжали мчать впередъ свою добычу.

— Куда вы меня везете, звѣри вы безжалостные! вскричала опять бѣдная Леся. Богъ васъ накажеть за такое злодѣйство!

— Послушай, моя дуся, сказалъ ей Запорожець такимъ голосомъ, который заставилъ ее затрепетать, я не знаю вашихъ нѣжностей. Можетъ быть, ясновельможный панъ гетманъ, или кто другой, умѣлъ бы лучше забавить тебя. Я жъ скажу тебѣ только, что кричать тебѣ нечего. Я съумѣю любить тебя не хуже всякаго гетмана. Въ этомъ порукою можетъ служить то, что я отважился украсть тебя, можно сказать, изъ-подъ когтей у спящаго медвѣдя.

Такое утѣшеніе, какъ можете себѣ представить, мало подѣйствовало на красавицу, и она продолжала плакать и громко призывать кару небесную на головы своихъ злодѣевъ.

— Мое ты коханье! отозвался къ ней еще разъ Запорожець такъ неохотно, какъ будто считалъ свои слова слишкомъ драгоценными для разговоровъ съ женщиною — мое ты коханье! Совѣтую тебѣ отложить до другаго времени свой крикъ, а то насъ могутъ нагнать, и тогда не думай, чтобъ я возвратилъ тебя имъ живую. Можетъ быть,

у вашихъ сельскихъ волковъ можно вырвать изъ пасти еще незадушеннаго ягненка, но наши луговые волки не привыкли быть такими уступчивыми. Молчи, говорю, если хочешь жить на свѣтѣ!

И зная, какое дѣйствіе имѣетъ на женское сердце видъ сверкающаго оружія, онъ вынулъ свой кинжалъ и блеснулъ имъ при мѣсяцѣ передъ ея глазами, прибавивъ: — не плачь, моя дитино любя! бачъ, яка цяця!

Яростный взглядъ, брошенный изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце того, кому онъ угрожалъ, заставили бѣдную отницу повиноваться своимъ похитителямъ въ молчаніи и только мысленно возноситься къ Богу, испрашивая Его помощи.

Когда выѣхали они изъ лѣсу на открытое поле, то замѣтили, что блѣдное лунное сіяніе борется уже съ розовымъ свѣтомъ зари, которая начинала окрашивать восточный горизонтъ своимъ прозрачнымъ пурпуромъ. Поля лежали какъ бы огромными волнами, и дорога то спускалась въ долину, то подымалась на отлогую возвышенность холмовъ. Поднявшись на одну изъ такихъ возвышенностей, Запорожець оглянулся назадъ и, замѣтивши подъ лѣсомъ скачущаго во весь опоръ всадника, сказалъ: — не будь я Кирило Туръ, если этотъ молодець не за нами! И если хочешь знать зоркость моего ока, то я скажу тебѣ и кто это. Это сынъ стараго Шрамка. Врагъ меня побери, если я не догадываюсь, какой зарядъ несетъ такъ быстро эту пулю.

— Море, драгій побратиме! Чего жъ ты сталъ? Утекаймо!

— Не такой, братъ, у него конь, чтобъ намъ уйти съ этою панною. Да и къ-чему это намъ послужить? Нѣтъ, лучше остановимся и дадимъ ему бой по-лыцарски.

— Бре, побро! я никогда не прочь отъ бою, но насъ два: стрѣлять намъ противъ него нельзя\*, а на сабляхъ не знаю, что можно сдѣлать Шрамченку. Мы только провозимся здѣсь съ нимъ до свѣта, пока на насъ наскочутъ и отнимутъ дѣвойку.

— Я много разъ слышалъ, отвѣчалъ Кирило Туръ, что Шрамченко одинъ изъ первыхъ рубакъ на Украинѣ, и потому-то не хочу, чтобъ онъ видѣлъ спину Кирила Тура въ то время, какъ махалъ ему издали саблею. Посмотри, какъ онъ машеть, какъ будто просить добрыхъ пріятелей воротиться къ нему въ-гости. Будь я дрянъ, а не Запорожець, если сегодня одинъ изъ насъ не достанетъ лыцарской славы, побѣдивши соперника, извѣстнаго во всей Украинѣ.

— Ты хочешь, побро, одинъ съ нимъ биться?

— А вже жъ одинъ? Я скорѣй промѣняю саблю на веретено, нежели нападу вдвоемъ на одного человѣка!

— Море, побро! ты погибнешь. Я знаю, какъ тяжело падаетъ рука Шрамченка.

\* Козаки въ частныхъ своихъ схваткахъ близись большею частью на сабляхъ. Упершись плечами въ стѣну, добрый рубака могъ защищаться отъ цѣлой толпы. Кто при этомъ осмѣлился бы выстрѣлить, тотъ невозвратно потерялъ бы имя честнаго человѣка.

— Погибну или нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ты увидишь такой поединокъ, послѣ котораго перестанешь выхвалять смѣлость и спокойствіе своихъ Черногорскихъ юнаковъ при честной расправѣ.

Между-тѣмъ, какъ они разговаривали такъ, остановившись на одной изъ отлогихъ возвышенностей поля, Петро приближался къ нимъ тѣмъ быстрѣе, что Леся, увидя вдругъ столь неожиданную себѣ помощь, вынула изъ кармана бѣлую хустку и махала ему въ знакъ своей радости. Отпечары только-что оставили за собою мостикъ, перекинутый чрезъ глубокое провалье, соединявшее два байрака, какими покрыты над-Днѣпровскія мѣста западной Украины. Кирило Туръ, поручивъ свою отмицу попеченію Черногорца, всталъ съ коня и, разобравши ветхій мостикъ, побросалъ составлявшія оный бревна въ провалье, на днѣ котораго ревѣлъ мутный потокъ, врывался все глубже и глубже въ глинистую землю.

— Нашто ты это творишь, драгіи побратиме? спросилъ Черногорець.

— На то, отвѣчалъ Кирило Туръ, чтобъ этотъ молодець доказалъ сперва свое право имѣть дѣло съ Запорожцемъ. Пусть сперва перепрыгнетъ черезъ это провалье, тогда я готовъ съ нимъ рубиться хоть до страшнаго суду.

— Бре, побро! къ чему это? Если ты думаешь, что ему трудно перепрыгнуть, то лучше оставимъ его по ту сторону, а сами доберемся скорѣй до Хотова.

— Можетъ быть, у васъ въ Черногоріи такъ

дѣлають, что думаютъ только объ успѣхѣ, а у насъ важнѣе всего «честь и слава, войсковая справа», которая бѣ и «сама себя на смѣхъ не давала, и ворага подѣ ноги топтала». О головѣ заботиться нечего. Недаромъ сказано: *человѣкъ яко трава*. Не сегодня, такъ завтра она «поляже якъ одѣ вѣтру на степу трава», но —

Слава не вьре, не поляже,  
Льцарство козацьке всякому роскаже.

Между-тѣмъ, какъ этотъ молодець, дѣйствуя по-разбойничьи, мечталъ о рыцарской славѣ (что впрочемъ водилось и въ Нѣмецкомъ рыцарствѣ), Шрамченко прямо летѣлъ на него съ обнаженною саблею; но конь его, доскакавши до провалья, вдругъ остановился, упершись въ землю передними ногами и дико всхрапнувши отъ ужаса.

— Ге-ге-ге! сказалъ смѣясь Запорожець. Видно не по твоему вкусу такіе ярки?

— Подлый человѣкъ! вскричалъ ему Шрамченко. Такъ-то ты заплатилъ за гостепримство гетману?

— За гостепримство! Отъ диво велике! отвѣчалъ Кирило Турь. У насъ въ Сѣчи пріѣзжай кто хочеть, ратице воткни въ землю, а самъ садись, ѣжь и пей хоть трѣсни — никто тебѣ ложкою очей пороть не станеть. А эти городовые кабаны только потому все считаютъ своимъ, что прежде другихъ забрались въ огородъ. Олухи вы Царя небеснаго! подумали бѣ вы сперва, Кто тотъ огородъ засадилъ всякою пищею на потребу человѣка!

— Іуда ты нечестивый! продолжалъ Шрамченко. Тебя обнимають и цѣлуютъ за вечерю, а ты умышляешь въ то самое время злодѣйство!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Запорожець. Вольно дурнямъ обнимать и цѣловать меня, когда я въ-глаза имъ говорю, какъ честный человекъ, безъ обмана, что увезу сегодня панночку! вмѣсто того, чтобъ городить такіе пустяки, лучше попробуй перепрыгнуть это провалье, то мы съ тобою покажемъ этому юпаку, какъ бьются настоящіе лыцари.

Шрамченко и безъ его совѣта намѣренъ былъ это сдѣлать. Оберотивши коня назадъ, онъ разогнался съ тѣмъ, чтобъ перепрыгнуть пространство шириною около полуторы сажени; но его конь, видно, не былъ приученъ къ подобнымъ скачкамъ, или не надѣялся на легкость своихъ ногъ. Добѣжавши до провалья, онъ уже поднялъ было переднія копыта, чтобъ прыгнуть на другой берегъ, но вдругъ, ужаснувшись глубины рва и глухаго рева воды, онъ всталъ на дыбы и такъ отшатнулся назадъ, что едва не опрокинулся на спину. Шрамченко однако жъ удержался въ сѣдлѣ.

Запорожца такъ забавляли этѣ напрасныя попытки, что онъ отъ души хохоталъ, стоя на другомъ краю пропасти и по-видимому вовсе не заботился о своемъ положеніи.

— Ай, ай! кричалъ онъ, — ай да козакъ! дѣвка по неволѣ перескочила съ нами черезъ провалье; а онъ, взявшись отнять ее, не смѣетъ сдѣлать двойнаго скачка!

— Я бѣ тебѣ скоро заткнулъ глотку, Иродова душа! сказалъ раздосадованный Шрамченко, если бѣ не забылъ взять своихъ пистолетовъ!

— Никогда я не повѣрю, отвѣчалъ тотъ преравнодушно, чтобъ сынъ Шрамка взялся за разбойничье оружіе одинъ противъ одного, тогда-какъ имѣеть въ рукѣ честную саблю. Скажи, что жъ бы мнѣ мѣшало отдѣлаться отъ тебя пулею и ѣхать дальше, вмѣсто того, чтобъ ждать, пока ты отважишься скакнуть черезъ этотъ ровчакъ?

— Подлая кожа! сказалъ между-тѣмъ Шрамченко, досаду на своего коня. Чтобъ тебя волки съѣли! Я обойдусь и безъ твоихъ ногъ! И отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ разбѣжаться и сдѣлать отчаянный прыжокъ.

Угадавъ его намѣреніе, Леся закрыла въ ужасѣ глаза и мысленно молила Бога подкрѣпить его силы. Впрочемъ, глядя на высокій его ростъ, стройность тѣла и гибкость движеній, можно было ожидать, что онъ исполнитъ свое намѣреніе не подвергаясь большой опасности. Въ самомъ дѣлѣ прыжокъ былъ такъ ловокъ, что Шрамченко ступилъ правою ногою на другой берегъ; но едва коснулся земли, какъ она подъ нимъ обрушилась подобно хрупкому слою снѣгу, и онъ полетѣлъ бы на дно глубокаго проваля, если бѣ Запорожецъ не подбѣжалъ и не подалъ ему руки.

— Молодецъ, братъ, ей Богу молодецъ! говорилъ этотъ затѣйливый чудакъ. Недаромъ о тебѣ

идеть такая слава. Ну, теперь я отъ всей души готовъ съ тобою стукнуться саблями.

— Слушай, товарищъ, сказалъ ему Шрамченко, я не въ состояніи съ тобою биться; ты меня обезоруживаешь своимъ козацкимъ прямодушіемъ и неустрашимостью.

— Какъ? ты отказываешься отъ своей горлицы?

— Нѣтъ, козацкое слово — нѣтъ! Скорѣй откажись отъ собственной жизни!

— То-то жъ! Ато, не будь я Кирило Туръ, если бъ не столкнулъ такого тухтѣя назадъ въ провалье!

— Но послушайся меня, братъ, продолжалъ Шрамченко, отдай мнѣ эту панну, кончи на этомъ свою шутку, и вотъ тебѣ рука моя, что я буду твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.

— Ха-ха-ха! вотъ чудеса! воскликнулъ Запорожець. Я зналъ, что въ тебѣ бездна отваги, но не зналъ, что такъ мало толку. Не совсѣмъ же ты, козаче, пошелъ по батьку! Какой бы дьяволъ заставлялъ меня затѣвать съ гетманомъ такую шутку, если бъ самъ сатана не засѣлъ въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ, братику, умереть отъ сабли такого козака, якъ ты, для меня ничего не значить, но отдать назадъ такую краю — ой, ой, ой! И такъ годи балакать. Стукнемся лучше такъ, щобъ ажъ ворогамъ було тяжко, какъ говоритъ панъ Череванъ, и пусть лучше про нашу славу Божій Человѣкъ сложитъ пѣсню, нежели разойтись чортъ знаетъ по якому, испугавшись одного блеску сабель.



И говоря это, онъ обнажилъ свою тяжелую и длинную саблюку.

— И-такъ ты въ самомъ дѣлѣ не намѣренъ уступить мнѣ безъ бою своей браки? спросилъ Шрамченко.

— Що бъ я на страшный судъ не вставъ, отвѣчалъ Запорожець, если допущу тебя дотронуться до нея прежде, нежели у меня не будетъ голова разсѣчена надвое, якъ кочанъ капусты!

— Нехай же насъ Богъ разсудить, а меня простить, что поднимаю руку на того человѣка, который недавно спасъ меня, можетъ быть, отъ смерти!

И съ этими словами сталъ въ оборонительное положеніе.

— Кохавый побро! обратился тогда Кирило Туръ къ Черногорцу, если я паду, то не препятствуй козаку взять себѣ нашу отмицу: она будетъ принадлежать ему по праву меча; а самъ ступай въ Черногорію и скажи, что есть еще на свѣтѣ одна земля, гдѣ молодцы не уступаютъ въ храбрости Черногорскимъ юнакамъ. Жаль, що далеко до шинку, ато бъ и мы зробили такъ, какъ ты рассказывалъ про ваши юнацкіе поединки, що сперва сошедшись стукнуть по доброй чаркѣ горѣлки, поговорять, пошуткуютъ и начинаютъ смертный бой такъ весело, какъ танецъ. Що жъ ты, козаче, не нападаешь? обратился онъ къ Шрамченку. Твое право нападать, а мое отбиваться.

Шрамченко началъ сѣчу. Никогда, можетъ быть, не сходились вмѣстѣ два бойца, столь равные

по силѣ, искусству, неустрашимости и хладнокровію, какъ Кирило Туръ и Петро Шрамченко. Плотная фигура Запорожца общала на первый разъ болѣе силы, но за то стройные и гибкіе члены молодаго козака общали больше проворства и неутомимости. Стукъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ и отражаемыхъ съ равною силою и искусствомъ, приводилъ въ трепетъ сердце моей Леси, и только глаза такого человѣка, каковъ былъ Черногорецъ, могли смотрѣть на этотъ страшный бой безъ ужаса. Въ поединкѣ, происходившемъ передъ нимъ, онъ видѣлъ нѣчто столь высокое въ своемъ родѣ, что, глядя на него, забылъ и объ опасности своего друга и о собственномъ положеніи. Съ восторгомъ артиста наблюдалъ онъ, какъ удары съ обѣихъ сторонъ отпускались сперва изрѣдка и съ умѣреннымъ напряженіемъ силы, какъ они постепенно дѣлались быстрѣе и крѣпче, какъ оба противника перемѣняли постепенно одинъ за другимъ способы сражаться и отвѣчали другъ другу съ такимъ присутвіемъ духа, знаніемъ дѣла и единодушіемъ, какъ два музыканта, дающіе концертъ на скрипкахъ. Между тѣмъ по воспламенившимся воинскою яростью ихъ взорамъ, по искрамъ, сыплющимся при каждомъ стукѣ сабель, и напряженію ихъ рукъ и всего тѣла можно было каждую минуту ожидать, что чья-нибудь голова распадется на двѣ части. Этого однако жъ не случилось, потому-что послѣ долгой и равно славной для обѣихъ сторонъ битвы, сабли

вдругъ перебились, и противники остались обезоруженными.

— Ну, чѣмъ же кончимъ поединокъ? сказалъ Шрамченко, разгорячившись и уже забывши свои кроткія мѣры. Давай бороться или стрѣляться на пистолетахъ. Миѣ не хотѣлось бы, чтобъ кто-нибудь сказалъ, что я не справился съ Запорожцемъ Туромъ.

— Къ чорту борьбу! отвѣчалъ Запорожецъ, тяжело дыша. Это шутовскій поединокъ, и я не надѣюсь, чтобъ ты бросилъ меня объ землю такъ, чтобъ и духъ вонъ. А признаюсь, миѣ прїятнѣй пойти къ чорту въ зубы, нежели видѣть, какты завладѣешь моею бранкою. Пистолеты также къ чорту! Немного чести и удалства раздробить чловѣку черепъ глупою пулею! Есть у насъ, когда хочешь, кинжалы равной величины и одного мастера. Схватимся за руки по-братски, по стародавнему обычаю, такъ-какъ рубились когда-то козаки съ Печенѣгами на берегахъ Альты за того Ярослава, что лежитъ въ Святой Софіи, и пусть намъ Господь милосердый отпустить наши согрѣшенія!

Въ слѣдъ за тѣмъ онъ взялъ у своего побратима кинжалъ и подалъ Шрамченку, который схватилъ съ какою-то безумною радостью это губительное оружіе. Потомъ они взялись крѣпко лѣвыми руками, и между ними началась битва, гораздо ужаснѣе первой.

— Эй, драгій побратиме! сказалъ Черногорецъ,

*Ист. Гос. Росс., II, 17.*

оканчивай скорѣй поединокъ, бо вонъ уже погоня летитъ за нами.

— Не бойся, побро! отвѣчалъ прерывисто Запорожець, продолжая сражаться; пока переправятся черезъ ровъ, то всему будетъ конецъ.

— Ахъ, наши, наши! вскричала Леся, обративши на дорогу глаза, устремленные до сихъ поръ съ ужасомъ на сражающихся.

Въ самомъ дѣлѣ къ нимъ приближалось нѣсколько всадниковъ съ такою быстротою, какая только возможна была для ихъ лошадей. Впереди всѣхъ, какъ легко можно догадаться, скакалъ Сомко. За нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи поспѣшалъ Павлочскій попъ. Удивительно было видѣть этаго старика, несущагося съ быстротою вѣтра, между тѣмъ какъ сѣдые его волосы въ кудряхъ и бѣлая борода развѣвались по вѣтру. Но еще удивительнѣе было видѣть въ числѣ козаковъ Череваншу, при всей своей дородности не уступающую мужчинамъ въ быстротѣ и смѣлости верховой ѣзды. Съ отчаяннымъ взоромъ, съ разгорѣвшимися щеками, она подобна была львицѣ, у которой похитили единственное дитя ея. Крикомъ своимъ она выражала досаду, что конь не въ состояніи бѣжать такъ быстро, какъ бы ей хотѣлось. Василь Невольникъ, едва поспѣвая за нею, всякую минуту опасался, что конь вышибетъ ее изъ сѣдла; но конь напротивъ сталъ какъ-будто ея собственными ногами; съ такою дерзостью и увѣренностью въ своей силѣ она понуждала его скакать быстрѣе.

Выѣхавъ изъ лѣсу, они скоро замѣтили вдали на возвышенїи двухъ сражающихся человѣкъ, которыхъ сабли блистали красными полосами, потому-что востокъ уже зардѣлся отъ лучей солнца, еще не вышедшаго изъ-за горизонта. Шрамко, догадавшись, въ чемъ дѣло, и зная силу и искусство своего сына, увѣренъ былъ, что онъ положитъ на мѣстѣ обоихъ хищниковъ, не смотря на видимую крѣпость Кирила Тура и смѣлый видъ его товарища. Но когда поединщики взялись за кинжалы, у него замерло сердце, ибо онъ зналъ, что въ этомъ случаѣ не рѣдко оба противника падаютъ разомъ. И дѣйствительно, едва Сомко доскакалъ до провалья, гдѣ конь его вдругъ остановился, Шрамченко и Кирило Туръ нанесли въ одно и то же мгновенїе другъ другу въ грудь такіе глубокіе удары, что оба повалились за-мертво.

П. Кулашъ.